ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Пазин Роман Викторович

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Специальность 07.00.02 –
«Отечественная история»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
ЛЕОНОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

Самара – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение …… 3
Глава I. Революционный терроризм и общество в начале XX в. ……. 44
§ 1. Истоки, идеология и масштаб политического террора в начале XX в. … 44
§ 2. Эволюция революционного терроризма в начале XX в. и его влияние на правительство и общество …….. 61
Глава II. Либеральное общество и терроризм в 1890-е – 1905 гг. ……... 90
§ 1. Политический террор и либералы накануне Первой российской революции ……. 90
§ 2. Российские либералы и террор в первый год революции (1905 г.) …….. 106
Глава III. Кадеты и терроризм в думский период …….. 122
§ 1. Кадеты и дискуссия о терроре в I Государственной Думе (1906 г.) ……. 122
§ 2. Терроризм и кадеты во II Государственной Думе …….. 142
§ 3. Революционный терроризм и конституционно-демократическая партия в период третьеиюньской монархии ……..…… 162
Глава IV. Умеренные и консервативные либералы и терроризм после издания Манифеста 17 октября ……..…….. 176
§ 1. «Союз 17 октября» и политический терроризм в период Первой российской революции 1905-1907 гг. ……. 176
§ 2. Октябристы и проблема террора в период третьеиюньской монархии ... 191
§ 3. Терроризм и партии российских промышленников и предпринимателей в период революции 1905-1907 гг. ……... 204
§ 4. Политический терроризм начала XX в. и партии демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов …….…… 215
§ 5. Христианские либералы и терроризм в начале XX в. …… 234
Заключение …… 242
Список источников и литературы ……... 249

Введение

Актуальность темы исследования. В трансформации социальной и политической жизни либеральная идеология и политическая практика играют важную роль. Достаточно сложно представить современную политическую систему демократического государства без партий и движений либеральной направленности. В связи с этим актуализируется исследование истории российской либеральной общественности начала XX в., вступившей в рассматриваемый исторический период в качественно новый этап своего развития.

С другой же стороны, актуальность изучения проблем террора и общественного отношения к нему объясняется тем, что в начале XX в. террористическая идея овладевает определенной частью общества. Одним из проявлений социально-политического кризиса в России начала XX в. стала вспышка революционного насилия. Если за последние сорок лет XIX в. жертвами террористов стало около 100 человек, то в за период 1901 – февраль 1917 гг. количество убитых измерялось тысячами.

Без понимания механизмов взаимодействия либерального общества с террористическим подпольем невозможно в полной мере разобраться в особенностях политического террора. Более того, без изучения феномена революционного терроризма крайне сложно понять общественно-политическую ситуацию в России начала XX в.

Массовый терроризм возник из-за социальных и внутриполитических противоречий и был характерен для всего периода Первой российской революции, так и после нее примерно до 1911 г. Террористические акты, вооруженные нападения, экспроприации стали постоянным явлением социального и политического процесса, постоянным источником новостей, вызывали озабоченность власти, являлись предметом споров и обсуждений на заседаниях Государственной думы, острых дискуссий в среде политических партий. Российский террор менялся и количественно, и качественно. Можно отметить, что уже с 1905 г. политические убийства стали массовыми и внепартийными. Как отмечал С.У. Дикаев, «террористическая практика стала закономерным продолжением

революционных идей», которые получили широкое распространение и отражали давно назревший конфликт между властью и оппозицией[1].

В рассматриваемый период перед российским обществом со всей остротой встала проблема отношения к терроризму, и именно тогда происходит окончательное складывание либеральных политических объединений и завершается формирование их программных и тактических установок. Обстоятельства вынуждали либеральные партии начала XX в. постоянно откликались на террористические акты, ставить вопросы о правомерности использования или поддержки насилия в борьбе за власть, о причинах и целях террора, об его эффективности и нравственного оправдания и пр. Именно в этом ракурсе изучение отношения либерального общества к террористической деятельности в начале XX в. актуально в научном плане, поскольку ими отражается аксиологическая дихотомия восприятия политического терроризма.

Объектом исследования является либеральная общественность начала XX в., различающаяся своим отношением к вопросу политического террора как сложному явлению, порожденному общественно-политическими условиями России конца XIX – начала XX вв., и используемое либеральными политическими партиями и организациями в борьбе для достижения своих стратегических и тактических установок.

Предмет исследования – восприятие российскими либералами начала XX в. терроризма, его генезиса и конкретных проявлений, а также формирование и изменение отношения либеральных партий и организаций по проблемам, связанными с политическим терроризмом, поскольку их мнение выражало позицию одобрения или осуждения террора, регулировало поведение отдельных людей, социальных групп и институтов, насаждало определенные нормы общественных отношений.

Территориальные рамки работы определяются границами Российской империи на общегосударственном уровне, поскольку деятельность либеральных организаций и партий начала XX в. затрагивала территорию всего государства.

---

[1] Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006. С. 129.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период: начало XX в. – февраль 1917 гг. Нижняя граница связана с очередной вспышкой политических убийств, ознаменовавших начало новой террористической кампании; верхняя граница определяется возникновением революционных процессов в феврале 1917 г., когда начинается новый этап политической борьбы, связанный с использованием террора как тактического средства в новых условиях.

Степень научной разработанности проблемы. В настоящем времени историками обработан значительный массив источников, накоплено огромное количество фактов. При этом ряд проблем, связанных с российским терроризмом, остались не до конца изученными. Одной из таких проблем является восприятие политических убийств либеральным обществом. В современной историографии существует определенный интерес к данной проблематике, но специально она почти не разрабатывается.

Большинство существующих исследований затрагивает тему терроризма начала XX в. в либеральном мнении лишь вскользь и не проводит должного различия между отдельными направлениями в его восприятии среди либеральных партий и организаций. В литературе существуют противоречивые, зачастую противоположные взгляды на то, как террор вписывался в либеральное общественное мнение. Тем не менее, на нынешнем этапе развития исторической науки ответить на эти вопросы вполне возможно. Усилиями исследователей ликвидировано большое количество «белых пятен» в истории российского либерализма и террора. В настоящее время назрела необходимость в интерпретациях фактического материала, во встраивании их в общую картину социально-политического развития России в начале XX в.

Отечественную историографию рассматриваемой проблемы условно можно разделить на три этапа:

I этап: 1890-е – 1917 гг. - дореволюционный период (размышления и заключения непосредственных участников событий);

II этап: 1917 – начало 1990-х гг. - советский период, при котором данная проблема разрабатывалась недостаточно, а порой совсем не исследовалась

(например, середина 1930-х гг. - конец 1950-х гг.) или же преподносилась в свете поражения тактики либеральных партий в политической борьбе с революционными силами;

III этап: начиная с 1990-х гг. – по настоящее время – новая волна исследований, связанная с расширением возможностей для работы с документами и материалами, в связи с их массовой публикацией.

Некоторые аспекты истории терроризма в России изучены недостаточно, хотя он в той или иной степени являлся одним из основных направлений идейных споров на различных этапах развития российского революционного и освободительного движения. В дореволюционной России почти все политические движения, партии, группы и их местные организации в той или иной мере были причастны к террору или были вынуждены реагировать, вырабатывать свое отношение к нему. Иногда даже в одной и той же партийной организации существовали различные точки зрения на теорию и практику терроризма.

Происходившие в России начала XX в. теракты попадали в поле зрения дореволюционных публицистов и историков, которые стремились изучить мотивы их совершения. В их взгляде на политический террор можно выделить разнообразные точки зрения. Но стоит учитывать, что историки и публицисты начала XX в., выражая ту или иную идейно-партийную направленность, защищая ту или иную партию, часто искажали свое истинное отношение к ряду проблем, в том числе и на террор.

Для представителей социалистического и либерального направления революционный терроризм был ответом на внутреннюю политику правительства. Поэтому, с их точки зрения, бороться против распространения террора в России было необходимо не с помощью жестких мер, военно-полевых судов, которые только увеличивают размер насилия в обществе, а при помощи реформ[1]. При этом власть обвинялась в потворстве и экстремистским действиям, совершаемым промонархически настроенными

[1] См., например: Штейн В.И. (Морской А.) Исход российской революции. 1905 года и правительства Носаря. М., 1911. С. 6-7, 11; Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907. С. 177, 186.

элементами против оппозиции[1]. Либеральная историография исходила из посылки, что в политической борьбе, происходящей в России, участвуют два лагеря: сторонники конституции (куда включались и революционеры) и ее противники. Данная точка зрения в дореволюционной историографии была представлена, в частности, трудами И.П. Белоконского[2]. Он был первым, кто в своих исследованиях объединил различные течения российского либерализма.

Важная особенность дореволюционных работ, посвященных либерализму, - определенная ограниченность источниковой базы. Они могли писать, опираясь лишь на опубликованные источники – прессу, листовки, агитационно-пропагандистскую литературу. Закулисные стороны деятельности либеральных партий трактовались в искаженном духе на основе политических пристрастиях авторов.

Важным дополнением к литературе 1900-1917 гг. являются многочисленные воспоминания лидеров либерального движения, которые в значительной мере носят исторический характер[3]. Так, например, В.А. Маклаков в гибели России обвинял «интеллигентов-политиков», отказавшихся от сотрудничества с властью и потворствующих революции, а П.Н. Милюков обвинял в этом прежде всего царское правительство и бюрократию.

Определенный интерес для понимания позиции кадетов в годы Первой российской революции 1905-1907 гг. по вопросу терроризма представляют исследования представителей консерваторов и октябристов. Они в своих работах показывали оппозиционную и даже «революционную» сторону деятельности кадетов. Так, В.И. Герье изображал кадетов революционерами, стремившихся к захвату власти, а это, по его мнению, могло привести лишь к разрушению целостности России и ее гибели. Он считал кадетов непосредственными виновниками революционных событий, сгубивших

---

[1] Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. С. 167.

[2] Белоконский И.П. Земское движение. М., 1910; Белоконский И.П. Земство и конституция. М., 1910.

[3] Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954; Милюков П.Н. Воспоминания: 1859-1917. В 2 т. Нью-Йорк, 1955.

своей неумеренной тактикой I и II Думу: «Первую – потому, что в своем самообольщении задумали провести политический переворот и захватить правительственную власть. Вторую – потому, что шли рука об руку с революционерами в самой Думе и потакали их деятельности»[1].

Консерватор и ответственный руководитель правительственного официоза газеты «Россия» И.Я. Гурлянд (псевдоним - Н.П. Васильев) так описывал левое крыло кадетов: «оно состоит из людей воспламененных, из людей в такой мере ненавидящих существующее правительство, что когда они говорят о нем, глаза их принимают рубиновый оттенок, лица искажаются, а некоторых даже начинает как бы поддергивать»[2].

Серьезные претензии к Партии народной свободы предъявлял видный деятель земского движения Д.Н. Шипов, считавший, что со времени своего учредительного съезда кадеты вступили на путь «несомненно революционный»[3]. По его мнению, после издания Манифеста 17 октября либеральная общественность должна была «признать революционное движение в стране законченным» и содействовать установлению нового государственного строя. Но кадеты не захотели признать политическую борьбу завершенной, а продолжали вести ее «с еще большей страстностью и непреклонностью». Они выдвигали радикальные требования, искали союза с социалистами, подрывали доверие к Манифесту 17 октября, отказывались войти в состав нового правительства – одним словом, «предпочитали остаться в положении безответственной оппозиции». Они не захотели считаться с необходимостью поддержания в стране авторитета государственной власти и продолжали развивать тактику, «которая все более и более возбуждала настроение как общества, так и народных масс и устраняла возможность мирного разрешения политического кризиса»[4].

Стоит отметить, что лидеры кадетов П.Н. Милюков и П.Б. Струве полагали, что эсеры были самой революционной из всех партий[5], и

---

[1] Герье В.И. Вторая Государственная дума. М., 1907. С. 378.
[2] Васильев Н.П. Правда о кадетах. СПб., 1912. С. 11.
[3] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 399.
[4] Там же. С. 402.
[5] Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. СПб., 1908. С. 194; Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. Спб., 1911. С. 10, 56-58.

поставили вопрос о вырождении эсеровского террора в период 1905-1907 гг., когда он становится больше похожим на уголовный бандитизм[1].

Таким образом, работы первого периода историографии представленной темы еще не были историческими исследованиями в чистом виде: авторы писали о политическом терроризме, с которым сталкивались в чистом виде, что зачастую приводило к искусственной драматизации материала. Большую часть дореволюционных книг, затрагивающих проблему терроризма и появлявшихся по «горячим следам», следует скорее отнести к источникам мемуарного характера. Они представляют собой воспоминания и попытки осмысления событий современниками, научный анализ фактов и критический разбор материала в них почти отсутствует.

Исследователи советского периода продолжили изучение либерального движения, а также как стихийного, так и организованного терроризма. Однако, революция 1917 г., события гражданской войны, становление однопартийной политической системы оказали серьезное влияние на изучение политического террора и восприятия его российским обществом. По мере укрепления большевиков у власти в исторической литературе все более преобладают оценки, положения и выводы В.И. Ленина. Им была дана политико-правовая концепция терроризма, которая концентрировано выражена в утверждении: террор - «одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент… и при известных условиях»[2]. Его мысль о допустимости террористических методов политической борьбы с правящей государственной властью в России, о некриминальном характере террористического акта, а также о необходимости героизации личностей террористов – стали направляющими идеями научных работ последующих лет (до 1938 г.) по данной проблематике.

Научное изучение проблемы тактики либеральных партий началось в 1920-е гг. Первым проблемой среди историков-марксистов занялся М.Н. Покровский, который полагал, что либеральная буржуазия включалась

[1] Обнинский В.П. Новый строй. Ч. 1-2. М., 1911. С. 131-132.
[2] Ленин В.И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне // Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 7.

в систему общего оппозиционного фронта наряду со всеми революционерами и играла революционную роль, поскольку «объективно облегчала революционное движение, помогала ему развиваться»[1].

Советская историография 1920-х гг., посвященная тактике либералов, принимала и развивала теоретические построения М.Н. Покровского. Так, А.Н. Слепков и С.Г. Томсинский не усматривали различий между консервативным крылом российского либерализма и демократическим, считая всех либералов представителями промышленного капитала, ведущему борьбу против торгового капитала (самодержавия)[2]. А, например, С.Е. Сеф и В. Стальный утверждали, что кадеты до декабря 1905 г. играли на «повышении» революции[3]. В 1930-е гг. важным вкладом в изучение истории либеральных партий явились работы Б.Б. Граве и Е.Д. Черменского[4].

После убийства С.М. Кирова изучение истории революционного террора было на долгие годы табуировано. Вызывало опасения, что у террористов могут найтись подражатели[5]. Стагнация в изучении терроризма началась после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» в 1938 г., в котором индивидуальный террор объявлялся «ошибочным и вредным для революции», «ложной теорией», которая в итоге «тормозила развитие революционной инициативы»[6]. Более того, все партии кроме РСДРП(б) были признаны реакционными, а их изучение – нецелесообразным[7]. По мнению А. Гейфман, невнимание советской историографии к теме революционного терроризма периода правления Николая II объясняется пренебрежением к

---

[1] Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX-XX вв. М., 1924. С. 134-135.

[2] Слепков А.Н. Классовые противоречия в первой Государственной думе. Пг., 1923; Томсинский С.Г. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. Краснодар, 1924.

[3] Сеф С.Е. Буржуазия в 1905 году: по неизданным архивным материалам. М.; Л., 1926; Стальный В. Кадеты (конституционно-демократическая партия народной свободы). Харьков, 1929. С. 49.

[4] Граве Б.Б. Кадеты в 1905-1907 гг. М.; Л., 1931; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг. М., 1939.

[5] Багдасарян В.Э., Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли: монография. М., 2004. С. 75.

[6] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938. С. 12, 21.

[7] Зевелев А.И., Свириденко Ю.П. Историография истории политических партий России. М., 1992. С. 14.

проигравшим, т.е. всем партиям, кроме большевиков: «поскольку же террористическая деятельность была связана главным образом с эсерами и анархистами, она и не получила должного внимания исследователей»[1].

Трактовка событий, связанных с терроризмом, в советской историографии была дана односторонне, что побудило исследователя А.В. Куканова выразиться достаточно резко: «Проблема относится к наименее разработанным и наиболее фальсифицированным»[2]. Одновременно с этим вплоть до середины 1970-х гг. проблема отношения либеральной общественности к терроризму отечественными исследователями по существу не разрабатывалась. История либеральных партий освещалась чаще в работах обобщенного характера, причем с использованием концепции В.И. Ленина «о трех политических лагерях» (правительственного, либерально-буржуазного и революционного), действовавших в революции 1905-1907 гг. (например, монографии С.М. Сидельникова, В.И. Бовыкина, В.Я. Лаверычева, А.Л. Авреха, В.С. Дякина, Л.М. Спирина и др.[3]).

В 1980-е гг. либеральное движение начала XX в. изучается достаточно активно, но вопрос отношения к террору в тактике этих партий прямо не затрагивался. Одной из первых работ, посвященных исключительно либеральным партиям, стала монография В.В. Шелохаева «Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг.», изданная еще в 1983 г.[4]

Программа и тактика, выработанные российскими либералами накануне революции 1905-1907 гг. анализировалась К.Ф. Шацилло[5]. Важными обобщающими работами стали коллективные монографии «Непролетарские

---

[1] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М., 1997. С. 14.

[2] Куканов А.В. Государственная власть и политический терроризм партии социалистов-революционеров (1900-1905). Диссертация … кандидата исторических наук. СПб., 1997. С. 6.

[3] Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962; Бовыкин В.И. Революция 1905-1907 гг. М., 1965; Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967; Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.

[4] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983.

[5] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. М., 1985.

партии России. Урок истории»[1] и «Исторический опыт трех российских революций»[2], в которых был предпринят комплексный анализ всего спектра политических партий начала XX в. В коллективном труде «Кризис самодержавия в России»[3] проблема террора затрагивалась вскользь, и порой создается впечатление, что террористические акты были случайностью, а не проявлением особого метода борьбы за власть революционного движения.

Изменения политической ситуации в стране с середины 1980-х гг. внесли серьезные коррективы в развитие исторической науки, в том числе в изучение либерализма в России начала XX в. Наиболее крупным вкладом в изучение политической организации российских либералов, их идеологии и тактики на завершающем этапе советской историографии стали работы В.В. Шелохаева[4].

В 1990 г. вышел сборник «Революционеры и либералы России», посвященный 100-летию со дня рождения Б.П. Козьмина, где исследовались взаимоотношения революционеров и либералов в XIX в. как «одна из коренных проблем общественного движения»[5]. В этой работе период рубежа 1870-1880-х гг. характеризовался взаимодействием революционеров и либералов, когда первые «вступили в открытую борьбу с самодержавием», а вторые «начали сравнительно активную оппозиционную кампанию, заговорили о проектах конституционного переустройства России, ограничении царского деспотизма»[6].

Таким образом, проблема восприятия политического терроризма в начале XX в. относилась к числу малоизученных в советской историографии — не было создано обобщающих работ, да и фактическая сторона была исследована недостаточно полно. Такое положение вещей

---

[1] Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984.
[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1: Генеральная репетиция Великого Октября: первая буржуазная демократическая революция в России. М., 1985.
[3] Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984.
[4] Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914. М., 1991.
[5] Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 2.
[6] Там же. С. 35.

сложилось не только из-за трудности самой проблемы, но и, в первую очередь, из-за невозможности для историков в течение нескольких десятилетий серьезно и объективно заниматься ее изучением, поскольку интерпретации диктовались предписанными властью жесткими рамками.

С начала 1990-х гг. наступает новый период в изучении либеральных партий в целом и их тактики, считающийся уже современной историографией. Важной чертой данного этапа стало полное снятие идеологического давления на историков со стороны государства. Новое, лишенное прежнего тенденциозного марксистского подхода, прочтение дореволюционных исследований и публицистики предоставило в руки отечественных исследователей богатый материал о деятельности либерального общества, что открывает перед ними широкое поле для рассмотрения интересующих их проблем.

В начале 1990-х гг. были выпущены в свет книги и учебные пособия о политических партиях в России начала XX в. Следует отметить такие издания, как «История политических партий России», «Политическая история России в партиях и лицах», «Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века» и т.д.[1]

В этот же период появились даже исследования, где отмечается наличие во взглядах кадетов социалистических элементов. Большим вкладом в разработку ряда принципиальных вопросов данной тематики является работа В.А. Кувшинова, в которой указывается на то, что кадеты имели основания утверждать, что их программа — это программа-минимум РСДРП. Он также приводит примеры сотрудничества кадетов и социалистов, связей между ними, отмечает симпатии части кадетов социалистической идее «в ее реформистском варианте»[2].

До настоящего времени не появилось фундаментальных работ, освещающих отношении российских либералов к терроризму. Однако имеется целый ряд исследований о либерализме, терроре и взаимоотношениях власти и либералов в начале XX в. Например,

---

[1] История политических партий России. М., 1994; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.

[2] Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905-1943 гг.). М., 1997. С. 24-25.

взаимоотношения либералов с властью до Манифеста 17 октября в полном соответствии с дореволюционной кадетской публицистикой определяются современными историками как борьба с правительством за конституцию с использованием как легальных, так и нелегальных (характерных для Союза освобождения) средств. В.В. Шелохаев отмечает, что после Манифеста 17 октября правые либералы изъявили готовность вступить в тесное сотрудничество с властью, в то время как левые либералы отнеслись к обещаниям власти весьма осторожно, не имея полной уверенности в ее искренности пойти на серьезные реформы[1]. В своих работах 1990-х гг. он оценивал либеральную тактику как поиск серединного пути между самодержавием и революцией. Представляется несколько надуманным утверждение В.В. Шелохаева, что накануне созыва I Государственной Думы либералы прилагали все усилия к тому, чтобы убедить, «с одной стороны, правительство выполнить обещания Манифеста 17 октября, а с другой стороны, массы в "бесперспективности" и "обреченности" открытой вооруженной борьбы против старого строя»[2]. Для кадетов легальная парламентская борьба не была альтернативой в вопросе поддержки революционных методов насильственного решения политических и социальных проблем. Поэтому тезис о том, что Государственная дума должна была не допустить конфликта между основными борющимися силами и путем проведения политических и социальных реформ устранить причины, вызывающие революцию[3], не подтверждается фактической тактикой кадетов в I и II Государственных думах при обсуждении вопросов террора, смертной казни и амнистии.

По инициативе В.В. Шелохаева и его единомышленников был проведен ряд конференций, посвященных истории российского либерализма[4]. На сегодняшний день достаточно хорошо изучены теоретические аспекты

---

[1] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Под ред. В.В. Журавлева. М., 1995. С. 52.

[2] Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX -начало XX в.). М., 1995. С. 239.

[3] Там же. С. 240.

[4] Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы междунар. науч. конф. М., 1999; П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001.

российского либерализма, земско-либерального движения, особое внимание уделено «новому» интеллигентскому либерализму, возникшему в 1890-е гг., а также созданию и деятельности либеральных партий.

Профессор В.В. Шелохаев считает, что уже в начале XX в. новый тип либерализма «перехватил лидирующее положение у дворянского земского меньшинства»[1]. Представляется, что данный тезис несколько категоричен, поскольку новое движение либералов возглавлялось именно известными земскими деятелями – Д.Н. Шиповым, И.И. Петрункевичем, Ф.И. Родичевым, Д.И. Шаховским.

По мнению В.Ф. Пустарнакова, «наработан большой фактический материал, но он в очень малой степени систематизирован, кроме того, остались неизученными или малоизученными многие периоды и проблемы истории русского либерализма»[2]. С этим выводом трудно не согласиться.

Для современной историографии также характерны и различные точки зрения на проблему политического терроризма в России начало XX в. В 1994-1995 гг. в Москве под эгидой общества «Мемориал» состоялись две конференции, посвященные терроризму в истории России. Материалы второй из них — «Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в. История. Идеология. Социальная психология», были изданы. Материалы этого сборника достаточно разнообразны. Вместе с концептуальными статьями, в которых делались попытки комплексно оценить влияние террора на российское общество начала XX в. (И.М. Пушкарева, М.И. Леонов)[3], в нем представлены фактографические, хотя и весьма ценные, статьи и сообщения, посвященные отдельным аспектам деятельности террористических организаций.

В 1990-е гг. появляется ряд статей и монографических исследований, защищаются кандидатские и докторские диссертации, посвященные истории

---

[1] Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. №5. С. 12.

[2] Либерализм в России / Отв. ред.: В.Ф. Пустарнаков, И.Ф. Худушина. М., 1996. С. 21.

[3] Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. Материалы конференции. С. 33-42; Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Там же. С. 43-51.

политических партий начала XX в., в которых значительное внимание уделяется проблемам революционного террора. Но в первую очередь новые исследования касались деятельности партии эсеров[1]. Работ об отношении именно либеральных партий к политическому терроризму практически не было. Крайне неоднозначным выглядит процесс трансформации социального восприятия феномена революционного террора. На взгляд О.А. Суховой, «героизацию насилия в общественном сознании необходимо изучать в том числе и в контексте распространения либерализма в России»[2]. Определенный вклад в решение данной проблемы внес М.И. Леонов[3].

Интересным исследованием, посвященным «академической истории дореволюционной российской интеллигенции, которая естественным образом находится в зависимости от влиятельных мифологем, созданных интеллигенцией в порядке самоописания», является работа М.Б. Могильнер[4]. В ней автор рассматривает развитие революционного мифа в начале XX в. М.Б. Могильнер рассматривает «Подпольную Россию» как семиосферу, исследуя главным образом ее беллетристику и публицистику от рождения до упадка мифа о герое-революционере, который является террористом, жертвующем собой во имя светлого будущего. По ее утверждению, миф о самоотверженном и жертвенном революционере-террористе просуществовал до 1905 г., после чего начал рушиться под тяжестью революционного насилия. Как пишет исследовательница, в 1905-1907 гг. в революционном движении разразился кризис, а к 1911 г. подпольная Россия вступила в

---

[1] Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989; Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992; Леонов М.И. Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара, 1992; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М., 1998; Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров 1901—1911 гг. М., 1998.

[2] Сухова О.А. Революционный терроризм в России конца XIX – начало XX века: историография, методология, факты // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. М., 2012. С. 163.

[3] Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара, 2007. №5/3 (55); Леонов М.И. «Заговор против императора» и II Государственная Дума // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара, 2009. №7 (73).

[4] Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 5.

период «безвременья», когда революционно-террористическое движение утратило четкие ориентиры и в старом виде исчезло[1].

Вопрос о взаимодействии культуры и терроризма ставил в своей работе культуролог В.Б. Петухов. Автор считал, что рост политического насилия совпал по времени с периодом Серебряного века русской культуры неслучайно. По его мнению, за осознанием сверхценности личности неизбежно следует поиск врагов, мешающих самоутверждению, и это провоцирует насилие[2].

В 1990-е гг. на волне осуждения революции началась идеализация политики Николая II, что автоматически привело к осуждению либералов как той силы, которая способствовала дестабилизации положения. Примером этого явления в историографии может служить раздел о I Государственной думе в коллективной монографии «Россия в начале XX века», написанный А.Н. Бохановым. В духе правой публицистики времен Первой российской революции он утверждает, что кадеты «по сути дела выступали соучастниками террористических выступлений левых», обвиняет их в выдвижении политических требований самого крайнего характера, считая взгляды П.Н. Милюкова по многим вопросам близкими взглядам В.И. Ленина[3]. Кадеты, по его мнению, намеревались придать Государственной думе функции Учредительного собрания и сокрушить существующий строй. Ни о каком сотрудничестве с властью они не помышляли ни тогда, ни потом, поскольку не были к нему готовы ни морально, ни психологически: «воспитанные в духе безусловного и тотального отрицания традиционных форм и норм, они, по сути, не изменились за все время своей открытой политической деятельности»[4]. При таком подходе главная вина за неудачу первого российского парламента возлагается на кадетов, которые, постоянно «бросая перчатку» власти, сделали законодательное собрание совершенно недееспособным. С близких

---

[1] Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. С. 5.

[2] Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм. Ульяновск, 2006. С. 5-7; Петухов В.Б. Терроризм как социокультурное явление: учебное пособие к спецкурсу. Ульяновск, 2006.

[3] Россия в начале XX века / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 437.

[4] Там же. С. 459.

позиций выступает и С.Б. Павлов, считая, что либералы делали ставку на революцию, причем их давление на власть было тем смелее и демонстративнее, чем тяжелее было положение власти[1].

Более взвешенную позицию занимает Д.В. Аронов, который полагает, что радикализм либеральной концепции парламентского законотворчества был следствием как отсутствия у российских либералов серьезного политического опыта, так и попыток левых либералов использовать радикальные политические движения с целью давления на правительство. Неудача либералов стала следствием отсутствия у них сколько-нибудь широкой социальной основы в обществе и полным отсутствием у исторической власти желания пойти навстречу либеральному движению, увидеть в нем реального союзника в деле преобразования страны. «Это обстоятельство, - констатирует исследователь, - не позволяет согласиться с точкой зрения, представители которой утверждают, что именно либералы отвергли протянутую им руку со стороны власти и стали главными виновниками будущей цивилизационной катастрофы»[2].

Крупный вклад в разработку проблемы терроризма в России сделан О.В. Будницким, который исследовал генезис террористических идей, рассмотрел взаимовлияние идеологии и практики террора, этические и психологические основы различных его направлений, идейную борьбу по вопросам применения террористической тактики между различными течениями в российском революционном движении; проследил воздействие террора на российское общество и власть. О.В. Будницкий проводил прямую связь между динамикой развития терроризма и изменением общественных настроений, а исчезновение террора из российской политической жизни автор связывает с исчезновением его поддержки в обществе[3]. Он также пишет и о «воспитательном» воздействии террора. Революционный терроризм оказался не только эффективным — он был эффектен[4].

---

[1] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1900-1907. М., 2008.

[2] Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906 - 1917 гг.). М., 2005. С. 405.

[3] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000.

[4] Там же. С. 354.

О.В. Будницкий отмечает, что возникновению и живучести террора в России способствовала в значительной степени сама власть: «...власть изначально придавала революционерам чрезмерное значение, возвышая их тем самым и в собственных глазах, и в глазах общества. Власть рассматривала террористов как, по существу, равную сторону, ей противостоящую»[1].

В 2005 г. столетний юбилей Первой российской революции был ознаменован выходом нескольких коллективных монографий, в которых анализировалось отношение к терроризму политическими партиями. Так, авторы пришли к выводу, что в определенной степени все политические партии использовали радикальные (террористические) средства в отстаивании собственных интересов[2].

В.Э. Багдасарян и А.А. Бакаев в своей работе «Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли» стремятся дать комплексную оценку российскому революционному радикализму[3]. Они отмечают, что отношение к террору в обществе зависело от изначального взгляда на террористов как на «своих» борцов за свободу или как на «чужих» убийц и бандитов. А.А. Бакаев также защитил докторскую диссертацию по историографии российского террора начала XX в., в которой доказывал, что в идеологическом, организационном и техническом отношении две террористические волны российского революционного движения существенно различаются[4]. О.В. Будницкий в своей рецензии указал, что текст данной докторской диссертации основывается во многом на его монографии «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.)», а также работ А. Гейфман, М.Б. Могильнер, Л.Г. Прайсмана, З.И. Перегудовой и К.Г. Ляшенко[5].

---

[1] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). С. 339.

[2] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 525-540; Политические партии в российских революциях в начале XX века. / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2005. С. 119-127, 207-208, 409-466.

[3] Багдасарян В.Э., Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли.

[4] Бакаев А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX - начала XX века. Диссертация … доктора исторических наук. М., 2005. С. 339.

[5] Будницкий О.В. Отзыв на сочинение А.А. Бакаева «Историография российского

Попытку оценить взаимодействие российского общества начала XX в. с террористами делает в своих работах А.И. Суворов. Достижению цели мешает тенденциозность автора, который хотя и признает, что «террор имел немало сочувствующих», но открыто называет целью своих исследований разоблачить «традиционный комплекс либерально-романтических иллюзий, усугубляемых непониманием сущности и перспектив политического терроризма»[1]. Многие утверждения не подтверждены фактическим обоснованием и ссылками на источники, что позволяет констатировать наличие предвзятости и необъективность исследователя.

В работе историка Л.Ю. Казаниной доказывается, что «раскачка интеллигенцией традиционного сознания в условиях конфрантационности между властью и обществом оказалось чреватой политическими и социальными катаклизмами, приведшими Россию на грань национальной катастрофы»[2].

Исследовательница Н.А. Портнягина анализирует отношение либералов к терроризму, рассматривая реакцию журнала «Русская мысль» на эсеровские теракты начала XX в. Журнал все 38 лет своего существования «последовательно выражал позицию российских либералов и, в свою очередь, формировал общественное мнение», указывает автор. По мнению Н.А. Портнягиной, на примере «Русской мысли» хорошо видно, как российские либералы, поначалу одобрявшие революционный терроризм, постепенно разочаровались в нем и отказались от скрытой его поддержки[3]. Стоит отметить, что в последнее время вышло также несколько ее статей по вопросу восприятия либеральным обществом политического терроризма,

---

революционного терроризма конца XIX - начала XX века», защищенное в качестве докторской диссертации. URL: http://socialist.memo.ru/recens/y05/budnic.htm

[1] Суворов А.И. Политический терроризм в России в XIX – начале XX века и российское общество. М., 1999. С. 3-4; Суворов А.И. В противоборстве с террористами (из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом): Монография. М., 1999.

[2] Казанина Л.Ю. Российский либерализм и реформы П.А. Столыпина (1906-1911): монография. Новомосковск, 2009. С. 6.

[3] Портнягина Н.А. Политический терроризм в восприятии русской либеральной журналистики в начале XX века (на материалах журнала «Русская мысль») // Вестник славянских культур: научный и литературно-художественный альманах. №5-6. М., 2002. С. 71.

рассмотренного на примерах заседаний Государственной Думы и кадетской и октябристской периодической печати[1].

Большое внимание исследователи уделили теоретическому обоснованию терроризма, его истокам и влиянию на политическую обстановку в России начала XX в. Историки начинают исследовать проблемы восприятия терроризма российским обществом, какую роль он играл в социальной и культурной жизни, однако данная тема пока не получила в историографии должного развития. В диссертационных исследованиях М.А. Носкова и А.А. Рыбкина, характеризуется восприятие терроризма начала XX в. российским обществом и политическими партиями[2]. Диссертация М.А. Носкова достаточно схематично рисует отношение либеральной общественности к терроризму, основываясь на кадетском варианте и игнорируя разнообразные течения в либерализме. Работа А.А. Рыбкина показывает теоретические представления о роли и месте террора в деятельности кадетов и «Союзе 17 октября» без рассмотрения развития в их оценках.

В конце XX – начале XXI вв. российские исследователи стали уделять повышенное внимание общим проблемам террора. Например, исследователь С.У. Дикаев указывает на то, что государственный террор и революционный терроризм взаимообусловлены и дополняют друг друга. О российском терроризме начала XX в. он пишет: «Правительственный террор и революционный терроризм того периода были закономерным и единственным способом разрешения конфликта власти и народа… Царская

---

[1] Портнягина Н.А. Нельзя совместить конституцию с насилием…»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905 - 1907 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. №2. Т. 4; Портнягина Н.А. Партия никогда не позволяла себе ругаться над террористами»: политический террор в оценке кадетской партии в период революции 1905 – 1907 гг. // Вестник славянских культур. 2014. №1 (31); Портнягина Н.А. Обсуждение проблемы террора в III Государственной думе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. №1. Т. 4; Портнягина Н.А. I Государственная дума в борьбе за власть: оценка революционного террора // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. №3. Т. 4.

[2] Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии общества. Диссертация … кандидата исторических наук. М., 2011; Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905 - 1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний. Диссертация ... кандидата исторических наук. Кострома, 2007.

власть никогда не искала диалога с обществом, полагаясь на несокрушимость своего господства. Когда правители ориентированы только на то, чтобы физически подавлять всякое инакомыслие, экстремистский взрыв, в результате которого гибнут и невиновные, неизбежен». В результате указанного конфликта «терроризм одержал верх над террором самодержавия», констатирует С.У. Дикаев[1].

Возможность свободно писать на исторические темы, появившаяся в 1990-е гг., способствовала появлению не только качественных исторических исследований, но и многочисленных псевдоисторических публикаций. Террористы стали героями ряда книг, повествующих о кровавых приключениях «бомбистов» и их противостоянии с полицией. Например, к таким работам можно отнести книгу П.А. Кошеля «История наказаний в России. История российского терроризма». Автор в увлекательной форме без каких-либо ссылок на источники пересказывает заметные эпизоды из истории российского терроризма. Он не претендуя на научность, высказывает сомнительные утверждения. В частности, он заявляет, что все российские террористы всегда были преступниками, оторванными от общества, и взрастившими свои опасные идеи на «гнилом болоте тогдашнего либерализма»[2]. Сюда же, к промонархическим настроенным и псевдоисторическим публикациям, могут быть отнесены книги Л.С. Афанасьева, Э.А. Хлысталова, В.М. Острецова, Р.Т. Ключника, А. Иконников-Галицкого и т.д.[3]

Авторы подобных работ активно распространяют свои взгляды. В связи с этим профессиональные историки-исследователи должны принимать во внимание пропагандируемые ими мифы, противопоставляя факты, четкие аргументы и вдумчивый анализ исторических источников.

---

[1] Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. С. 129-130, 134.

[2] Кошель П.А. История наказаний в России. История российского терроризма. М., 1995. С. 4.

[3] Афанасьев Л.С. Российская трагедия. Высокие жертвы российского террора: заметки для молодежи. Орел, 2012; Хлысталов Э.А. Острецов В.М. Босиком среди гадюк. О союзе русского народа. Библиотечка КЛИО. М., 1992; Ключник Р.Т. Вторая террористическая война в России 1901-1906 гг. Позорный период российской интеллигенции и верховной элиты. СПб., 2008; Иконников-Галицкий А. Самоубийство империи. Терроризм и бюрократия. 1866-1916. СПб., 2013.

Таким образом, в арсенале исторической науки имеется немало интересных работ, касающихся революционного радикализма в России, но непрерывной историографической традиции изучения восприятия терроризма российским обществом до сих пор так и не сложилось.

Зарубежная историография. В современной англо-американской историографии российским событиям начала XX в. уделяется огромное внимание. Не случайно Дж. Дейли в «Кембриджской истории России» характеризует Первую российскую революцию как «квазигражданскую войну»[1], а М. Стейнберг подробно анализирует ситуацию общественно-политического кризиса во время правления Николая II[2].

В зарубежной историографии в первой трети XX в. исследователи сосредотачивают свое внимание на отношениях охранки и террористов, развитии провокаторства в рядах эсеров[3]. В 1970-1980-х гг. зарубежная историография активным образом стала интересоваться проблематикой терроризма.

Следует отметить, что в западной историографии была достаточно популярна тема либеральных партий России начала XX в. Работы были посвящены разным аспектам проблемы – идеология, тактика, думская деятельность, взаимоотношения с правительством и т.д. Также многие работы касались лидеров политических партий, переиздавались многие мемуары, а также публиковались новые воспоминания и пр. Больше внимания зарубежные историки уделяли и различным аспектам истории революционного терроризма в России.

Особенность почти всех работ западных авторов связана с характером используемых ими источников. В основе – это публицистические работы самих либералов, их пресса и мемуары. Исключение – материалы заграничной охранки в американских архивохранилищах, которые продал в США В.А. Маклаков после октября 1917 г., будучи последним послом Временного правительства во Франции.

---

[1] The Cambridge history of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge, 2006. P. 648.

[2] The Cambridge history of Russia. Vol. III: The Twentieth Century. Cambridge, 2006. P. 67-93.

[3] См. например: Лонге. Ж., Зильбер. Г. Террористы и охранка. М., 1991; Николаевский. Б.И. История одного предателя. Террористическая и политическая полиция. М., 1991.

Советская историография традиционно критиковала многие положения зарубежных историков, особенно англо-американских. Хотя В.В. Шелохаев и призывал дать «аргументированный научный отпор буржуазным фальсификатором истории», все же даже он отмечал, что в «англо-американской литературе имеется целый спектр самых различных и порой диаметрально противоположных объяснений», мнений, тенденций, точек зрения и пр.[1] Например, некоторые представители западной историографии предпочитали именовать членов партии кадетов не либералами, а «радикалами». «Радикалов»-кадетов противопоставлял «либералам»-октябристам В.В. Леонтович[2].

Деятельностью либералов активно интересовались американские исследователи. Так, в 1996 г. вышло исследование М.К. Штокдейл «Павел Милюков и поиски либеральной России: 1880-1918»[3]. Известный гарвардский профессор Р. Пайпс посвятил Струве двухтомный труд – «Струве: левый либерал» и «Струве: правый либерал»[4]. Также он много написал и о политическом кризисе начала XX в.[5]

Важный вклад в изучение либерализма в России внесли такие зарубежные историки, как А. Валицкий, Дж. Фишер, Э. Вишневски и др.[6] Определенный интерес представляет сборник статей американских исследователей по российской истории XVIII - начала XX веков – «Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период». В своей статье Джеймс Уэст акцентирует на серьезных различиях в отношении либералов к терроризму, отмечая: «несмотря на свою склонность к либерализму, промышленники не были, тем не менее, удовлетворены платформами существовавших тогда либеральных

---

[1] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. С. 32-33.

[2] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М. 1995.

[3] Stockdale M.K. Paul Milioukov and the quest for a liberal Russia: 1880-1918. Cornell University, 1996.

[4] Пайпс Р. Струве: левый либерал, 1870-1905. Т. 1. М., 2001; Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905-1944. Т. 2. М., 2001.

[5] Пайпс Р. Русская революция В 3 т. М., 1994; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004.

[6] Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012; Fischer G. Russian liberalism: from Gentry to intelligentsia. Cambridge, 1958; Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994.

партий: их в равной мере отталкивали и интеллигентский радикализм кадетов, и коллаборационистские побуждения октябристов»[1].

В то же время проблема восприятия революционного террора в России как отдельная исследовательская задача долгое время не ставилась в зарубежной историографии и необходимо, по-видимому, признать справедливым замечание М. Мелансона, что никто всерьез этот феномен не изучал, хотя «каждый уверенно о нем рассуждал»[2]. Долгое время в западной историографии господствовало мнение, что революционный террор в России является следствием бесправия и беззакония власти, что отражало кадетский (милюковский) взгляд на проблему. Но в 1970-1980-е гг. получила распространение психологическое объяснение генезиса террористической деятельности. Выдвигался тезис о том, что в террористы идут люди особого психологического типа, с повышенной раздражимостью и гипертрофированным самомнением. Тема суицидальной парадигмы российского террора стала своеобразным историографическим клише. У. Лакер писал об особой «мистике смерти» в террористической семиосфере[3]. На Западе появились также и работы о влиянии революционной идеологии на сознание российской интеллигенции и на российскую художественную культуру[4].

Важной и специально посвященной истории террора в России в западной историографии стала книга А. Гейфман «Убий! Революционный терроризм в России. 1894—1917», впервые выпущенная в США в 1993 г. (на русский язык переведена и опубликована в 1997 г.). В ней показан размах терроризма в Российской империи в начала XX в., а также отношение разнообразных партий к данной проблеме, в том числе и кадетов. А. Гейфман является представительницей психологического направления в интерпретации природы терроризма. Террорист, в ее понимании, не носитель

---

[1] Уэст Дж. Л. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 306.

[2] Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). С. 22.

[3] Laqueur W. Terrorism. Boston-Toronto, 1977. P. 127.

[4] Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция // Вопросы философии. 1990. №10.

какай-то социальной идеи, а персонаж, сублимирующий через теракты собственные психологические комплексы[1].

Уникальность российского варианта революционного насилия А. Гейфман видит в его массовости. Российский радикализм, по ее мнению, власть провоцировала своей политикой «нерешительной беспощадности — либо слишком жесткими, либо недостаточными мерами», что только вызывало недовольство общества, не избавляясь при этом от оппозиции[2].

Известный российский историк О.В. Будницкий, отдавая должное кропотливому труду автора с архивным материалом, отметил: «Мне представляется, что негативное воздействие на труд Гейфман оказало то, что обычно инкриминировалось советской исторической науке — идеологическая установка. Для нее революционеры — только экстремисты, использующие любые средства в борьбе против легитимной власти. Симпатии Гейфман всецело на стороне этой власти, которую она иногда упрекает задним числом за неприятие своевременно жестких мер. Временами кажется, что автор смотрит на события из окна Департамента полиции»[3].

Таким образом, работа А. Гейфман была комплексным исследованием, которое показывало восприятие терроризма начала XX в. и пыталось развеять романтический ореол вокруг российских боевиков-революционеров. По мнению А. Гейфман, в 1905-1907 гг. в революционном движении произошло вытеснение «классических» террористов, сторонников индивидуального политического террора, «террористами нового типа», для которых терроризм становился способом существования, а не методом борьбы с властью. Именно с деятельностью «террористов нового типа» она связывает эскалацию террористического насилия в начале XX в. и угасание терроризма после 1907 г.

Давая общую характеристику развития историографии по теме, стоит отметить, что дореволюционные авторы оценивали террор начала XX в. с ярко выраженных политических позиций. При этом авторы, обличая использование политическими противниками террора, оправдывали

---

[1] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. М., 1997. С. 7-8.
[2] Там же. С. 348-350.
[3] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 25.

применение террористических методов своими сторонниками. В либеральной литературе основное внимание сосредотачивалось на раскрытии «непримиримой» борьбы либералов с царским правительством. В работах партийных публицистов содержится богатый фактический материал, позволяющий «изнутри» взглянуть на сложные и противоречивые процессы, лучше понять тот или иной политический шаг руководства либеральных партий и т.д. Но все же большинство работ носило публицистический характер и не ставили перед собой исследовательских задач.

Советская историография довольно подробно освещала условия возникновения либеральных организаций, их численность и состав, вопросы организационного строительства и политической тактики. Все это позволило в 1980-е гг. прийти к выводу, что сторонники либеральных взглядов являлись достаточно влиятельной и самостоятельной силой на российской политической арене. Вместе с тем позиция разных направлений либералов по вопросу политического терроризма не была раскрыта.

На сегодняшний день отечественными исследователями проделана значительная работа по изучению темы, связанной с деятельностью либеральных партий в начале XX в.: рассмотрены тактика либералов, деятельность партий и их взаимоотношения с политическими противниками, способы пропаганды и агитационной борьбы, предвыборные кампании в Думу. В современной историографии продолжают разрабатывать проблемы, затронутые в предыдущих периодах историографии. Современные исследователи пытаются раскрыть террор как целостное явление, а не только как элемент в тактике или деятельности отдельных партий. Но до сих пор не до конца раскрыты причины разного отношения либералов к терроризму.

Следует признать, что историография революционного террора в России находится пока в стадии своего формирования, когда многие процессы постановки концепций и ключевых сюжетов еще не обрели надежного фактического обоснования. Данный факт позволил еще в начале 1990-х гг. А. Гейфман констатировать отсутствие монографических исследований волны террора в период правления Николая II (1894—1917 гг.)[1].

[1] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. С. 14.

Некоторые аспекты терроризма были представлены в историографии освободительного движения в России в советскую эпоху, но именно как сопутствующие моменты в критических рассуждениях о мелкобуржуазной сущности тактики террора. В историографии сложился парадокс, когда при обилии работ по российскому революционному движению история террора как самостоятельная исследовательская проблема начала изучаться сравнительно недавно. Также следует отметить, что отдельных монографических исследований, раскрывающих отношение российских либералов в начале XX в. к политическому терроризму в современной историографии не появилось до сих пор.

Среди наиболее перспективных исследований истории политического терроризма в России в начале XXI в. следует особенно отметить историко-культурологический анализ моделей поведения и особенностей восприятия политического террора различными группами населения, в том числе и либеральной общественностью.

При всем многообразии накопленного фактического материала в настоящее время возникла потребность в расширении представлений о взгляде либералов начала XX в. на проблему терроризма. Все возрастающее количество жертв террора заставляет нас, по словам историка О.В. Будницкого, «еще раз заглянуть в то универсальное зеркало, каким является история. История, как известно, имеет свойство повторяться. В случае с терроризмом повторяется она чаще как трагедия, а не как фарс»[1].

Политический терроризм начала XX в. необходимо рассматривать не только как средство революционной борьбы, но и как часть общественно-политической системы, как социокультурное явление[2], поэтому **цель исследования** – изучить восприятие проблемы политического террора российской либеральной общественностью в начале XX в. и проследить эволюцию в его изменении. Вполне естественным ограничением является рассмотрение после издания Манифеста 17 октября в своей основе именно

---

[1] Будницкий О.В. Кровь по совести: терроризм в России (вт. пол. XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1994. №6. С. 208.

[2] Баранов А.С. Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX – начала XX века. Диссертация … кандидата культурологических наук. М., 2006. С. 6.

политически активной части либерального общества, которая участвовала в работе различных партий либеральной направленности.

Для раскрытия поставленной цели исследования необходимо выполнить следующие **задачи**:

1) проследить эволюцию восприятия революционного террора российским обществом в начале XX в.;

2) проанализировать отношение членов «Союза освобождения» к террористической борьбе революционеров;

3) изучить тактическую линию «демократических» либералов в 1905 г. по вопросу «оправдания» и использования угрозы революционного терроризма;

4) установить политические представления кадетов о политическом терроре и его месте в борьбе за реализацию их тактических и стратегических установок в I и II Государственной Думе;

5) исследовать изменение восприятия террора и политического насилия кадетской партией в условиях третьеиюньской политической системы;

6) показать оценку политического терроризма партией «Союз 17 октября» во время Первой российской революции и в условиях «думской монархии»;

7) рассмотреть вопрос восприятия террора в тактике партий российских промышленников и предпринимателей в период революции 1905-1907 гг.

8) выявить представления христианских либералов по отношению к революционному терроризму;

9) определить позицию партий демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов по вопросу применения террористических методов борьбы в политической деятельности со стороны революционных партий и правительства.

Источниковую базу исследования составляют различные группы как неопубликованных, так и опубликованных источников. Круг привлекаемых к исследованию источников и их классификация определялись происхождением и информационными возможностями источников, которые могли быть использованы при решении поставленных задач. Восприятие

российского терроризма либеральным обществом и партиями в начале XX в. нашло отражение в значительном числе источников.

Во многих источниках тема террора не является доминирующей. Зачастую информацию об отношении к терроризму приходится извлекать по крупицам из текстов, посвященных разнообразным проблемам, и строить анализ и обобщения на основе разнородных данных. У такой особенности источниковой базы есть несомненное преимущество – привлечение широкого круга источников разного порядка позволяет нивелировать индивидуальные различия, привнесенными авторами, и составить объективное представление об отношении либералов к проблеме террора. Стоит отметить, что большая часть необходимых для исследования документов была опубликована. Данное обстоятельство позволило дополнить непосредственно архивные источники сборниками документов, периодикой, воспоминаниями и т.д.

Первую группу источников составляют законодательные акты, регулирующие правовые отношения в России, деятельность политических партий и союзов, а также акты, регламентирующие поведение органов государственной власти и полиции в чрезвычайных ситуациях, в том числе в связи с противодействием террористическим организациям (например, указ о военно-полевых судах 19 августа 1906 г.)[1].

Вторую группу источников представляют материалы делопроизводства Государственной Думы, которые наиболее полно отражают деятельность российского парламента начала XX в., обсуждение вопросов, связанных с террором, амнистией и смертной казнью, и позицию разных фракций, в том числе и либеральных партий, по этим вопросам. Особое место в этом комплексе занимают опубликованные стенографические отчеты заседаний Государственной Думы[2]. Стенографические отчеты достаточно детально

[1] Октября 17. Манифест. Об усовершенствовании Государственного порядка // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т.25. 1905. СПб., 1908. С. 754-755; Марта 4. О временных правилах об Обществах и Союзах // Там же. С. 201-207; Февраля 18. Манифест. О призыве властей и населения к содействию Самодержавной Власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней // Там же. С. 132-133; Августа 19. Об учреждении военно-полевых судов // Там же. Т. 26. 1906. СПб., 1908.

[2] Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созывы I-IV. Спб. [Пг.]. 1906-1917.

воспроизводят все то, что обсуждалось и происходило в зале заседаний общих собраний Государственной Думы, поэтому стенограммы заседаний Государственной Думы - весьма интересный источник о взглядах оппозиции на террор, поскольку в 1905-1907 гг. вопрос о террористах поднимался там неоднократно. Издание стенографических отчетов снабжалось посессионными указателями, подготовленными канцелярией Государственной Думы[1]. Определенный интерес представляют опубликованные отчеты Государственной Думы по наиболее важным вопросам (например, стенограмма обсуждения проблемы военно-полевых судов)[2]. Также важным источником, с помощью которого можно реконструировать выступления, являются сборники речей партийных и государственных деятелей[3]. Многие выводы приходится делать из конкретных заявлений и действий либералов в Государственной Думе: вопрос о террористах там поднимался неоднократно – например, отношение либералов к терроризму проявилось наиболее ярко в связи с обсуждением правительственных репрессий, дискуссиями о военно-полевых судах весной 1907 г. или убийством П.А. Столыпина.

Третью группу источников составляют документы политических партий и организаций, в которых определялись роль и место террора в тактике. К ней можно отнести сборники партийных программ[4]. Но наиболее полно эту проблему раскрывают документы партийных организаций, а также фракций и групп Государственной Думы (материалы съездов, конференций, протоколы заседаний центральных комитетов, отчеты парламентских фракций, партийная переписка), отразившие сложное и противоречивое

---

[1] Государственная Дума: Указатели к стенографическим отчетам. 1906-1917. Созывы I-IV. Спб. [Пг.]. 1907-1917.

[2] Военно-полевые суды. Отчет Государственной Думы. СПб., 1907; Третья Государственная Дума. Материалы для оценки ее деятельности. Спб., 1912.

[3] Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. / предисл. К.Ф. Шацилло; сост., коммент. Ю.Г. Фельштинский. М., 1991; Гучков А.И. В Третьей Государственной Думе (1907-1912 гг.): сборник речей. СПб., 1912; Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908-1917. Пт., 1917.

[4] Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах. СПб., 1906; Сборник программ политических партий в России / Под. ред В.В. Водовозова. Вып. IV. Спб., 1906.

отношение либеральных партий начала XX в. на проблему политического терроризма и его влияния на общество и власть[1]. Большую часть источников данной группы источников составляют архивные документы, находящиеся в Государственном архиве России (ГАРФ). В частности, протоколы заседаний ЦК, съездов и конференций партии кадетов и «Союз 17 октября», листовки различных либеральных партий и т.д. - фонды 115 «Союз 17 Октября», 523 «Конституционно-демократическая партия» и 579 П.Н. Милюкова.

Периодическая печать образует четвертую группу источников. Она существенно дополняет картину терроризма в годы Первой российской революции 1905-1907 гг., показывает отношение политических партий и движений к террору и террористическим актам, террористическую деятельность революционеров и т.д. Подобная информация содержится не только в революционной печати, но и в изданиях либерального и консервативного направления. Газеты и журналы в силу оперативности отражения ими событий в мире публичной политики позволяют фиксировать детали политического процесса. С другой стороны, как отмечает И.К. Кирьянов, «газеты выступали в качестве основного информационного канала, приобщающего рядового обывателя к этому миру, именно они во многом способствовали формированию разнообразных политических субкультур в России той поры»[2]. Стремлением сочетать информирование с углубленным анализом в освещении политической жизни выделялись такие

---

[1] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. М., 1994-1998; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3 т. М., 1997-2000; Российские либералы: октябристы и кадеты. Документы, воспоминания, публицистика / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905-1915 гг. В 2 т. М., 1996-1997; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916. Документы и материалы. М., 2002; Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы. 1905 – 1906 гг. М., 2004; Либеральное движение в России, 1902-1905 гг. М., 2001; Речи, произнесенные 5-го ноября 1906 г., на общем собрании членов С.-Петербургского отделения «Союза 17 октября». СПб., 1907; Отчет Центрального Комитета «Союза 17 октября» о его деятельности. С 1 сентября 1911 г. по октябрь 1912 г. М., 1912; Партия мирного обновления. Постановления группы прогрессистов и программа партии. Спб., 1906.

[2] Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Диссертация ... доктора исторических наук. Пермь, 2009. С. 18.

издания, как прокадетские «Речь» и «Русские ведомости», октябристские «Голос Москвы» и «Слово», умеренно-либеральные «Страна» и «Утро России», умеренно-консервативные «Новое время» и «Московские ведомости». Восприятие терроризма оппозиционными кругами отразилось и в легальной либеральной печати – журналах «Освобождение», «Русская мысль», «Московский еженедельник», «Вестник Европы» и др. По указанным периодическим изданиям можно судить о том, как воспринимали террор либералы, поскольку в них регулярно появлялись статьи о терроризме. Многие материалы периодики доступны для исследования и использовались при написании данной работы.

К пятой группе источников относятся дневники, мемуарная и эпистолярная литература. В первую очередь можно отнести воспоминания лидеров кадетской партии, в которых были отражены мотивы, побудившие партию поддерживать террористическую тактику радикалов в период Первой российской революции 1905-1907 гг.[1] Деятели либеральной оппозиции оставили немало личных документов, позволяющих восстановить их отношение к терроризму, а также понять причины поддержки террора кадетами и осуждения его консервативными либералами[2]. Но мемуары либеральных деятелей и другие их работы (П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, А.В. Тырковой-Вильямс, В.А. Маклакова и др.), опубликованные за рубежом, создавались в эмиграции без архивов, оставшихся в России. Человеческая же память – инструмент не только не совершенный, но и крайне избирательный: она хранит только то, что запомнилось или что хочется запомнить ее владельцу. В результате в таких работах есть общие оценки событий, есть «взгляд с птичьего полета», но нет той фактуры, тех реалий, без которых историк бессилен восстановить прошлое. Но все же множество источников

---

[1] Милюков П.Н. Воспоминания: 1859-1917. В 2 т.; Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. М.,1998; Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 1998; Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля - 8 июля 1906 г. М., 2006; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. М., 2006.

[2] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом; Письма С.П. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901-1905) // Путь: международный философский журнал. 1992. №1; Гессен И.В. В двух веках. Жизненный очерк // Архив русской революции. В 22 т. Т. 22. М., 1993; Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. В 2 т. Тбилиси, 1991.

личного происхождения позволяет судить о том, как воспринимался терроризи деятелями либерального движения, хотя и приходится учитывать, что многие оценки были переосмыслены.

К сожалению, даже изучение большого количества мемуарной литературы не всегда может дать интересующую информацию, особенно в вопросе отношения к политическому насилию – порой проблема террора в воспоминаниях просто замалчивается. Поэтому мемуары деятелей государственной власти и охранки позволяют посмотреть на политический терроризм глазами тех, кто по долгу службы работал в правительстве или предотвращал террористические акты[1]. Особым источником являются дневники государственных деятелей, которые по разному определяли причины российского терроризма начала XX в.[2] Следует подчеркнуть, что в работе используются в основном мемуары политиков, которые, как правило, были вынуждены эмигрировать, поэтому работа над воспоминаниями являлась единственной возможностью для продолжения политической борьбы. Поэтому подобные мемуары превращались в своеобразные аналитические работы[3]. Вполне естественно, что для демонстрации полной картины политической борьбы начала XX в. невозможно отказаться от использования мемуарной литературы самих революционеров, поскольку это ценный источник с точки зрения демонстрации того, как террористическая риторика и практика сочетались у различных партий и движений[4].

---

[1] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. В 2 т. Париж, 1933; Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. М, 1960; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991; Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991; Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989.

[2] Дневники императора Николая II (1894-1918). Т. 1. М., 2011; Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990; Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. // Мемуары русской профессуры / Сост. Л.И. Толстая. М., 1997; Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.

[3] Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000; Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания. Париж, 1936; Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает: Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993; Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 1993.

[4] Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 1991; Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953; Биценко А. В Мальцевской женской каторжной тюрьме // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996; Фигнер В.Н. Из книги «Запечатленный труд» // Блестящая плеяда. М., 1989; Гапон Г.А. История моей жизни (The Story of My Life). Нью-Йорк, 1906.

К шестой группе источников можно отнести материалы органов политического сыска, непосредственно занятых борьбой с революционным движением и нелегальными партиями. Часть этих материалов опубликована в различных сборниках документов, в которых раскрываются примеры терактов и методы борьбы с ними со стороны власти[1]. Также в работе использовались делопроизводственные материалы фонда 102 Особого отдела Департамента полиции Министерства внутренних дел[2]. Представляется, что использовать в работе данные документы важно, поскольку именно противостояние революционеров и правительства заставало либеральную общественность формировать свое отношение к политическому терроризму и включать в свой арсенал аргументов.

Седьмая группа источников состоит из работ деятелей общественного движения, разрабатывавших идеологию и тактику либеральных и революционных партий и вопрос отношения к насильственным формам борьбы, в том числе политическому терроризму. Это сочинения П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, В.И. Ленина и др.[3] Вместе с тем публицистика тех лет показывает, в какой мере терроризм влиял на взгляды лидеров, приводил к изменению в тактике либеральных партий и организаций. Также среди публицистических работ можно выделить и консервативный фланг, на котором критиковались либералы за поддержку революционного террора[4].

---

[1] Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880-1917 / Сост. Е.И. Щербакова М., СПб., 2006; Террор и агентура в Российской империи. 1861-1917. Сборник документов, материалов, воспоминаний / Авт.-сост. Н.Д. Литвинов. Воронеж, 2007; Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. М., 2001; Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. 2-е изд. Ростов н/Д, 1996.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 ОО, 115, 523, 579.

[3] Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия. Сб. ст. за 5 лет 1905 - 1910 гг.; Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906; Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907; Милюков П.Н. Третья Государственная Дума и деятельность в ней фракции Народной свободы. Спб., 1909; Милюков П.Н. Три попытки. Париж, б.д. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4, 6, 23, 48; Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения. Ч.2. СПб., 1907.

[4] Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится»: об антисемитизме в России. СПб., 1992; Кистяковский Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи: интеллигенция в России: сб. ст. М., 1909; Розанов В.В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990; Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (статьи и очерки 1911 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2005.

К последней, девятой группе источников относятся произведения художественной литературы. Художественная литература начала XX в. является ценнейшим источником, показывающим, как глубоко российский терроризм проник в культурную жизнь страны. Проблематикой терроризма интересовались многие выдающиеся литераторы, такие как, например, Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко, а также «христианские либералы» З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский и др.[1] В своих произведениях проблему террора раскрывал также один из руководителей Боевой организации эсеров Б.В. Савинков[2].

Для полного раскрытия темы был предпринят комплексный источниковедческий анализ, позволяющий составить достаточно полное представление о том, каким был политический терроризм в России начала XX в. в восприятии либеральной общественности. Привлеченные к исследованию материалы позволили сформировать репрезентативную источниковую базу, обладающую большими информационными возможностями. Материалы различных групп источников взаимно дополняют друг друга, что позволяет решить поставленные цели и задачи работы.

Богатая источниковая и историографическая база дает возможность автору полноценно осмыслить проблему восприятия политического терроризма российской либеральной общественностью в начале XX в. и проследить эволюцию в его изменении на основе накопленных фактических данных и исследовательских работ.

Методологической основой исследования является многофакторный подход в понимании истории, позволяющий подойти к решению проблемы

---

[1] Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 37. М., 1956. С. 83-96; Короленко В.Г. Земли! Земли! М., 1991; Мережковский, Д.С. Конь бледный // Мережковский Д.С. «Больная Россия». Л., 1991; Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М., 1999; «Религиозная общественность» и террор. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908-1909) / Публ. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2003. № 4; Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991; Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар (1920-1925) / сост. А.Н. Николюкина. СПб., 2002.

[2] Савинков Б.В. Конь бледный // Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М., 2004.

восприятия политического терроризма российским либеральным обществом в начале XX в. с различных углов зрения, учитывая максимально возможное количество деталей и допуская альтернативные трактовки используемого материала, а также предполагающий рассматривать явления в развитии и неразрывной связи с другими явлениями окружающей действительности. Поэтому ведущими принципами работы являются: принцип историзма; стремление к объективности; принцип системного и комплексного рассмотрения проблемы.

Принципы историзма и объективности предполагают изучение общественной жизни в ее динамике, рассмотрение исторических событий в их взаимосвязи и взаимообусловленности. В данной работе принцип объективности позволяет рассматривать политический терроризм как результат социальных противоречий, затрагивающих российское общество в начале XX в., имевший как стихийные формы, так и организационно сложившиеся проявления, активно использовавшийся различными политическими силами, а не являвшийся прерогативой революционных или настроенных антиреволюционно партий и движений. Принцип историзма в работе предполагает рассмотрение политических оценок терроризма либеральной общественностью и партиями в начале XX в. в развитии, выявлении различных факторов, влияющих на процесс их эволюции. Также при проведении исследования использовался принцип системности и комплексности, заключающийся в рассмотрении различных точек зрения либералов на проблему террора начала XX в. и его влияния на власть.

Методологический инструментарий работы связан с классическими, наиболее общими и распространенными историческими **методами** – историко-генетическим, историко-системным и историко-сравнительным.

Посредством историко-генетического метода выявляются причинно-следственные связи и обусловленность исторических событий в их непосредственности. Историко-генетический метод как «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений исследуемой реальности в процессе ее исторического движения»[1] предоставляет возможность

[1] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 170.

представить российский терроризм начала XX в. не как статичный феномен, а как динамично развивающееся явление, позволяет выявить причины появления террора и различий в его оценке среди либерального общества. Данный метод позволяет идти от конкретных фактов к обобщениям.

Историко-системный подход предоставляет возможность рассмотреть российский терроризм начала XX в. как систему, обладающую множеством внутренних взаимосвязей, проследить ее связь с системами более высокого уровня – политическим и социальным устройством Российской империи, а также исследовать внутренние механизмы общественной жизни в изучаемый период в ее основных формах.

Историко-сравнительный метод дает возможность вскрыть сущность изучаемых явлений по сходству, и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнения в пространстве и времени. Историко-сравнительный метод в работе был использован для сравнительной характеристики целей различных либеральных организаций и партий начала XX в. и места проблемы отношения к политическому террору в их тактике.

Применение указанных методов позволяет перейти от фиксации отдельных фактов к обобщению, осмыслить терроризм как целостное и меняющееся явление, определить его место в сознании либерального общества и в общественно-политической жизни России начала XX в.

Либерализм как понятие вошел в политический словарь Европы в 1830-1840-е гг., но его идейные основы в Англии и США относятся уже к рубежу XVII-XVIII вв. Родоначальниками классического либерализма являются Д. Локк, Вольтер, Ш. де Монтескье, Б. Франклин, Т. Джефферсон, А.Смит и др. Говоря об определении, следует учитывать, что существуют разные значения этого слова. В данной работе под либерализмом понимается идеология прав и свобод личности на основе права, а также теорию и практику ограничения вмешательства государства в жизнь общества[1].

Российский либерализм как мировоззрение и политическая идеология формировался с середины XIX и до начала XX в. Либерализм представлял

[1] См.: Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX -начало XX в.); Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914.

собой явление западной политической мысли. Но в России он приобрел несколько иную классификацию. Типы либерализма в российской исторической науке обычно сводятся к определению направлений через взаимное расположение на «политической шкале».

В либерализме начала XX в. обычно выделяется три направления: консервативное (правое), умеренное (центристское) и «демократическое» (левое, иногда именное в историографии как «радикальное»)[1]. В данной работе из политических организаций либералов до Манифеста 17 октября и образования партийных структур к консервативному либерализму относятся земский деятель Д.И. Шипов, а также многие члены кружка «Беседа»; к умеренным либералам – многие земцы и «Союз земцев-конституционалистов», а к «демократическому» направлению – лидеры журнала «Освобождения» (например, П.Б. Струве, П.Н. Милюков и пр.), а также «Союз освобождения» и «Союз союзов». После образования либеральных партий к «демократическим» (радикальным) либералам относят в первую очередь кадетов. Консервативными либералами принято считать «Союз 17 октября» и некоторые партии промышленников (например, Партия правового порядка, Торгово-промышленная партия и т.д.). Другие либеральные партии предпринимателей (Прогрессивно-экономическая партия, Всероссийский торгово-промышленный союз, Умеренно-прогрессивная партия и пр.) относятся, как и партии демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов, к умеренному направлению в либерализме. К нему же относятся и христианские либералы, хотя по вопросу о терроре они идейно ближе всего к кадетам.

Также крайне важным в методологическом отношении вопросом в исследовании темы является определение дефиниций «террор» и «терроризм» применительно к контексту Российской империи начала XX в.

Словом «террор», начиная с событий французской революции, называли любые акты устрашающего кровавого насилия, как со стороны оппозиции, борющейся за захват власти, так и со стороны государственных органов,

[1] Акашкин И.А. Политико-правовая доктрина российского либерализма (вторая половина XIX - начало XX веков): монография. М., 2009. С. 116.

охраняющих свою власть; а также методы борьбы за власть и способы управления государством с помощью широкомасштабного насилия[1]. Современные словари фиксируют внимание читателя на синонимичности понятий «террор» и «физическое насилие, вплоть до убийства»[2].

Некоторые исследователи проводят границу между понятиями «террор» и «терроризм»: террором называют насильственные действия властей, репрессии, а терроризмом – насилие со стороны радикальной оппозиции по отношению к представителям власти. Стоит отметить, что для начала XX в. подобной разницы в определениях не было, поэтому в диссертационном исследовании термины «террор» и «терроризм» будут использоваться как синонимы. Можно согласиться с позицией У. Лакера, который писал: «споры о всеобъемлющем, подробном определении терроризма будут вестись еще очень долго», но «не увенчаются консенсусом и не внесут заметного вклада в понимание терроризма»[3].

Российский революционный терроризм начала XX в. вышел за привычное понимание политического убийства. Формами революционного насилия, подпадающими под широкую трактовку дефиниции «террор», можно считать экспроприации, вооруженные нападения, похищения, вымогательства и шантаж. Поэтому в этом отношении любые формы насилия (бомбометания, эксы, покушения, погромы и пр.) могут считаться актами террора и попадают под широкое определение революционного терроризма. Даже насильственные действия в отношении революционеров, а также их борьба с правящим режимом и ответная реакция властей также могут трактоваться как террор (правда, с указанием – революционный или правительственный)[4].

Научная новизна исследования состоит в том, что в том, что на основе исследованных документов и других материалов впервые в отечественной

---

[1] Исаева Т.Б. Террористическая идеология в политических и правовых учениях российской оппозиции (XIX – начало XX вв.): монография. Смоленск, 2010. С. 30.
[2] Ожегов С.И. Словарь русского языка: 53 000 слов. М., 2005. С. 1041.
[3] Laqueur W. Terrorism. P. 135.
[4] Сухова О.А. Революционный терроризм в России конца XIX – начало XX века: историография, методология, факты // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. С. 138-139.

историографии комплексно и всесторонне рассматривается проблема восприятия терроризма российской либеральной общественностью в начале XX в. В работе прослежена эволюция восприятия революционного терроризма российским обществом в начале XX в. Было изучено отношение либерального общества и организаций к политическому терроризму до начала Первой российской революции, в частности проанализировано отношение журнала «Освобождение» и членов «Союза освобождения» к террористической борьбе революционеров до Первой российской революции. Была изучена тактическая линия «демократических» либералов в 1905 г. по вопросу «оправдания» и использования угрозы революционного терроризма. В диссертации подробно проанализированы дискуссии в Государственной Думе между депутатами либеральных фракций по различным вопросам, относящимся к теме (прямые дебаты по террору, обсуждение вопросов о смертной казни, амнистии, военно-полевых судах, провокациях и пр.). Были установлены политические представления кадетов о революционном терроре в I и II Государственной Думе, а также в условиях третьеиюньской политической системы. В работе показана оценка политического терроризма партией «Союз 17 октября» во время Первой российской революции и в условиях «думской монархии». Впервые был рассмотрен вопрос восприятия террора различными партиями российских промышленников и предпринимателей в период революции 1905-1907 гг. В работе была определена позиция партий демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов по вопросу применения террористических методов борьбы в политической деятельности со стороны революционных партий и правительства. Были выявлены представления христианских либералов по отношению к революционному терроризму. Введение в научный оборот всей совокупности документов и материалов позволило выявить отличия в позиции «демократических», умеренных и консервативных либералов в вопросе оценки политических убийств, а также провести по ним градацию либералов.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы. Материалы и общие выводы диссертации могут быть использованы в ходе

дальнейшего изучения отечественной истории начала XX в., при создании учебных и обобщающих трудов по истории российского терроризма и либеральных партий начала XX в., а также для подготовки общих и специальных лекционных курсов по истории России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Установлено, что «демократическая» либеральная общественность до Первой российской революции поддерживала в российском обществе терпимое отношение к революционному террору. С помощью политических убийств и насилия революционная и либеральная оппозиция стремилась запугать власть, дестабилизировать внутриполитическую жизнь и добиться радикальных уступок от правительства для осуществления своих целей.

2) Доказано, что в период 1905-1907 гг. «Союз освобождения», кадеты, христианские либералы и пр. «симпатизировали» террористам, что создало им общественную поддержку и условия для увеличения количества терактов.

3) Зафиксировано, что поддержка терроризма «Союзом освобождения» и кадетами была для них тактическим вопросом, с помощью которого они пытались добиться от власти проведения либеральных реформ.

4) Констатировано, что восприятие терактов либеральными партиями и дискуссии о терроре в Думе были тесным образом связана с общей политической ситуацией в стране и генезисом революционного террора, который прошел в своем развитии четыре основных этапа.

5) Установлено, что «Союз 17 октября» и многие либеральные партии российских промышленников и предпринимателей в период революции 1905-1907 гг. выступали против революционного террора, часто поддерживая правительственные меры борьбы с ним.

6) Обосновано, что Партии демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов выступали как против революционного, так и против правительственного террора.

7) Зафиксировано, что для умеренных и консервативных либералов (кроме христианских либералов) нравственная сторона вопроса была одним из важнейших аргументов, который они использовали в дебатах о политических убийствах на заседаниях в Государственной Думе.

8) Доказано, что христианские либералы считали революционный терроризм исторически оправданным ответом на действия власти.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы работы получили отражение в материалах региональных, всероссийских и международных конференций: на XVI, XVII, XVIII, XIX, XX Всероссийских конференций молодых историков «Платоновские чтения» (Самара, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 гг.), IV Международной научной конференции молодых ученых «Добро и зло в современном обществе: духовно-нравственные аспекты общественного развития» (Самара, 2011 г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина» (Самара, 2011 г.); в рамках Международной молодежной научной школы «Историческая память и диалог культур» (Казань, 2012 г.), а также Международной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, «Исторический и духовный путь России: память поколений» (Самара, 2012 г.). Результаты данного исследования отражены в 13 научных публикациях (Самара, Москва, Казань, Пермь) общим объемом 5,2 п.л., в числе которых 4 статьи, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава I. Революционный терроризм и общество в начале XX в.

§ 1. Истоки, идеология и масштаб политического террора в начале XX в.

Россия в начале XX в. стала ареной масштабных революционных событий, которые были направлены на ограничение или даже смену абсолютной власти императора. Глубина противостояния определила предельно жесткий и непримиримый характер борьбы революционных сил и их противников. К началу XX в. террор в России имел определенные исторические корни. Принято считать, что первым террористическим актом стало покушение студента Дмитрия Каракозова на Александра II в 1866 г. Следующий этап активной террористической борьбы был связан с деятельностью «Народной воли» и достиг высшей точки развития 1 марта 1881 г., когда террористам удалось убить императора. Однако вскоре организация была разгромлена, ее лидеры были казнены или отправлены в тюрьму или на каторгу.

Начатый Великими реформами 1860-1870-х гг. процесс перехода к конституционной монархии оказался нетвердым и сдержанным, вызывая социальное недовольство. В такой ситуации, не имея иных механизмов воздействия на судьбу страны, оппозиционные силы стали чаще прибегать к незаконным и преступным действиям, в том числе и к политическому терроризму. П.Б. Струве по этому поводу писал: «Условием, которое с исторической необходимостью породило и порождает революционный террор, является в нашей стране бессилие общественного мнения, закона и права»[1].

С 1880-х гг. и до конца XIX в. деятельность террористических групп практически сошла на нет. Отдельные покушения и убийства совершались и в этот период, но по большому счету терроризм в России прекратился. Он на 20 лет стал сугубо теоретическим вопросом. Однако проблемы, приведшие к появлению первых террористических групп в 1860-е гг., так и не были

[1] Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сб. ст. за 5 лет 1905 - 1910 гг. СПб., 1911. С. 153.

решены. Социально-экономический, политический, морально-психологический кризисы продолжали усугубляться. От власти требовалось то, чего она уже не могла дать за счет запоздавших реформ и нерешительной политики[1].

Необходимо отметить, что политический терроризм в XIX – начале XX вв. в той или иной мере проявлялся во многих странах. Его жертвами были главы государств и правительств, высшие государственные служащие и т.д. Достаточно назвать такие крупные теракты, как покушения на императоров Франции Наполеона III (1858 г.) и Германии Вильгельма I (1878 г.), президентов США А. Линкольна (1865 г.) и Дж. Гарфилда (1881 г.), королей Испании Альфонса XII (1878 г.) и Италии Гумберта I (1878 г.) и др. Стоит заметить, что главными виновниками убийства Александра II либералы называли «прежнее правительство, которое с 1866 по 1880 гг. проводило реакционную политику»[2].

Политический терроризм можно подразделить на революционный и правительственный (государственный) террор. В революционном терроризме начала XX в. можно выделить два слоя: партийный (централизованный) террор, организаторы и исполнители которого исходили из определенных идейно-этических установок, и террор массовый (низовой).

Конечно, любой террор не может быть оправдан с нравственно-этической точки зрения, но стоит учитывать, что он возникал из общественной психологии масс, из эмоций людей, вынужденных идти на протест, выраженный в форме индивидуального политического террора, способный, по их мнению, «уничтожить сам источник бедствий»[3].

Политический терроризм начала XX в. в России имел свои особенности. Прежде всего, он отличался массовостью: по количеству вовлеченных в него лиц и числу жертв. В нем участвовали тысячи лиц – выходцев из разных слоев общества, различных национальностей – как мужчин, так и женщин.

---

[1] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 336.

[2] Алафаев А.А. Власть, народ и либеральное общество в период революционного террора в России на рубеже 70-80 гг. XIX в.: монография. М., 2008. С. 137.

[3] Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. М., 1996. С. 49-50.

Борьба за политическую свободу и социальную справедливость с помощью политических убийств вызывала необходимость морального обоснования и этического оправдания. Как верно заметил О.В. Будницкий, терроризм как политическое действие «не может обойтись не только без опоры на идеологическую, но и на этическую систему»[1]. В начале XX в. в России сложилась ситуация «явно выраженной отчужденности от власти части общества, которая не только считает действия террористов морально оправданными, но и приветствует их»[2]. По воспоминаниям В.Н. Коковцова, С.Ю. Витте утверждал: «вся Россия — сплошной сумасшедший дом, и вся пресловутая передовая интеллигенция не лучше всех»[3].

К основным факторам, способствующие распространению политического терроризма в конце XIX — начале XX вв. можно отнести отсутствие у общества эффективных механизмов воздействия на власть, постоянное нарастание отчужденности между властью и обществом. Традиционное стремление власти решать назревшие в стране социальные и политические проблемы «с помощью силы в таких условиях неизбежно порождала встречное насилие»[4].

Терроризм был не только проявлением общего кризиса в стране, но и фактором, усугублявшим этот кризис. Систематическое насилие подрывало уважение к правительству, мешало работе органов власти, в ходе терактов гибли активные сторонники режима[5]. Правительство бросало огромные силы на борьбу с террором и терпело убытки от экспроприаций. Сложился замкнутый круг: борьба правительства с террором и неспособность решить насущные проблемы приводили к усилению радикальных настроений в обществе, ослаблению режима и, в конечном итоге, к его гибели[6].

---

[1] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 15.
[2] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 126.
[3] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. Париж, 1933. С. 166.
[4] Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. С. 3.
[5] Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии общества. Диссертация … кандидата исторических наук. М., 2011. С. 51.
[6] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 23.

Еще одним из факторов широкого распространения идеи терроризма в российском обществе можно считать укоренившийся и поддерживаемый среди населения (особенно интеллигенции), нигилистический взгляд на политический строй в России. Для широких кругов российской интеллигенции начала XX в., как уже давно отмечали многие крупные теоретики права, было присуще презрение к правовым нормам общественной жизни. Один из авторов «Вех» Б.А. Кистяковский писал в 1909 г., что «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности», ее правосознание «стоит на крайне низком уровне развития»[1].

Как отмечает М.А. Носков, террор – «одно из самых заметных проявлений революционного радикализма, который неизбежно связан с насилием и самыми жестокими репрессиями властей»[2]. Одна из главных целей терроризма – породить недовольство правительством, которое не может защитить своих граждан, и запугать противников революции. Идеологи политического террора «стремились с его помощью разбудить в людях революционное сознание, перетянуть симпатии публики на свою сторону»[3]. Террор, по мнению революционеров, должен был призван дать импульс общественному движению и одновременно ослабить позиции царского правительства. А.В. Тыркова-Вильямс отмечала, что «оба лагеря, правительственный и оппозиционный, были одурманены, ослеплены предвзятыми идеями и предрассудками. Слепоте правительства отвечала слепота оппозиции. Самодержавие не понимало общественного стремления к реформам. Левые не понимали психологии самодержавия, его государственной жизненной сущности…»[4].

Б.В. Савинков вспоминал, что Алексей Покотилов говорил: «Я верю в террор. Для меня вся революция в терроре. Нас мало сейчас. Вы увидите: будет много. Вот завтра, может быть, не будет меня. Я счастлив этим, я горд: завтра Плеве будет убит»[5]. Другой эсер-террорист Иван Каляев, по

---

[1] Кистяковский Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи: интеллигенция в России: сб. ст. М., 1909. С. 126-127.
[2] Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии общества. Диссертация … кандидата исторических наук. С. 4.
[3] Там же.
[4] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 243.
[5] Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 1991. С. 19.

утверждению Б.В. Савинкова, видел в терроре «не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, может быть, религиозную, жертву»[1]. Защитники И.П. Каляева «видели в каждом террористе политического героя и оправдывали не подсудимого, а его действие»[2].

В.М. Зензинов, видный эсеровский публицист, состоявший в Боевой организации, указывал, что на него и его поколение глубокое впечатление произвело то, что убийца министра внутренних дел Сипягина С.В. Балмашев не сделал попытки скрыться после теракта, принеся себя тем самым в жертву. «Для нас, молодых кантианцев, — писал В.М. Зензинов, — признававших человека самоцелью и общественное служение обусловливавших самоценностью человеческой личности, вопрос о терроре был самым страшным, трагическим, мучительным. Как оправдать убийство и можно ли вообще его оправдать? Убийство при всех условиях остается убийством. Мы идем на него, потому что правительство не дает нам никакой возможности проводить мирно нашу политическую программу, имеющую целью благо страны и народа. Но разве этим можно его оправдать? Единственное, что может его до некоторой степени, если не оправдать, то субъективно искупить, это принесение при этом в жертву своей собственной жизни. С морально-философской точки зрения акт убийства должен быть одновременно и актом самопожертвования»[3].

Как отмечала эсерка-террористка А.А. Биценко, многие женщины-террористки шли «просто по непосредственному чувству», толкаемому «условиями жизни», вдохновляемые «героизмом борцов-террористов, как в прошлом, так и в настоящем». Партию социалистов-революционеров считали «самой боевой и революционной, достойной наследницей Народной воли»[4].

Таким образом, можно выделить несколько причин обращения российского оппозиционного движения к террористическим методам ведения политической борьбы. Во-первых, террор запугивал власть и заставлял ее

---

[1] Савинков Б. Воспоминания террориста. С. 29.
[2] Хлысталов Э.А. Острецов В.М. Босиком среди гадюк. О союзе русского народа. Библиотечка КЛИО. М., 1992. С. 29.
[3] Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 108.
[4] Биценко А. В Мальцевской женской каторжной тюрьме // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996. С. 546.

идти на уступки. Во-вторых, террористическая борьба идейно воспитывала общество и приучала его к насилию. В-третьих, удачно совершенные политические убийства подрывали правительственный авторитет.

Терроризм в условиях Первой российской революции постепенно проникал в периферию страны, получал распространение среди учащихся, студентов, крестьян, служащих и рабочих. Вооруженные нападения, теракты, экспроприации становились сопутствующими событиями политической жизни общества, постоянным источником новостей, являлись предметом дискуссий и обсуждений в Государственной Думе, острых споров в среде политических партий, вызывали озабоченность властей[1].

Общеизвестно, что революционные партии, так или иначе, в разной степени использовали в своей деятельности насильственные формы борьбы. Поэтому неудивительно, что либеральные партии откликались на теракты и экспроприации. Газеты консервативной и либеральной направленности были наполнены сообщениями о массовых актах насилия. Например такими: «31 декабря, в 4 ч. дня, на Петербургской стор., во время обыска в д. 16 по М. Белозерской ул., в квартиру, в которой находились чины полиции, кто-то позвонился. Когда дверь была полуоткрыта городовым, на него посыпались выстрелы…»[2]; «в Варшаве приговорены к смертной казни через повешение Броновский, за покушение на убийство жандармского унтер-офицера, Шайхес – за покушение на убийство городового и Матусяк за покушение на убийство стражник… В Севастополе брошена бомба в пристава Славинского… В Варшаве убит на улице городовой конной стражи Иванов. На станции Иркутск из товарного вагона похищено 3 ящика револьверов»[3].

Удивительно, что несмотря на всю ожесточенность борьбы с эсеровскими и большевистскими боевиками, черносотенцы зеркально копировали индивидуальный политический террор, но выбирали объектами своих покушений представителей кадетской партии, деятельность которой

---

[1] Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905 - 1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний. Диссертация ... кандидата исторических наук. Кострома, 2007. С. 3-4.
[2] Новое время. 1907. 2 января.
[3] Речь. 1907. №2. 3 января.

они считали одной из главных причин общественной поддержки экстремистов.

Во второй половине 1905–1907 гг. терроризм стал явлением массовым и бытовым. Поэтому неудивительно, что лидеры эсеров не могли его контролировать. Как отмечает О.В. Будницкий, призывы и увещевания «приостановить» террор по политическим соображениям могли подействовать только на руководителей Боевой организации, не очень охотно подчинявшихся партийной дисциплине, но что же касается «местных боевых дружин и отдельных боевиков, то они нередко действовали по собственному усмотрению, руководствуясь собственными эмоциями или даже совершая террористические акты, поскольку представился случай их осуществить»[1].

Растущее увлечение революцией и терроризмом в российском обществе создавало для молодых людей исключительно выгодную ситуацию: оно в избытке снабжало их мировоззренческими идеями и программой действий, сулящей широкие возможности для проявления героизма. Таким образом, революционно-террористическая идея, будучи «общественным делом», служила им «объективной, интеллектуально и морально оправданной причиной для бунта, своего рода возвышенной формой для вполне земного содержания»[2].

Политически активная оппозиционная молодежь видела свой единственный шанс на лучшее будущее в участии в революции. Впрочем, помимо объективных обстоятельств, вынуждавших молодых людей обращаться к радикализму, существовали и субъективные, — к примеру, «склонность части подростков к антиобщественному поведению и преступной деятельности вообще»[3]. Но нельзя забывать и о нравственно-идейном облике более старших участников террора, которые «были не только бесстрашными борцами за свободу и свои революционные идеалы, но и неоднозначными, противоречивыми людьми»[4].

---

[1] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 171.
[2] Гейфман А. В сетях террора: Дело Азефа и Русская революция. М., 2002. С. 36.
[3] Там же. С. 37.
[4] Горбачева И.М. Индивидуальный политический террор леворадикальных партий и

Последствия политического терроризма намного шире, чем трагедии унесенных им жизней и репрессивных ответных мер, им вызванных. Власть в России отвечала на революционный радикализм собственным консервативным радикализмом, не позволяя большинству из молодых людей участвовать в парламентских дебатах, постепенно обучаться демократическим и административным процедурам. Многих она загоняла в тупик революционного подполья, формировала соответствующее протестное мировоззрение с его схематизмом, резонерством и нетерпимостью к политическому и идеологическому инакомыслию[1].

В исторической литературе показано, что основная черта экстремистского сознания террориста – фанатизм без каких-либо компромиссов. Террорист жил в мире искусственной универсальной схемы, исключающей наличия других взглядов, а потому навсегда запрограммирован на их «ложность». Он считал, что долг революционера заключается в том, чтобы делать революцию. Важную роль в террористической борьбе играли также мотивы мести властям. Как замечает философ Н.А. Грякалов, «политизация террора фантазматична», поскольку гарантирует «социальному воображаемому опору в действительности»[2].

Начало XX в. в истории России – период, который характеризуется наплывом в революционное движение большой массы «искателей приключений и острых ощущений» из самых разных слоев общества, «исповедующих сомнительные идеи и убеждения»[3]. Политический террор по мере эскалации борьбы усилился новым типом террориста. П.Б. Струве в 1911 г. писал: «Народился новый тип революционера. «Максимализм» означал слияние «революционера» с «разбойником», освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек. В революцию ворвалась струя поджигания жизни и погони за наслаждениями…»[4].

борьба с ним Московского охранного отделения: конец XIX в. - 1917 год. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2006. С. 4.

[1] Балтовский Л.В. П.Н. Милюков: ученый в политике. СПб., 2008. С. 95.

[2] Грякалов Н.А. Фигуры террора. СПб., 2007. С. 11.

[3] Суворов А.И. В противоборстве с террористами (из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом): Монография. М., 1999. С. 197.

[4] Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. №10. С. 143.

В России применение индивидуального политического терроризма в начале XX в. приняло широкие масштабы поскольку, по мнению революционеров, только индивидуальная террористическая борьба была наиболее действенным способом добиться смены неугодного чиновника при ограниченных силах[1]. Революционные партии и группы стремились посредством террора дезорганизовать механизм государственной власти, возбудить массы на открытые антиправительственные выступления[2]. Важную роль в террористической борьбе играли также мотивы мести властям.

Насилия властей и терроризм радикалов не могли не беспокоить либералов. Например, в статье Н.Ф. Езерского памяти известного публициста, депутата I Государственной Думы Г.Б. Иоллоса, он пришел к выводу о том, что «в обществе создается неясное, но глубокое убеждение, что все принципы условны, что каждый может нарушить их во имя того, что ему кажется для данной минуты важнее, и во всей общественной жизни водворяется такая нравственная анархия, которая во много раз страшнее политической, ибо при ней невозможен никакой общественный порядок, кроме основанного на грубой силе»[3].

Террор казался радикальным партиям наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил революционеров. Но вакханалия убийств и ограблений способствовала «дегероизации» террористов значительно больше, чем любая антиреволюционная пропаганда[4]. Поэтому революционный терроризм требовал общественной поддержки, иначе теракты превращались в банальные уголовно-криминальные преступления. Как пишет О.Н. Квасов, «коллективное согласие на преступление снимает моральную ответственность»[5]. Именно «симпатизантство» общественного

---

[1] Байрамов Ш.Б., Пиджаков А.Ю. Зарождение и развитие терроризма в Российской империи: монография. СПб., 2006. С. 205.

[2] Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. С. 34.

[3] Езерский Н.Ф. Проклятый вопрос (памяти Г.Б. Иоллоса) // Московский еженедельник. 1907. № 14. С. 10.

[4] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 356.

[5] Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века

мнения, по мнению историка Т.Б. Исаевой, «укрепляло веру террористов в правильности избранного пути и вело к расширению террора»[1].

Террористы этого периода получали активную поддержку части либеральной оппозиции. Как вспоминала кадетка А.В. Тыркова-Вильямс, «вокруг революционных легенд мы создавали культ романтических героев»[2]. Связь критики либералами государственных служащих и выбор в качестве жертв терактов отмечала А.В. Богданович. Например, подъесаула П.Ф. Абрамова «страшно преследовали либеральные газеты за то, что он после выстрела в Луженовского истязал каблуками и кулаками девицу Спиридонову, которая стреляла в Луженовского. И вот теперь эти люди убили этого Абрамова. До сих пор Спиридонову еще не судили»[3].

Более того, П.А. Столыпину не удалось из-за позиции кадетов добиться принятия в I и II Государственной Думе резолюции с осуждением террора. Общественный деятель, легальный марксист В.Я. Богучарский заявлял, что «отмена смертной казни и амнистия без всяких исключений, ограничений и изъятий, - вот что должно стать лозунгом данной минуты»[4]. Он призывал «напрячь все силы, дабы возвратить свободе всех, кто трудился и боролся во имя ее»[5].

Как позже вспоминал В.Н. Коковцов, заседания II Думы «носили характер какого-то невероятного сумбура, настолько было ясно, что никакая продуктивная работа была немыслима, да она никого в Думе и не интересовала, а вое время уходило на бесплодные попытки правой фракции бороться против явной демагогии, не прикрываемого стремления дискредитировать правительство по всякому поводу — со стороны всех остальных фракций, которых на самом деле и не было, так как вся Дума

(1901-1911 гг.). Воронеж, 2005. С. 29.

[1] Исаева Т.Б. История политического терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX века). Саратов, 1996. С. 8.

[2] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 141.

[3] Богданович А.В. Три последних самодержца. М.: Л., 1924. С. 375.

[4] Богучарский В.Я. Из прошлого русского общества: избранные главы. С приложением «Кровавый синодик: смертная казнь по политическим делам в России». М., 2011. С. 337.

[5] Там же. С. 348.

представляла собою сплошное революционное скопище, в котором были вкраплены единицы правых депутатов»[1].

Единство социального происхождения как либеральной, так и революционной оппозиции отмечалось Департаментом полиции в документах для служебного пользования. Из записки заведующего Особым отделом Департамента Л.А. Ратаева следует, что «в состав оппозиционных групп входят преимущественно лица так называемых „интеллигентных" профессий, т. е. писатели, врачи, профессора (главным образом приват-доценты), присяжные поверенные и их помощники и земские деятели радикального направления, преимущественно из числа привлекавшихся к дознаниям политического характера или возвратившихся из административной ссылки»[2].

Если революционеры надеялись актами террора расшатать и свергнуть самодержавие, то черносотенцы с их помощью пытались его защитить. В обоих случаях методы терроризма были почти идентичны. Мало чем отличалось и идейное обоснование терактов, что, по мнению С.А. Степанова, «позволяет говорить о порочной логике террористов — вне зависимости от их политических взглядов»[3].

В программных документах монархических союзов говорилось, что они должны добиваться своих целей исключительно легальными способами на основе милосердия и христианской любви к ближнему. В действительности черносотенцы были весьма далеки от идей терпимости и всепрощения. Среди крайне правых, как пишет историк С.А. Степанов, культивировался дух возмездия, и на первых полосах их газет постоянно печатались списки людей, павших жертвами «безбожного грабительски-освободительного движения»[4].

Черная сотня заслужила печальную репутацию погромами 1905 г. Справедливости ради стоит заметить, что вспышки массового насилия

---

[1] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. С. 257.
[2] Цит. по: Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905-1907. М., 2008. С. 55-56.
[3] Степанов С.А. Черносотенный террор 1905-1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. С. 118.
[4] Там же. С. 120.

произошли еще до образования «Союза русского народа», хотя многие будущие его члены принимали в этих погромах активное участие[1].

Жертвами террора стали тысячи чиновников, общественных деятелей, полицейских служащих и даже простых граждан. В официальных сообщениях и исследовательской литературе содержатся крайне противоречивые сведения о количестве этих жертв, но в любом случае они поражают своими масштабами.

В ходе Первой российской революции проводились неоднократно подсчеты количества терактов, числа пострадавших и их социального статуса. Этим занимались органы власти в лице местной администрации и структур Департамента полиции, средства массовой информации; единичные случаи подсчета своей террористической деятельности дают и оппозиционные партии. Именно на эти подсчеты современников опираются в исследованиях как зарубежные, так и отечественные историки. Но как утверждает историк О.Н. Квасов, «целенаправленных подсчетов различных параметров террористической деятельности начала XX в. на основе совокупного анализа и сопоставления различных источников, за исключением только некоторых регионов и партий, современными исследователями не проводилось, что не способствует углублению знаний о феномене революционного терроризма»[2].

В. М. Пуришкевич, собравший статистику о терактах в опубликованной «Книги русской скорби» (13 томов), говорил о 20 тысячах «раненых, искалеченных и убитых» террористами[3]. А. Гейфман и О.В. Будницкий на основе критического подхода к исследованиям зарубежных специалистов и аналитическим трудам современников солидарно приводят данные о 17 тысячах жертв политического терроризма в России за 1901-1911 гг.[4]

Так, за предреволюционные пять лет, принято считать, в империи произошло не более десятка терактов, однако архивные данные дают совсем

---

[1] Степанов С.А. Черносотенный террор 1905-1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. С. 120.

[2] Квасов О.Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2010. №2. С. 24.

[3] Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится»: об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 92.

[4] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М., 1997. С. 32.

иную картину. В 1903 г. органы политического сыска зафиксировали покушения разного рода в 68 губерниях[1].

В начале XX в. были убиты премьер-министр П.А. Столыпин (1911 г.), министры Н.П. Боголепов (1901 г.), Д.С. Сипягин (1902 г.), В.К. Плеве (1904 г.), московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович (1905 г.), главный военный прокурор В.П. Павлов (1906 г.), начальник Главного тюремного управления А.М. Максимовский (1907 г.), десятки губернаторов, руководители многих жандармских и полицейских служб. Государству и частным предпринимателям был нанесен огромный экономический ущерб от революционных экспроприаций («эксов»). Стоит обратить внимание, что многие убитые принадлежали к доверенным лицам императора, «все они придерживались одинаковых взглядов на перспективы развития российской государственности и ни разу на практике не изменили своим убеждениям»[2].

Выступая 8 июня 1906 г. по запросу о А.П. Щербаке на заседании I Государственной Думы, П.А. Столыпин сообщил, что только с октября 1905 г. по 20 апреля 1906 года по политическим мотивам в стране «было убито 288, а ранено 383, кроме того, было 156 неудачных покушений» на чиновников МВД[3]. Директор департамента полиции информировал Думу годом позже, что в двух Балтийских губерниях имели место 1148 террористических актов, которые привели к гибели 324 человек, в большинстве полицейских и солдат[4].

Близкие данные к статистике Департамента полиции указаны в работе известного правоведа и профессора Н.С. Таганцева «Смертная казнь». Автор ссылается на «цифры из сведений, сообщенных Департаментом полиции III Государственной думе»[5]. В работе отмечаются убитые и раненые

---

[1] Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. №5/3 (55). С. 176-186.

[2] Лебедев В.Д. Политический террор в России между двумя революциями начала XX века // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. М., 2012. С. 30.

[3] Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия // Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. / предисл. К.Ф. Шацилло; сост., коммент. Ю.Г. Фельштинский. М., 1991. С. 40.

[4] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.2. СПб., 1907. Стб. 696.

[5] Таганцев Н.С. Смертная казнь: сб. ст. СПб., 1913. С. 92.

должностные и частные лица за 1905-1908 гг. По подсчетам Н.С. Таганцева в 1905-1908 гг. было убито 2563 должностных лица и 3616 частных лиц[1]. Данные о жертвах среди чиновников и потери среди частных лиц имеют следующие параметры: в 1905 г. было убито и ранено соответственно 52 и 110 человек, в 1906 г. - 358 и 686; в 1907 г. - 1770 и 1734; в 1908 г. - 1436 и 1468. Также Таганцев обращает внимание на резкое уменьшение количества пострадавших чиновников за 1908 г. как в сравнении с предыдущими годами, так и в сравнении с жертвами среди частных лиц. Объяснение этого автор видит в том, что «здесь были прежде зарегистрированы и обыкновенные убийства, вовсе не имеющие политического характера»[2]. Общее количество жертв от революционного терроризма в 1905-1908 гг. составило среди частных лиц - 3616 убитых и 3998 раненых. Именно эти цифры являются наиболее часто используемыми в научных и публицистических работах. Для этого есть весомые основания, так как эту статистику неоднократно использовали управления ведомств и некоторые из показателей коррелируют с независимыми источниками. Но, конечно, стоит отметить, что данные Н.С. Таганцева об убитых и раненных не совсем точны, поскольку не совсем точно учитывают многочисленные жертвы экспроприаций.

Кроме органов власти подсчетами террористической активности занималась периодическая печать. Самостоятельно вести статистические подсчеты терактов были в состоянии единичные издания, а собранные ими показатели касались только узкого числа параметров. Однако газеты активно перепечатывали встречающиеся сведения, подчас не указывая источники информации.

Газетные сообщения интересны тем, что часто давали сведения за короткий промежуток времени, а местная печать публиковала губернскую или региональную статистику. Так, ежедневная московская газета «Русское слово» сообщала: «За истекшую неделю криминальная хроника Одессы выразилась в следующих цифрах: вооруженных ограблений и вымогательств - 30, нанесений ран, убийств и значительных избиений «неизвестными» - 10, перестрелок - 20, столкновений «союзников» с различными группами - 5,

[1] Таганцев Н.С. Смертная казнь: сб. ст. С. 92.
[2] Там же.

террористических актов - 3, анархистских убийств - 2»[1]. Или, например: «С 15-го февраля по 1-е марта получены следующие официальные сведения о террористических актах и вооруженных грабежах. Всего пострадало должностных лиц - 20: убито - 15, ранено - 5. Частных лиц - 62: убито - 40, ранено - 21. Крупных грабежей совершено на 438 107 руб. 53 коп. Винных лавок ограблено на 719 руб., мелких грабежей совершено на 447 957 руб. 63 коп. («Бирж. Вед.»)»[2].

Разнообразные по источнику статистические данные, представленные периодикой и администрацией, использовал в своей работе И.А. Малиновский[3]. Он обосновывает точку зрения о связи возрастания жертв среди государственных служащих и революционеров с ростом взаимной ожесточенности и мстительности. Вину за эту прогрессирующую жестокость Малиновский возлагал в первую очередь на правительство.

На статистику террора в своих критических работах о царской России ссылался и известный публицист В.К. Обнинский. Он прямо отмечал, что опирается на «сводку телеграмм» (сведения телеграфных агентств), при этом достаточно категорично утверждал, что считает такой подсчет как «почти исчерпывающее действительное число» терактов[4]. Обнинский одним из первых стал делать выводы из статистического анализа терроризма. Так, он замечал: «Приготовления к взрывам, фабрикация бомб, организация покушений падают на зимние месяцы, самые покушения и убийства - на летние ... зато наиболее дерзкие акты совершены были именно зимой»[5].

Встречающиеся показатели количества терактов в революционной печати нередко грешат неточностью, конспиративной скудостью сведений и подчас откровенной ложью. Известный список-таблица эсеровских терактов, опубликованный под нераскрытым псевдонимом М. Ивич, изобилует перевиранием фамилий, неточностями в важных деталях и датах,

---

[1] Русское слово. 1907. 1 октября (18 сентября).
[2] Русское слово. 1908. 21 (8) марта.
[3] Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 1/2. Томск, 1908.
[4] Обнинский В.П. Полгода русской революции: сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 - апрель 1906). Вып. 1. М., 1906. С. 152; Обнинский В.П. Новый строй. М., 1909. С. 150-158, 253-258.
[5] Обнинский В.П. Новый строй. С. 253.

присвоением эсерами терактов, выполненных другими партиями[1]. Стоит учесть, что жандармский полковник А.И. Спиридович в своей работе об эсерах[2] фактическую часть террористической активности партии во многих случаях буквально переписал с «Памятной книжки», в некоторых местах уточняя только детали. У признанных исследователей партии эсеров существенно различается количество совершенных в 1902-1911 гг. партией терактов: Д.Б. Павлов называет совокупную цифру в 233 покушения[3], К.В. Гусев - 263[4], а М.И. Леонов - 247[5].

Существенную часть террористов составляли лица без определенных занятий, сбитые с обычного жизненного пути. Исполняя теракты, они получали необходимые средства для жизни, в том числе и для путешествий по стране и зарубежью. Значительный приток подобных лиц наблюдался в период, когда широкий размах получили революционные эксы. Как отмечает историк О.Н. Квасов, «тенденции к мельчания и криминализации экспроприаций стали ощутимы с конца 1906 года» [6]. По словам П.Б. Струве, произошло «слияние «революционера» с «разбойником»… В революцию ворвалась струя прожигания жизни и погони за наслаждениями…»[7].

Таким образом, основным доводом и объяснением террористической борьбы оппозиции являлась репрессивность политического режима. Аргумент самозащиты при использовании террора применяли не только все революционные партии, но и кадеты. В свою очередь, правительство также объясняло введение государственных репрессий по отношению к революционерам ее экстремизмом.

Политический терроризм начала XX в., осуществляемый радикальными организациями, является выражением крайнего неприятия власти и

---

[1] Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 2. Париж, 1914. С. 96-112.

[2] Спиридович А.И. Революционное движение в России. Выпуск II: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.

[3] Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905-1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 149.

[4] Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С. 34.

[5] Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х гг. XIX века - 1907 г. // Политические партии в российских революциях в начале XX в. М., 2005. С. 401-413.

[6] Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901-1911 гг.). С. 25.

[7] Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. №10. С. 143.

противостояния с ней. Именно по этой причине он вызывает специфический общественный резонанс. Теракт — убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей — нуждается, как отмечает М.И. Леонов, «в ясно выраженной и мобилизующей нравственной мотивации, основой которой может быть только убежденность в бесчеловечности данного политического устройства и действий властей»[1].

С помощью политических убийств, насилия и нагнетания страха революционные силы стремились запугать правительство, дестабилизировать внутриполитическую жизнь и революционизировать оппозицию, чтобы добиться радикальных уступок для осуществления своих целей. Терроризм снизил и без того невысокий уровень политической культуры российского общества, деморализуя активных политических деятелей и приучая к мысли, что обращение к насилию в политике есть приемлемый способ решения сложных проблем.

Разоблачение террористической деятельности крайне правых, направленные на ликвидацию лидеров кадетской партий, сорвало их планы. И хотя руководство «Союза русского народа» с помощью властей сумело избежать судебного преследования, скандальные разоблачения сказались на репутации черносотенцев крайне отрицательно. Теракты оказались для монархистов малоэффективным методом политической борьбы.

Сопоставляя данные опубликованных источников о количестве террористических жертв начала XX в., можно выявить следующие тенденции: во-первых, наибольшее количество жертв от терактов приходится на 1907 г.; во-вторых, количество террористических покушений делает резкий прогрессирующий скачок в октябре 1905 г. и, начиная с 1908 г., идет на снижение; в-третьих, в годы Первой российской революции количество жертв среди государственных служащих первоначально превосходило число жертв среди частных лиц. В 1906 г. эта разница начинает выравниваться. В 1907 г. количество жертв среди частных лиц постепенно начинает превосходить, а с 1908 г. - превосходить уже в несколько раз число жертв среди чиновников.

---

[1] Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. С. 33.

Также можно заключить, что кроме официальных сведений Департамента полиции корректных и репрезентативных данных числа жертв революционного терроризма мы не имеем. Использование статистики других источников не всегда оправдано и требует особого обоснования. Кроме того, полицейская статистика критически уязвима и может быть используема только как наиболее точный ориентир для определения тенденций и сравнений. Необходимо обратить внимание и на то, что появившиеся в последние десятилетия исследовательские работы, затрагивающие в той или иной мере террористическую тематику начала XX в., стараются избегать использования собственной статистики, собранной в ходе научной деятельности. Очевидно, что эта статистика, особенно на основе региональных архивов, будет значительно отличаться от известных показателей. Но именно благодаря сопоставлению местных и центральных сведений и совокупности всех данных появляется возможность как приблизиться к пониманию масштабов социальных потрясений российского общества начала XX в., так и понять феномен революционного террора.

§ 2. Эволюция революционного терроризма в начале XX в. и его влияние на правительство и общество

Политическая жизнь России в начале XX в. неразрывно связана с появлением, развитием и угасанием террористической борьбы против существовавших форм государственности. На протяжении длительного периода времени формировалось противоречие между государственностью и общественностью. Обе стороны этого противоречия, как отмечает Л.В. Балтовский, постепенно, но неуклонно «накапливали энергию политического радикализма и экстремизма»[1].

Как государственный террор, так и оппозиционный были нацелены на использование насильственных методов устрашения политических противников. Они одинаково руководствовались принципом «цель оправдывает средства», имея в виду свою приверженность к крайним

[1] Балтовский Л.В. П.Н. Милюков: ученый в политике. С. 146.

насильственным действиям и пренебрежения к конкретным человеческим личностям[1].

Исходной посылкой, объединяющей разные направления российского либерализма в начале XX в., являлось признание приоритетности эволюционного пути общественного развития. Однако теоретики различных течений в либерализме расходились в вопросе о возможности и допустимости политической революции. Если для умеренных и консервативных (земских) либералов было характерно категорическое неприятие революции вообще, то идеологи «демократического» либерализма разделяли понятие «революция» на социальную, которая ими также отвергалась, и политическую, возможность, а порой и необходимость и даже неизбежность (в случае неуступчивости власти идти на реформы) которой они в принципе признавали[2].

Как пишет В.В. Шелохаев, политическая революция, по мнению либералов «нового типа», правомерна «тогда и постольку, когда и поскольку она берет на себя решение тех объективно назревших исторических задач, которые не может решить существующая власть»[3]. При таком подходе политическая революция представлялась следствием «неразумной» политики правительства, его нежелании провести необходимые либеральные реформы.

Либеральная общественность конца XIX – начала XX вв. видела в действиях террористов, как пишет А. Гейфман, «примеры самопожертвования и героизма», а в них самих — «людей редких гражданских качеств, которыми двигал глубокий гуманизм, и поэтому им прощали даже преступления»[4]. Так, кадет В.А. Маклаков вспоминал: «Мне приходилось в судах защищать революционеров-фанатиков, которые ставили ставку против власти на Ахеронт; я уважал их героизм, бескорыстие, готовность жертвовать собой и для других, и для дела: я мог искренно отстаивать их против жестокости и беспощадности репрессий

---

[1] Петухов В.Б. Терроризм как социокультурное явление: учебное пособие к спецкурсу. Ульяновск, 2006. С. 23.
[2] Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 173.
[3] Там же. С. 173-174.
[4] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. С. 25-26.

государственной власти, тем более, что она часто на них вымещала свои же грехи и ошибки»[1].

Существенной и специфической формой поддержки террористов была их судебная защита. Сами террористы придавали судебным процессам над ними огромное пропагандистское значение. Собственные выступления и речи адвокатов публиковались в открытой печати, что давало возможность обратиться к гораздо большей аудитории, чем в нелегальных изданиях. Неудивительно, что по политическим делам на защиту подсудимых-террористов вставали «лучшие силы русской либеральной адвокатуры: Маклаков, Муравьев, Соколов, Зарудный и др.»[2].

Отношение либеральной общественности к террору не ограничивалось сочувствием. На революционные цели и террор жертвовались крупные суммы. По утверждению Л. Красина, «считалось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, исправно выплачивающих ежегодные сборы бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков и чиновники государственных учреждений»[3]. Начальник Петербургского охранного отделения генерал А.В. Герасимов впоследствии вспоминал, что в 1905 г. «особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая деятельность. Деньги в кассу их центрального комитета притекали со всех сторон и в самых огромных размерах»[4].

Революционеры определяли сами сочувствующую им часть общества: «мы имели сообщников… и были окружены, - писала В. Фигнер, - целым слоем так называемых сочувствующих, за которыми обыкновенно следуют еще люди, любящие просто полиберальничать… выходило, в конце концов, что мы встречали повсюду одобрение и нигде не находили нравственного отпора и противодействия»[5]. А.В. Тыркова-Вильямс вспоминала:

---

[1] Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 319.
[2] Герасимов А.В. На лезвии с террористами: воспоминания. М., 1991. С. 105.
[3] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 38-39.
[4] Герасимов А.В. На лезвии с террористами. С. 55.
[5] Фигнер В.Н. Из книги «Запечатленный труд» // Блестящая плеяда. М., 1989. С. 414.

«правительство могло бы без труда править с немноголюдными революционными организациями, не будь они окружены своеобразной питательной средой. Заговорщиков прятали, поддерживали, им сочувствовали. Радикализм и бунтарство расплывалось в повальную болезнь. Революция содержалась, действовала на деньги буржуазии. Террористам давали деньги богатые текстильщики, как А.И. Коновалов и Савва Морозов, чайные миллионеры вроде Высоцких, титулованные дворяне, чиновники, доктора и инженеры с большими заработками, большие дельцы, банкиры»[1].

Для русского либерализма начала XX в., по мнению И.В. Сибирякова, была характерна жертвенность: «желание отдать всего себя служению народу, желание пожертвовать чем-то очень важным для себя во имя простых людей, желание пройти через страдания и тяготы суровой повседневной народной жизни – все это результат долгой и трудной эволюции взглядов провинциальной российской интеллигенции»[2].

П.Б. Струве обращал внимание на ненормальную радость, охватывавшую российского интеллигента и обывателя при известии об очередном теракте: «Нигде абсолютно никакого негодования против самого факта убийства и даже мало удивления…»[3]. Главной группой поддержки революционного террора, по мнению большинства наблюдателей того времени и современных историков, была интеллигенция. Как отмечал руководитель Петербургского охранного отделения Л.В. Герасимов, «вся интеллигенция была на стороне революционеров»[4].

Николай II, искренне веривший в преданность и любовь к нему «простого» русского народа, именно интеллигенцию считал главной виновницей всех социальных конфликтов в стране. Услышав как-то за обедом выражение «интеллигент», император сказал: «Как мне противно это слово» и добавил, что «следует приказать Академии наук вычеркнуть это слово из русского словаря»[5].

---

[1] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 245.
[2] Сибиряков И.В. Новый российский либерализм: опыт реконструкции социоморальной среды. Челябинск, 1998. С. 97.
[3] Струве П.Б. Смерть В.К. фон-Плеве, впечатления и отклики // Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. 4. М., 1925. С. 91.
[4] Герасимов А.В. На лезвии с террористами. С. 55.
[5] Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Т.2. М, 1960. С. 328.

Естественно, что подобная политика самодержавия вызывала соответствующий ответ со стороны интеллигенции. Литературная деятельность, издание газет и журналов стали той почвой, на которой чаще всего объединялась либеральная интеллигенция. Как писал заведующий Особым отделом департамента полиции Л.А. Ратаев: «Главная задача таких групп состоит в том, чтобы постоянно поддерживать и будить, а в случае надобности и вызывать в обществе недовольство против правительства, истолковывая каждое мероприятие последнего в неблагоприятном смысле и выставляя все правительственные действия в умышленно невыгодном освещении, и, таким образом, воспитывать массу в ненависти к современному государственному строю»[1]. Превращая каждое политическое убийство в сенсацию, газеты становились проводником революционной «пропаганды действием» и обеспечивали террористам так необходимую им публичность.

Николай II не проявлял никакого желания пойти на встречу либералам в осуществлении их программы преобразований. Либералы в такой позиции самодержавия видели причину всех постигших Россию бед. Кадет В.А. Маклаков писал впоследствии, у Николая II «все было в руках, чтобы обойтись без войны. Примирение власти и общества, возвращение самодержавия на героический путь реформ – зависело тогда от него. Последний несчастный наш самодержец этого не хотел и сам начал войну со страной»[2]. Как заметил историк А.Н. Егоров, именно самодержавие своей крайне неуступчивой политикой «превращало либералов в радикалов»[3].

Организация либералов не только разжигала сопротивление самодержавию, но сама была результатом этого сопротивления, выражением одного из господствующих общественных настроений. Их идеология стремительно распространялась и нуждалась в массированной пропаганде. Большему распространению либеральной фронды способствовала и

---

[1] Цит. по: Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. М., 1985. С. 42-43.

[2] Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания. Париж, 1936. С. 245.

[3] Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии. Монография. Череповец, 2007. С. 219.

возможность легальных контактов единомышленников и, как следствие, создания собственной широкой среды общения, чего революционеры-экстремисты были лишены по необходимости конспирации. Поэтому, по мнению историка С.Б. Павлова, «наиболее активные либералы, весьма далекие от революционного самопожертвования, еще до создания своего «Союза», за несколько предреволюционных лет помогли делу революции едва ли не больше, чем все революционеры, вместе взятые»[1].

Находясь с момента своего возникновения в постоянной оппозиции к власти, либеральная интеллигенция рассматривала себя в качестве политической элиты страны и претендовала на ведущую роль в общественной жизни. Как отмечает, Л.Ю. Казанина, конфронтационное состояние между властью и обществом было усилено пропагандистской деятельностью либералов до такой степени, что «практически была утрачена психологическая способность к разумному компромиссу»[2].

Моральная санкция общества была необходимым условием существования радикальной интеллигенции – «нового социального феномена», лишенного возможности найти оправдание своим действиям «как в традиции, так и в общественной морали»[3]. Либеральная публика отдавала свои симпатии терактам как концентрированным формам общественного недовольства. По мнению американского историка Р. Пайпса «радикальная интеллигенция сознательно канализировала конкретные проявления общественного недовольства, направляя их в сторону полного отрицания политической и общественной системы»[4].

Протеррористические симпатии, как пишет Р.У. Ибатуллин, русской интеллигенции «воспринимаются как некая аномалия»[5]. Главные причины этого в лаконичной и четкой форме назвал кадет и либеральный критик терроризма Н.А. Гредескул: «Политический террор пользовался если не

---

[1] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905-1907. С. 56.

[2] Казанина Л.Ю. Российский либерализм и реформы П.А. Столыпина (1906-1911): монография. Новомосковск, 2009. С. 208.

[3] Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 19.

[4] Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С 450.

[5] Ибатуллин Р.У. Интеллигенция и терроризм в России в начале XX века // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. С. 61.

активным, то пассивным сочувствием значительно более широких слоев русского общества, чем те, какие принимали в нем непосредственное участие. Это объясняется тем, что политический террор представлялся тогда русскому обществу исключительно с двух сторон: во-первых, с той стороны, что он был способом борьбы с абсолютизмом; во-вторых, с той стороны, что он был самопожертвованием в лице тех, кто на него решался»[1].

Интеллигенция, чьи гуманистические ценности в принципе противоречили системному насилию, была вынуждена «трудиться над его самооправданием»[2]. Общество, для которого закрыты все пути, не только не отворачивается от своих членов, включающих убийство в способы борьбы за право самоопределения, - оно сочувствует им, оно, наконец, чтит их[3].

По утверждению историка М. Могильнер, «центральным персонажем большинства поэтических и прозаических произведений Подпольной России являлся герой-революционер», но накануне и в годы Первой российской революции этот герой «все чаще предстает не просто профессиональным революционером, самоотверженно выполняющим свой долг перед народом, но террористом, жертвующим собственной жизнью ради революционного идеала»[4]. Но по мере того как жертвенный терроризм становится обыденностью, его эффективность заметно падает[5].

Революционная интеллигенция постоянно агитировало общество подвергнуть бойкоту правительство и не иметь с ним ничего общего. Когда правительство ничего не предпринимало, радикалы обвиняли его в пассивности; когда делало уступки, то, как пишет Р. Пайпс, они «считали их вырванными у власти и требовала большего»[6]. Интеллигенция рассматривала

---

[1] Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб., 1912. С. 11-12.
[2] Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. С. 9.
[3] Календарь русской революции. Под общей ред. В.Л. Бурцева // Террор и агентура в Российской империи. 1861-1917. Сборник документов, материалов, воспоминаний / Авт.-сост. Н.Д. Литвинов. Воронеж, 2007. С. 214.
[4] Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. С. 41-42.
[5] Кашников Б.Н. Природа террористического действия. Примеры и проблемы // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: сборник научных докладов. В 2 ч. Ч. 1. Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности. Великий Новгород, 2008. С. 26.
[6] Пайпс Р. Россия при старом режиме. С 455.

любой шаг даже с частичным применением со стороны правительства как очередную демонстрацию его слабости и возможность выдвижения новых более радикальных требований[1].

В начале 1906 г. Департамент полиции был взволнован всплеском терактов. По его данным, пострадавших от рук террористов с февраля 1905 г. по май 1906 г. было 1273 убитых или раненых, причем из низ 945 (почти 75%) человек – приставы, околоточные надзиратели, городовые, урядники, стражники, жандармы[2]. О масштабе сочувствия террору можно судить по такому эпизоду: 7 января 1906 г. был убит урядник А. Черняка. Он шел из церкви и, увидев собравшуюся толпу крестьян, предложил ей разойтись. Из толпы вышли Володкович и Окунев и стали укорять урядника за обыск у Володковича. Потом Володкович выстрелил в урядника, но тот попытался скрыться. Но толпа догнала его и расстреляла из револьверов и ружей[3].

Также крайне показательна логика обоснования убийства. Например, в воспоминаниях эсера-боевика Г. Фролова, взорвавшего самарского губернатора 21 июля 1906 г., говорится: «Что за человек был самарский губернатор и каково было его служебное поприще, я не знал; да это в то время было неважно: он был бы, вероятно, убит, если бы был даже самым лучшим губернатором… Для нас тогда было важно одно: он является представителем грубого монархизма»[4].

Революционеры-террористы считали что, совершая теракт, они осуществляют свое справедливое право отвечать насилием на насилие со стороны правительства. В свою очередь, революционный терроризм вызывал ответную реакцию власти, причем, как отмечает С.А. Степанов, «выражается это не только в ужесточении законодательства и усилении репрессивных мер, но и в стремлении отплатить злодеям-террористам той же монетой»[5].

---

[1] Пайпс Р. Россия при старом режиме. С 456.
[2] ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 233а. 1905 г. Д. 2554. Л. 32-32об.
[3] Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. М., 2001. С. 224.
[4] Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. №1. 1924. С. 114.
[5] Степанов С.А. Черносотенный террор 1905-1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. С. 118.

Убийство министра просвещения в феврале 1901 г. Н.П. Боголепова П.В. Карповичем было сочувственно встречено либеральным интеллигентским обществом. Это стало одним из обстоятельств, которое подвигнуло лидеров эсеров — сторонников террора (в первую очередь Г.А. Гершуни, М.Р. Гоца и В.М. Чернова) приступить к реализации плана систематического индивидуального террора против представителей власти. По свидетельству Л.А. Рубакиной, «значительную часть средств на подготовку первого покушения эсеров дали М. Горький и Н.А. Рубакин»[1].

2 апреля 1902 г. С.В. Балмашев смертельно ранил министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Этот акт положил начало эсеровскому террору[2]. Как писало либеральное «Освобождение», в России «теперь всюду ходят по рукам портреты Балмашева. Увидев этот портрет, всякий чувствующий человек должен воскликнуть: да будут прокляты условия жизни, заставившие этого чудесного юношу … пренебречь отвращением к насилию…»[3]. Даже В.И. Ленин в 1902 г. отмечал, что «многие русские либералы … всей душой сочувствуют террору и стараются поддержать подъем террористических настроений в данный момент»[4].

В 1902 г. писатель В.Г. Короленко, находясь в Гаспре (Крым), посетил Л.Н. Толстого. По воспоминаниям С.Я. Елпатьевского и А.П. Чехова, Толстой в ту пору проявлял огромный интерес к актам политического террора. Как пишет Короленко, после убийства министра внутренних дел Сипягина произошло покушение на петербургского градоначальника Лауница. «Террористы с удивительным самоотвержением шли на убийство и на верную смерть... В этой борьбе проявилось много настроения, и оно, в свою очередь, начинало заражать Толстого». Короленко рассказал Толстому об убийстве Сипягина. «Как будто и есть за что осудить террористов... — сказал Толстой. — Ну, вы мои взгляды знаете... И все-таки не могу не сказать: это целесообразно»[5]. Короленко, чья позиция сводилась к

---

[1] Цит. по: Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. С. 34.
[2] Там же. С. 34-35.
[3] Материалы и сведения по делу об убийстве Сипягина // Освобождение. 1902. №1. С. 14.
[4] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1963. С. 76.
[5] Короленко В.Г. Земли! Земли! М., 1991. С. 76-77.

бескомпромиссному осуждению терроризма, не мог не удивиться этим словам Толстого, как он пишет, «полуодобрению» террора.

По записям в дневнике либерально настроенного писателя С.Р. Минцлова достаточно четко прослеживается, что в его круге общения год за годом нарастало сочувственное отношение к покушениям террористов. Новость об убийстве в мае 1903 г. уфимского губернатора Н.М. Богдановича Е.О. Дулебовым «принята обществом довольно равнодушно, смерть Боголепова и Сипягина приучила уже к подобным событиям, да Богданович и не пользовался расположением». Покушение на генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова было встречено уже более благожелательно: «Всюду только и толков, что о покушении на него, но при этом почти неизменно прибавляют «этого и нужно было ожидать». Общественное мнение не на стороне Бобрикова». По поводу убийства Плеве Минцлов записал: «В публике волнения и возбужденных толков не замечалось: более было любопытства. Дождался-таки Плеве своего часа!». «В общем смерть Плеве только всколыхнула и заинтересовала всех — не более». В отличие от Минцлова, другие современники оценивали реакцию на убийство Плеве гораздо восторженней, о чем будет сказано далее. Наконец, телеграммы о гибели великого князя Сергея Александровича «произвели большой и притом радостный эффект в городе: «кто будет №2?» — задают вопросы друг другу». «Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим убийством»[1]. Очевидно, власть отталкивала от себя общество.

Практически единодушно либеральное общество отреагировало на убийство министра внутренних дел фон Плеве. «Радость по поводу его убийства была всеобщей», — вспоминал П.Н. Милюков[2]. Как отмечал руководитель Боевой организации эсеров Б.В. Савинков, «смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма»[3].

По свидетельству А.В. Тырковой-Вильямс, сообщение об убийстве Плеве вызвало в доме редактора «Освобождения» П.Б. Струве такое

---

[1] Цит. по: Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. 2-е изд. Ростов н/Д, 1996. С. 496-498.
[2] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С.236.
[3] Савинков Б. Воспоминания террориста. С. 33.

радостное ликование, точно это было известие о победе над врагом. «Освобожденцы, - продолжала она, - террором не занимались, но и морального осуждения этому способу политической борьбы не выносили»[1].

«Чувство радости и удовлетворения, охватывающее русское общество при известии об убийстве вершащих его судьбу сановников, конечно, указывает на глубокую ненормальность во всем положении общества и народа. Но где же источник этих ненормальных чувств, как не в самом самодержавии?» - писал в 1904 г. П.Б. Струве в «Освобождении» по поводу убийства Плеве[2]. Он много внимания уделял проблеме нравственной мотивации террора. Его вывод гласил, что российский терроризм вынуждается постоянным игнорированием права государством, в то время как оно обязано не просто подчиняться праву, как отдельные лица, оно «обязано блюсти право»[3]. Во многом аналогичным выводам приходили и многие другие либералы. По мнению В.Д. Кузьмина-Караваева, «попирать право, грубо и бесчеловечно, — для государства во сто крат преступнее, чем для революции»[4]. Консерватор из священников Д. Ромашков характеризовал требования либералов о политических свободах, как замена добра злом[5].

Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов писал: «Террористический акт 15 июля 1904 года лишил империю крупного вождя, человека, слишком самонадеянного, но сильного, властного, державшего в своих руках все нити внутренней политики»[6]. Но даже в высших сферах было немало тех, кто не скрывал свое удовлетворение «устранением» Плеве, великого князя Сергея Александровича и других. Например, С.Ю. Витте выразил свою позицию так: «раз эта партия находит, что только убийством подобных лиц можно достигнуть государственного устройства, более соответствующего гуманным началам, то довольно естественно, что они убили Лауница»[7]. В общем, его не смущало, что для достижения более гуманного государственного устройства применяются такие крайние

---

[1] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 333-334.
[2] Струве П.Б. Конец ф.-Плеве // Освобождение. 1904. №52. С. 33.
[3] Струве П.Б. Patriotica. С. 153.
[4] Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения. Ч.2. СПб., 1907. С.126.
[5] Ромашков Д. Истинный и ложный консерватизм и либерализм. М., 1905. С. 10.
[6] Герасимов А.В. На лезвии с террористами. С. 16.
[7] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 340.

средства, как теракты, хотя он и оговаривался, что является противником политических убийств.

В ноябре 1904 г. во время банкетной кампании присяжные поверенные во время одного из обедов провозгласили тост за Е. Сазонова (убийцу Плеве), «который был принят с горячим единодушием всем собранием»[1]. По словам С.Ю. Витте, «перспектива получить бомбу или пулю никого не прельщала быть министром»[2].

Социал-демократ Г.В. Плеханов также, как и многие, отмечал чрезвычайную радость многих российских свободомыслящих кругов в связи с убийством Плеве. «Но, — продолжал он, — радовались как раз те элементы, которые сами не принимают активного участия в движении»[3]. Убийство в феврале 1905 г. великого князя Сергея Александровича еще в большей мере, чем убийство Плеве, способствовало повороту общественных настроений в пользу террора. По наблюдениям В.Д. Бонч-Бруевича, после убийства великого князя Сергея Александровича в Москве не было сколько-нибудь значительных слоев, которые бы сочувствовали погибшему, «не было и упреков по адресу террориста... Либеральная часть интеллигенции потеряла голову, мечется, потирает руки. Заметен сильный поворот в сторону терроризма»[4].

Но кроме Плеве террористы убивали и гораздо менее известных деятелей государственного аппарата, к которым не могло быть такой единодушной неприязни. Тем не менее «герои-террористы» «канонизировались» образованным обществом вне зависимости от положения и репутации убитого ими чиновника.

Трагизм положения властей заключался в их отчужденности от общества. «Горько признаться, — вспоминал А.В. Герасимов, — мне редко приходилось встречать людей, которые были бы готовы из убеждения, а не для извлечения материальных выгод (таких людей было немало!) оказывать нам поддержку в борьбе против революционеров. В то время как революционеры встречали сочувствие и поддержку повсюду.

---

[1] Богданович А.В. Три последних самодержца. С. 311-312.
[2] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 68.
[3] Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 13. М.; Л., 1926. С.143—145.
[4] Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. Т. 2. М., 1961. С. 76.

Интеллигенция, широкие слои общества, даже умеренно настроенные, особенно симпатизировали эсерам, популярность которых, - отмечал А.В. Герасимов, - после покушений на Плеве и великого князя Сергея Александровича поднялась на необычайную высоту»[1].

У огромного количества общественных деятелей, служащих, журналистов и писателей теракты вызывали чувства неподдельного восхищения. Либералы высказывались о терроре так: «правительству надо угрожать и указывать на неизбежный рост террора, но не радоваться этому, а лишь оправдывать иногда его или скорее понимать его», — говорил князь П.Д. Долгоруков; «я это понимаю и потому не назову террориста убийцей», — заявлял граф П.А. Гейден; «мстителями за народное горе» называл террористов профессор П.Н. Милюков[2].

Стоит отметить, что Боевая организация эсеров «приговоренными к смерти» выбирала обычно тех, кого критиковала «либеральная общественность». Например, как пишет П.А. Кошель, Гершуни и Азеф «наметили убийство уфимского губернатора Богдановича, которого либеральные круги осуждали за усмирение златоустовских беспорядков»[3]. Сохранилось указание А.В. Богданович, в котором она связывала попытки либералов добиться принятия конституции с началом разгула террора: «во время одного из заседаний съезд получил заявление от партии террористов, оповещающее съезд, что если ими намеченные пункты не будут приняты, то они переменят свою тактику; что доселе они устраняли только министров, которые им мешали, но что царь и царствующий дом были для них священны, но с отказом царя следовать намеченной съездом программе первая их жертва будет царь, что они его скоро убьют»[4].

Происходившие теракты крайне драматично и болезненно воспринимал император Николай II. Об этом свидетельствуют его записи в личном дневнике: «Утром П.П. Гессе принес тяжелое известие об убийстве Плеве

---

[1] Герасимов А.В. На лезвии с террористами. С. 55.
[2] Либеральное движение в России, 1902-1905 гг. М., 2001. С. 32, 372, 373.
[3] Кошель П.А. История наказаний в России. История российского терроризма. М., 1995. С. 289.
[4] Богданович А.В. Три последних самодержца. С. 306.

брошенною бомбою в Петербурге против Варша[вского] вокзала... Строго Господь посещает нас Своим гневом»[1].

Обстановка постепенно выходила из-под правительственного контроля. А надежда властей на умиротворяющий эффект либеральных уступок только усиливалась. Х.Х. Клопов в письме к Николаю II от 1 апреля 1905 г. уверял: «Нет сил и возможности передать Вам, Ваше Величество, о том психологическом состоянии, которое переживает теперь вся Россия и каждый из нас. Все чувствуют, что мы накануне страшных событий, что к нам приближается пугачевщина»[2]. Даже либерально настроенный министр просвещения (1905—1906 гг.) И. И. Толстой откровенно говорил Николаю II, что он «решительный враг существующего правительственного режима, считая его вредным как для Вашего Величества, так и для России». Он выразил «свое искреннейшее убеждение, что бюрократический режим совершенно непригоден для России, что Россия им загублена...»[3].

Внимательный наблюдатель, начальник канцелярии министра двора А.А. Мосолов, вспоминал, что накануне 17 октября 1905 г. «под влиянием непрерывных террористических актов и объявленной всеобщей забастовки растерянность в правительственных кругах достигла высшей точки»[4].

В 1905 г. С.Ю. Витте сыграл ключевую роль в подписании Николаем II Манифеста 17 октября, впервые в истории России даровавшего ее жителям гражданские права вместе с конституцией и двухпалатным парламентом, наделенным законодательными полномочиями.

В день опубликования Манифеста 17 октября проходило экстренное совещание для обсуждения вопроса об амнистии. Проект статей манифеста о льготах преступникам был наскоро составлен в Министерстве юстиции. Как пишет В.Н. Коковцов, Витте сразу же заявил, что находит его слишком «трафаретным» и не отвечающим важности переживаемого момента, что нужно дать самые широкие льготы в особенности осужденным за

---

[1] Дневники императора Николая II (1894-1918). Т. 1. М., 2011. С. 808, 815.
[2] Цит. по: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. Спб., 1991. С. 122.
[3] Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. // Мемуары русской профессуры / Сост. Л.И. Толстая. М., 1997. С. 25.
[4] Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 1993. С.212.

политические преступления и возвратить из ссылки всех, открыть двери Шлиссельбургской тюрьмы в показать всем, кто подвергся преследованию, что нет более старой России, а существует новая Россия, которая «приобщает к новой жизни и зовет всех строить новую, светлую жизнь»[1].

По воспоминанию В.Н. Коковцова, многие из участников совещания пытались «возразить не столько против идеи амнистии, сколько против широкого ее объема и невозможности распространения ее без всякого ограничения на всех осужденных в свое время, без отношения к тому, какую часть наказания отбыли они, и в особенности против идеи Витте отворить двери Шлиссельбургской тюрьмы, выпустить на полную свободу всех в ней заключенных и предоставить им поселиться в столице без всяких ограничений»[2]. Но проект амнистии прошел почти в том виде, как настаивал Витте; удалось только не допустить права проживания в столицах и столичных губерниях отбывших каторгу.

Все варианты властных решений сводились к дилемме: уступать или не уступать, иначе говоря, действовать как велит оппозиция или действовать против оппозиции. Не решаясь по-настоящему ни на что, власть понемногу делала и то, и другое. В результате ее уступки требованиям оппозиции, прежде всего либеральной, выглядели капитуляцией, а репрессии — преступлениями. Все это усиливало степень оппозиционности либеральной общественности. Этому же способствовали новые поражения в войне на Дальнем Востоке[3].

Как отмечает В. Меч (В.Д. Мачинский), после провозглашения Манифеста 17 октября «страна была охвачена громадным пожаром диких погромов и убийств, неслыханных по своей жестокости и разнузданности, возбудивших ужас и отвращение во всем культурном мире»[4]. Левый кадет В.П. Обнинский писал о 1905 г.: «Фабрикация бомб приняла гомерические размеры… Мастерские бомб открываются во всех городах. Взрывалось все,

---

[1] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. С. 93-94.
[2] Там же. С. 94-95.
[3] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 254.
[4] Меч. В. Борьба общественных сил в русской революции. Вып. 1. Силы реакции. М., 1907. С. 75.

что можно было взорвать, начиная с винных лавок и магазинов, продолжая жандармскими управлениями и памятниками русским генералам и кончая церквями»[1].

Во время декабрьского восстания в Москве Семеновский полк, разбиравший баррикады на Горбатом мосту, был обстрелян с близлежащих домов. Полк, понесший потери не только ранеными, но и убитыми, ответил ожесточенным артиллерийским огнем. Городской глава Н.И. Гучков был не в состоянии остановить начавшийся обстрел, длившийся целый день Деревянная Пресня полыхала пожарами[2]. На следующий день район не обстреливали, рабочие разбирали баррикады, солдаты на санях вывозили детей[3]. Вся вина возлагалась на правительство, инспирировавшего погромы.

27 апреля 1906 г. состоялось первое заседание избранной I Государственной Думы, от которой все ожидали антиправительственной борьбы. Манифест 17 октября и Дума не раскололи освободительное движение, потому что большая и политически решающая часть либералов не перешла на сторону власти, а продолжала поддерживать левый терроризм. Первая же речь с думской трибуны, произнесенная И.И. Петрункевичем, содержала требование амнистии. Попытки умеренных депутатов не допустить или смягчить требование амнистии не были услышаны. М.А. Стахович доказывал, что за то время, когда были казнены 90 политических преступников, жертвы террора составили 288 человек убитыми и 338 ранеными — в основном это были городовые. В ответ ему кричали: «Мало!»[4]. В Адрес I Думы Николаю II были включены требования амнистии, отмены смертной казни, ответственного перед Думой министерства, упразднения Государственного совета и принудительного отчуждения земель.

19 июня I Дума единогласно приняла законопроект об отмене смертной казни. И это несмотря на то, что главный прокурор Павлов и министр юстиции Щегловитов пытались переубедить думских депутатов, объясняя с

---

[1] Обнинский В.П. Новый строй. С. 156.
[2] Воробьева Ю.С. Николай Гучков - московский городской глава. М., 2009. С. 45.
[3] Русские ведомости. 1905. 21 декабря.
[4] Сидоровнин Г.П. Петр Аркадьевич Столыпин: жизнь за Отечество: жизнеописание (1862-1911). М., 2007. С. 167.

трибуны, что после амнистии 21 октября 1905 г. террор только усилился[1]. Им не давали говорить. Даже некоторым царским министрам казалось, что «отмена навсегда смертной казни» - необходимая мера для дальнейшего развития страны[2].

За 72 дня своего существования Дума внесла в правительство 391 запрос, из которых 123 были спешными[3]. Меньшевик В.Л. Львов-Рогачевский позже в 1917 г. писал, что кадеты в I Думе по возможности пытались «воздействовать на правительство, избегая решительных столкновений»[4]. Это, конечно, не вполне соответствует исторической истине. Первый русский парламент действовал против власти, используя для этого все предусмотренные законом формы поведения.

Российские революционеры и в определенной мере либералы противились реформам, поскольку их проведение могло бы предотвратить революцию, которая рассматривалась как конечная цель. В 1906—1907 гг. было предпринято несколько попыток ввести либералов в правительство, но каждый раз они отказывались от этих предложений. Так, например, П.А. Столыпин вместе с министром иностранных дел А.П. Извольским 26 июня 1906 г. встретился с П.Н. Милюковым, а на другой день — с Д.Н. Шиповым и Н.Н. Львовым[5]. Столыпин вел речь с Милюковым о возможности создания коалиционного кабинета. Милюков ответил отказом, поскольку был уверен, что «верхи» уже внутренне согласились на кадетское правительство. Но это оказалось «грубым просчетом кадетского лидера, обусловленным совершенно эйфористичным представлением о роли и месте своей партии в революции и Думе»[6].

12 августа 1906 г. эсеры-максималисты устроили взрыв на даче П.А. Столыпина на Аптекарском острове, в результате которого было убито 27 человек. Ответом правительства явилась опубликованная 15 августа в

---

[1] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. Т.2. СПб., 1906. Стб. 1480.
[2] Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. // Мемуары русской профессуры / Сост. Л.И. Толстая. С. 260.
[3] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905-1907. С. 507.
[4] Львов-Рогачевский В.Л. Наши политические партии. Ч. 1: Либералы. М., 1917. С. 36.
[5] Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991. С. 19.
[6] Там же. С. 19-20.

газете «Россия» редакционная статья, в которой указывалось: «Нет никакого сомнения, что террористические покушения действуют угнетающим образом на общество, но было бы большой ошибкой думать, что террор анархистов должен повлечь за собой террор правительственный»[1]. Тем не менее, уже 19 августа, то есть через неделю после взрыва дачи на Аптекарском острове, Николай II учредил, воспользовавшись положениями 87-й статьи Основных законов Российской империи, военно-полевые суды для гражданских лиц, которые были уполномочены выносить быстрый приговор без права на апелляцию.

Массированная идейная атака насаждала в обществе мнение о будто бы царящих «в охранке» произволе, злоупотреблениях, запрещенных способах работы и т.д. Укоренялся взгляд о предосудительности и бесчеловечной сущности данной службы. Противоборствовавшие стороны находились явно в неравных условиях с точки зрения морально-этических и правовых принципов. Террористам было «все позволено», в то время правоохранительные органы работали, как правило, используя лишь дозволенные законом жестко ограниченные средства борьбы. Это отмечал консервативный публицист В.В. Розанов: «Революционеры берут тем, что они откровенны. "Хочу стрелять в брюхо" - и стреляет... До этого ни у кого духа не хватает. И они побеждают... И победа революционеров, или их 50-летний успех, основывается на том, что они - бесчеловечны, а "старый строй", которого "мерзавца", они истребляют, помнит "крест на себе" и не решается совлечь с себя образ человеческий»[2].

Вывод страны из состояния анархии требовало от правительства, по мнению П.А. Столыпина, решительных действий в пресечении революционных эксцессов и готовности идти до конца, противопоставив насилию силу: «для лиц, стоявших у власти… нет… греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности»[3]. А «успокоение» создаст необходимые условия для проведения реформ и эволюционного развития

---

[1] Цит. по: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 56.
[2] Розанов В.В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 615.
[3] Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. С. 364.

страны, так как все меры, принимаемые к ограждению спокойствия и законности, «знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ»[1]. Опыт работы в Саратове также убедил П.А. Столыпина, что революционные выступления, сотрясавшие Россию, — не просто результат «подрывной» агитации, как склонны были думать двор и рядовые члены бюрократического аппарата: такие уродливые явления, считал он, имели «глубокие причины»[2].

Таким образом, по мнению П.А. Столыпина, подавление насилия было необходимо, но оно должно сопровождаться одновременно и широкими реформами, которые устранили бы эти причины.

Закон о военно-полевых судах оставался в силе восемь месяцев и прекратил действие в апреле 1907 г. В течение девяти месяцев, пока они действовали, к смертной казни было приговорено 1102 человека[3] — немногим меньше, как можно заметить, чем число жертв террора в 1906 г.

Введение в августе 1906 г. военно-полевых судов и начало проведения реформ способствовали восстановлению порядка и постепенному возвращению доверия к власти. Постановление Совета Министров, поднесенное на утверждение Николая II, как того требовал закон, было единогласное. По воспоминанию В.Н. Коковцова, правительство считало, что «без крутых мер нельзя подавить мятежа и оградить ни в чем неповинных людей от неслыханных преступлений»[4].

Ответные меры Столыпина вызвало резкое негодование со стороны тех, кто проявлял завидную выдержку в отношении политических убийств. Кадеты, не замечавшие революционных терактов, не жалели слов в осуждение «репрессивных» методов, направленных на их пресечение. Более того, II Государственная Дума, в которой большинство составляли кадеты, отказалась осудить террор, причем не только революционный, но и черносотенный. Кадетский радикализм, идеологами которого были

---

[1] Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. С. 41.
[2] Столыпин П.А. Программа реформ: документы и материалы. Т. 1. М., 2002. С. 30.
[3] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М., 2008. С. 222.
[4] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. С. 224.

П.Н. Милюков, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, Б.А. Кистяковский, С.И. Гессен и другие, в расстановке политических сил занимал позицию левого центра, выступая за мирное соглашение либералов с революционерами[1].

Как глава правительства, П.А. Столыпин призывал депутатов Государственной Думы к деловому сотрудничеству и осуждению революционного терроризма: «Мы хотим верить, что от Вас, господа, мы услышим слова умиротворения, что вы прекратите кровавое безумие»[2]. Жертвы террористов исчислялись тысячами, с ними велась жестокая борьба: работали военно-полевые суды. В ответ Дума потребовала отменить военно-полевые суды.

13 марта, выступая по вопросу об отмене закона 19 августа 1906 г. о военно-полевых судах, Столыпин сформулировал свое политическое кредо весьма определенно и достаточно образно: «Государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада... Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна». В порядке самообороны правительство полномочно «приостанавливать все нормы права». Более того, «состояние необходимой обороны» дает не только право на применение любых репрессий, но и право подчинить государство «одной воле, произволу одного человека»[3].

Когда Дума отклонила предложение осудить террор, депутаты правых фракций покинули зал. Без них в резолюции при поддержки прошла формулировка социалистов, осуждавшая действия правительства и не содержавшая ни слова о терроре[4]. Обо всех этих событиях более подробно будет изложено в следующих главах данной работы.

Тот грубый натиск на Николая II, который произвели I и II Дума, вселил даже в императрицу Александру Федоровну убеждение, что это «вообще

---

[1] Русакова О.Ф. Якобинский и либеральный радикализм в России // История и террор: тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Вып. II. Пермь, 1996. С. 14.
[2] Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. С. 76.
[3] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. СПб., 1907. Стб. 514.
[4] Там же. Стб. 526-528.

представляет собою сборище врагов династии как таковой и в особенности ее личных врагов»[1].

Таким образом, для оценок кадетов определяющей являлась дихотомия «свой-чужой». Террористы, несмотря на все их идейные расхождения со сторонниками либеральных ценностей, были все-таки для них «свои». Но в ответ социалисты (например, Н.В. Романов) в 1906 г. резко осуждали не только октябристов за поддержку ими военно-полевых судов: «Союз 17-го октября только и мог поддерживать правительство в его борьбе с революционными классами»[2], но критиковали кадетов за то, что «когда министерство Дурново-Витте рассылало по деревням карательные отряды, Дубасов усмирял Москву… ни один кадет не возвысил голоса в защиту крестьян или рабочих»[3]. Это, конечно, было далеко от реальных действий кадетов.

Марксист А. Богданов указывал, что «либеральная интеллигенция, взятая в отдельности, почти никогда особенной силы не представляет; делать что-нибудь для нее возможно только в союзе с другими партиями: и потому, если для нее выгоднее союз с умеренными, ее программа становится более умеренной, если нужно соединиться с более крайними партиями – программа оказывается более прогрессивной»[4].

Причины спада общественной поддержки терроризма после пика в 1905 г. были разнообразны. Манифест 17 октября дал возможность направить политическую активность интеллигенции в законное русло, а также позволил создать представительные учреждения, партии и профсоюзы. Это подорвало популярность террора настолько, что даже ЦК партии социалистов-революционеров единогласно высказался за приостановку террористической борьбы и официально приостановил деятельность Боевой организации на время работы Государственной Думы. В беседах с руководителями ЦК Азеф не только поддерживал предложение о временной приостановке террора, но порой шел дальше и говорил, что, по его мнению, «роль революционных

---

[1] Гурко В.И. Царь и Царица. Париж, 1927. С. 92.
[2] Романов Н.В. Октябристы и кадеты. СПб., 1906. С. 8.
[3] Там же. С. 14.
[4] Богданов А. Что такое либералы? СПб., 1907. С. 16.

партий закончена, что теперь политическое развитие страны пойдет под руководством либералов»[1].

С другой стороны, в охлаждении общества к терроризму были виноваты и сами террористы. Отношение к ним оставалось сочувственным, пока теракты были нечасты и были нацелены в основном против отдельных высших бюрократов, т.е. пока революционеры не представляли угрозы рядовому обывателю. Но серия громких политических убийств сделала террор слишком популярным, у членов Боевой организации стало появляться все больше подражателей, «террористов нового типа», в массе своей менее разборчивых в выборе средств и жертв. Внутри самой Партии социалистов-революционеров возникли местные боевые дружины, которые, в отличие от центральной Боевой организации, были практически неподконтрольны ЦК и местным комитетам партии. Эти дружины занимались в своей массе экспроприациями и достаточно быстро эволюционировали в обычные разбойничьи шайки. Кроме того, независимо от воли и желания Партии социалистов-революционеров разрасталась гораздо более кровавая деятельность анархистов и эсеров-максималистов, которые не останавливались перед откровенно грабительскими «эксами» и самыми жестокими политическими убийствами и насилиями[2].

В 1906—1909 гг. деятельность «террористов нового типа» приняла характер открытой войны с правительством, которая сопровождалась массовыми убийствами, экспроприацией оружия и денежных средств, нападением на полицейские участки. К концу 1906 — началу 1907 г. экстремисты практически полностью вышли из-под контроля социалистических партий. Например, историк Н.С. Сидоренко приводит данные, что в мае 1907 г. «значительная часть большевистских боевых организаций Урала отказалась выполнять решение V съезда РСДРП о прекращении террора и роспуске боевых дружин»[3]. Но до сих пор в современной историографии достаточно распространенным заблуждением

---

[1] Николаевский Б.И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М., 1991. С. 159-160.

[2] См. подробней: Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917.

[3] Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX века // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. С. 86.

остается отождествление всего российского революционного террора начала XX в. только с эсерами, что не совсем верно.

Уровень насилия в обществе резко вырос, что привело к тому, что рядовые обыватели впервые почувствовали в терроризме угрозу своей жизни и благосостоянию. «Подвиги «террористов» и «экспроприаторов» … много способствовали затемнению того ореола, которым на первых порах окружало себя «освободительное движение» в глазах общества, — писал в обзоре революционных организаций подполковник полиции Е.К. Климович. — Заметно появление критической оценки и осуждение небрезгающих никакими средствами для поддержания своего существования революционеров. Словом, движение обнажилось и потеряло значительную долю своей привлекательности, а вместе с тем и часть моральной и материальной поддержки общества»[1]. С другой стороны аналогично высказывался и его противник - кадет Н.А. Гредескул: «Под влиянием всего пережитого в настоящее время в русском обществе сам собой совершается коренной перелом в отношении к политическому террору это отношение все более и широко становится отрицательным»[2].

События 1905-1907 гг. лишили революцию того романтического ореола, которым ее на рубеже веков наделяли не только революционеры, но и вполне умеренные люди. Как пишет М. Могильнер, «романтизация насилия, террора и радикализма в целом становилась литературным штампом, через который осмысливала себя большая часть общества. Герой литературы Подпольной России был одновременно и идеалом, и оправданием российского радикализма»[3]. Но литературные герои оказались далеки от идеала, а захлестнувший общество террор явно не соответствовал мифологии «высокой жертвы». Постепенно на второй план отошел вопрос: кто пролил больше крови, революционеры-боевики или семеновцы. Суть увиденного заключалась в том, что кровопролитие, беззаконие, полная беззащитность человека перед стихией взаимного уничтожения, что все это вместе и было

---

[1] Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.): сборник документов. С. 246-247.
[2] Гредескул Н.А. Террор и охрана. С. I-II.
[3] Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. С. 60.

революцией. Революция оказалась не единовременным актом смены правительства, она оказалась мучительнейшим процессом.

Наконец, в 1906 г. власть усилила репрессии. По утверждению Р. Пайпса, в 1908-1909 гг. было рассмотрено 16 440 дел по обвинению в политических преступлениях и вооруженных нападениях, вынесено 3682 смертных приговора и 5517 человек приговорены к каторжным работам[1]. Это привело к тому, что любые формы поддержки терроризма становились все опаснее и непривлекательнее для определенной части либеральной интеллигенции. Она, как пишет Р.У. Ибатуллин, «не была готова всерьез рисковать собой»[2].

В связи с такими масштабами ответных «репрессий» власти в июле 1908 г. Л.Н. Толстой пишет свою знаменитую статью-манифест «Не могу молчать!», где говорит о том, что правительственное насилие гораздо хуже насилия уголовного и террористического, так как совершается хладнокровно. По его мнению, с революционным террором можно было покончить, отменив частную собственность на землю[3]. Л.Н. Толстой отмечал, что ответ убийством на убийство приводит к нравственному разложению общества и моральной деградации самой власти.

Разоблачение в 1909 г. Е.Ф. Азефа как агента политической полиции повлекло за собой практически прекращение террора Боевой организации эсеров. На V Совете партии эсеров в мае 1909 г. специально обсуждался вопрос о терроре. Довод о том, что интеллигенция и широкие общественные слои отвернулись от террора, лишили его своей моральной поддержки, вызвал истерическую реакцию защитников тактики террора: пусть с нас сняты «последние лоскутки одежды», пусть нас «теперь все знают без вуали» - «мы скомпрометированы, но террор не скомпрометирован»[4].

Массовый терроризм лишился моральной санкции части либерального общества. Публицисты из либерального лагеря призывали интеллигенцию

---

[1] Пайпс Р. Русская революция В 3 т. Т.1. С. 191.
[2] Ибатуллин Р.У. Интеллигенция и терроризм в России в начале XX века // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. С. 62.
[3] Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 37. М., 1956. С. 83-96.
[4] Цит. по: Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. С. 118.

извлечь урок из дела Азефа, признать, что и в реакции, и в революции заложены корни провокации[1]. В связи с разоблачением Азефа циркуляром Департамента полиции от 5 февраля 1909 г. было указано, каждый сотрудник, внедренный в подпольную организацию должен не допускать проявления «инициативы в революционных предприятиях и вовлечения в таковые своих единомышленников…»[2]. Деградацию террора отмечал и П.А. Столыпин: «Для всех теперь стало очевидно, что разрушительное движение, созданное крайне левыми партиями, превратилось в открытой разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение»[3].

Резонансным терактом стало убийство П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. Кадетская газета «Речь» сама заговорила, что важны и многозначительны не преступления вроде киевского, а тот «туман над обществом», в котором преступления зарождаются[4]. Как писал религиозный философ начала XX в. В.В. Розанов, «конечно, везде раздаются слова «негодования» против зверского злодеяния. Но одно дело сказать: «Мы негодуем» - и другое дело сказать: «Мы презираем»… Последнее слово раздается редко»[5].

Многие либералы с осуждением отнеслись к убийству П.А. Столыпина, в отличие от многих представителей окружения императора. На следующий день после смерти П.А. Столыпина либеральный бюрократ, бывший министр просвещения И.И. Толстой записал в дневнике: «Мое отношение к политической деятельности покойного — абсолютно отрицательное, но самый факт убийства глубоко мне антипатичен... Думаю, что он по-своему любил Россию, хотя, на мой взгляд, его любовь была того свойства, о которой принято говорить: Избави меня от друзей, а от врагов я сам избавлюсь... Вообще видеть в Столыпине талантливого государственного деятеля я решительно отказываюсь: для меня он всегда был и всегда

---

[1] Трубецкой Е.Н. Разложение и оздоровление // Московский еженедельник. 1909. №4. С.7.
[2] ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 260. Д. 26. Л. 12.
[3] Столыпин П.А. Нам нужна Великая России…: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. С. 98.
[4] Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (статьи и очерки 1911 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2005. С. 226.
[5] Там же. С. 225.

останется временщиком, т. е. карьеристом, со всеми недостатками такового… Надо сказать, что после пятилетнего управления Россией он довел ее почти до того же положения, в каком она была 6 лет тому назад... Столыпина жаль как человека, погибшего трудной смертью, как жаль и его жертв, погибших благодаря ему, но не жаль как государственного деятеля»[1].

Об аналогичном отношении вспоминал и В.Н. Коковцов, которому 5 октября 1911 г. уже сама императрица говорила по-французски: «слушая Вас, я вижу, что Вы все делаете сравнения между собою и Столыпиным. Мне кажется, что Вы очень чтите его память и придаете слишком много значения его деятельности и его личности. Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало... Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить Вам место, и что это — для блага России»[2].

В Департаменте полиции в октябре 1911 г. было убеждение, что «целый ряд разоблачений секретной агентуры, дело Лопухина, преступная работа Меньщикова, Бакая, Гагмана, дело Петрова причинили непоправимый вред». Они, лишив Департамент полиции ценной агентуры, возбудили в действующих сотрудниках «недоверие к розыскным органам» и «обусловили на продолжительное время неуверенность в тех лицах, которые хотели бы оказывать услуги правительству» [3].

Таким образом, совокупность таких трех факторов, как либеральные реформы правительства, его же репрессии и разгул революционного насилия, заставило либеральную интеллигенцию пересмотреть свое отношение к революции и терроризму. Разоблачение провокации Е.Ф. Азефа и убийство П.А. Столыпина дополнительно скомпрометировало террористическую борьбу в глазах обывателя и интеллигенции. К 1911 г. организованный революционный терроризм в России сошел практически на нет, но все же еще не окончательно.

С нашей точки зрения, недостаточно оценено исследователями влияние Первой мировой войны на трансформацию отношения общества к революционному терроризму. Как правило, в большей степени внимание

---

[1] Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 373-374.
[2] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 2. Париж, 1933. С. 7.
[3] Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880-1917 / Сост. Е.И. Щербакова. М., СПб., 2006. С. 231.

акцентируется на резонансе «дела Азефа», хотя даже после разоблачения Азефа теракты с определенной периодичностью продолжали осуществляться, но в гораздо меньших масштабах. Если не считать убийства П.А. Столыпина, то в 1911 г. были совершены, как минимум, еще два теракта партии эсеров – в Вологде, где покушались на жизнь тюремного инспектора А.В. Ефимова и начальника Горно-Зерентуйской каторжной тюрьмы И.И. Высоцкого[1]. В январе 1912 г. эсеры устроили неудачное покушение на начальника астраханской губернской тюрьмы подполковника Эбена за «строгое обращение с арестованными»[2]. Таким образом, терроризм полностью не исчез даже после убийства П.А. Столыпина, но возникал лишь спорадически.

После же начала Первой мировой войны революционный терроризм сходит с политической авансцены окончательно и бесповоротно. Объяснение кроется в нескольких причинах. Во-первых, терроризм прекращается, поскольку в условиях патриотического подъема он лишается малейшей общественной поддержки. Во-вторых, общественность была просто шокирована убийством Франца Фердинанда в Сараево, которое привело к катастрофическим последствиям. В-третьих, Первая мировая война предоставила огромные возможности вести революционную пропаганду в армии. Это привело к тому, что предпочтение отдается планам вооруженного восстания или переворота, а не индивидуальному политическому террору.

Таким образом, можно отметить, что терроризм в России в начале XX в. прошел в своем развитии четыре основных этапа. Первый этап приходится на 1901-1904 гг. На этом начальном этапе был совершен ряд убийств правительственный чиновников, началась террористическая деятельность в провинции и национальных окраинах. Появилось идеологическое обоснование террористической тактики, разработанное эсерами. Либеральная общественность сочувствовала и демонстрировала поддержку терактам против высших должностных лиц.

Второй этап приходится на период первой российской революции – 1905-1907 гг. Террористическая борьба достигла своего пика. В то же время

---

[1] Попов И.В. Борьба с терроризмом в Российской империи (на примере Московского охранного отделения). 1905-1914 гг. Краснодар, 2004. С. 123.
[2] ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 242. 1912 г. Д. 346. Л. 25.

терроризм перестал быть исключительно политическим явлением: значительное число убийств и экспроприаций совершали, по выражению А. Гейфман, «террористы нового типа», не имевшие четких идейных установок. Именно на этом этапе число жертв террора было максимальным[1], а либеральные партии разделяются по вопросу отношения к нему.

Третий этап охватывает период с 1908 по 1911 гг., когда терроризм стал уступать свои позиции, крупные партии начали от него отходить. Он дискредитировал себя беспорядочным насилием, бесчеловечностью ряда покушений, связями с криминалом и скандальными провокациями. Однако о резком спаде сразу после 1907 г. говорить нельзя: с 1908 по 1910 гг. террористы убили огромное количество людей[2], что приводит к отказу практически всех либералов поддерживать революционный терроризм.

Четвертый этап можно выделить с 1912 по 1917 гг. После гибели П.А. Столыпина терроризм как явление практически исчез, хотя отдельные теракты прослеживаются до 1917 г.[3] Но все же он продолжал существовать как идея: некоторые партии разрабатывали планы покушений, сторонники политических убийств предлагали возобновить их, когда наступит удобный момент. Однако, такой момент так и не наступил. Возобновление террора стало невозможным из-за смены общественного настроения и усилением правительственных репрессий, а затем ситуацию резко изменила начавшаяся Первая мировая война. С наступлением революционных насилий 1917 г. выделить террор как отдельное явление стало невозможным, к тому же он приобрел совершенно иной характер.

В качестве промежуточных итогов, можно отметить следующие выводы:

Во-первых, российский терроризм имел объективные причины и предпосылки, а революционеры начала XX в. опирались на народническую традицию политических убийств второй половины XIX в.

Во-вторых, в начале XX в. терроризм был достаточно масштабным явлением, использовался множеством партий и групп и неизбежно

---

[1] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. С. 31.
[2] Там же. С. 32.
[3] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 357.

затрагивал самые разные слои общества, в том числе и либеральные, вынуждая их определять свое к нему отношение.

В-третьих, с 1901 по 1917 г. российский терроризм и его восприятие обществом прошли значительное развитие и смогли серьезно модифицироваться. В их эволюции можно выделить четыре этапа, которые были кратко охарактеризованы выше в работе.

Все это свидетельствует, что террористы-революционеры активно взаимодействовали с широкими слоями русского общества: террор возник из определенных общественных настроений, а затем оказывал на них заметное влияние. Далее в работе будет рассмотрено подобное влияние на различные течения либерализма начала XX в.

Глава II. Либеральное общество и терроризм в 1890-е – 1905 гг.

§ 1. Политический террор и либералы накануне Первой российской революции

В начале XX в. индивидуальный политический терроризм в России стал массовым явлением. Его жертвами, по утверждению А. Гейфман, «с 1901 по 1911 гг. стали около 17 тысяч человек, причем пик террора пришелся на 1905-1907 гг., когда было убито и ранено более 9 тысяч человек, в большинстве своем – сотрудники государственного аппарата»[1].

На рубеже XIX-XX вв. начался качественно новый этап в развитии российского либерализма. В нем появляется и начинает набирать силу новое течение, носителем которого становится интеллигенция. Модифицировалась и тактика нового течения в либерализме. Если земские (дворянские) либералы категорически выступали против нелегальной деятельности, ограничивались петициями и адресами на «высочайше имя», то интеллигенты приступили к изданию нелегальных журналов, газет, листовок, прокламаций, использовали методы захватного права. Более того, они оказывали «материальную и техническую помощь леворадикальным партиям и организациям»[2].

Власть воспринималась интеллигенцией, в том числе и либерально настроенной, как «воплощение абсолютного зла», поэтому, как отмечает М.И. Леонов, «убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей было обусловлено убежденностью в бесчеловечности существующего строя»[3]. Постепенно общество привыкало к постоянным террористическим актам и политическим убийствам. Террор, по меткому выражению О.В. Будницкого, «своеобразно и идейно «воспитывал» русское общество»[4].

---

[1] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М., 1997. С. 31-33.
[2] Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 140.
[3] Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара, 2007. №5 / 3 (55). С. 178.
[4] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика,

Большинство российских либералов, хотя никогда и не участвовало лично в террористической борьбе, но живо интересовалось ею, задумывалось о ее целесообразности, видело ее внутреннюю логику и стремилось использовать революционное насилие в своих политических целях. При этом постоянно сохранялось противоречие между идеологией терроризма и курсом на либеральные реформы, и либералам приходилось как-то решать для себя эту постоянную дилемму.

Либералы высказывали свое мнение по отношению к террору еще в годы царствования Александра II в связи с терактами, совершаемыми «Народной волей». Причины террористической деятельности либералы видели в незавершенности реформ Александра II. Неудивительно, что постепенно среди части либералов складывается сочувственное отношение к терроризму как способу добиться от правительства изменений в его политике. Об этом еще задолго до революции заявляли будущие лидеры конституционно-демократической партии П.Н. Милюков, Д.И. Шаховский, П.Д. Долгоруков и др. П.Н. Милюков, по утверждению О.В. Будницкого, еще до выстрела П.В. Карповича «считал неизбежным возобновление террора в России, а после начала политических убийств эсерами видел в них способ достижения конституции»[1].

В январе 1900 г. скончался известный теоретик русского революционного народничества П.Л. Лавров. В Петербургском Горном институте было организовано тайное собрание, посвященное его памяти. К П.Н. Милюкову обратились с просьбой председательствовать на этом собрании и выступить с поминальным словом[2]. В своей речи он выделил два течения в революционном народничестве: лавристов (настаивавших на необходимости подготовки в России крестьянской революции путем развития научной мысли в интеллигенции и пропаганды социалистических идей народе) и бакунистов (проповедовавших идею немедленного бунта и революционного переворота). Закономерным было, по его убеждению,

---

психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 354.

[1] Будницкий О.В. Кровь по совести. Терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1994. №6. С. 207.

[2] Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993. С. 198.

превращение идиллического «хождения в народ» под ударами правительства в конспиративное движение, поставившее своей задачей террор против носителей высшей политической власти[1]. Свой анализ Милюков заключил категорическим выводом: всякая динамика революционного движения, не приводящего к цели, кончается террором. «Мои слушатели, - писал он в мемуарах, - немедленно поставили вопрос, в какой же стадии мы находимся теперь, и из моего исторического изложения сделали практический вывод»[2].

Милюков вспоминал, что «на аудиторию все это произвело то впечатление, которое потом не раз подчеркивал мне Борис Савинков, бывший тогда студентом и находившийся среди присутствующих. «Я собственно ваш ученик», - говорил он мне полушутя, полусерьезно, - и напомнил мне мой анализ, превратившийся в пророчество»[3].

Основной задачей освободительного движения было свержение абсолютной монархии в России. Те, кто объединился под знаменем этого движения, в отличие от земских кругов, совсем не желали преодоления разрыва между представителями правительства и общества. Они совершенно не стремились восстановить обоюдное доверие, согласие и сотрудничество между государственной властью и общественностью.

Внутри либерального движения в начале XX в. шла постоянная борьба за лидерство, за влияние на общественное мнение, за расширение социальной базы, которая была достаточно узкой и специфичной. Исследователь И.А. Акашкин в либеральном движении выделил три направления: правое (консервативное), которое возглавил земский деятель Д.И. Шипов; центр, ассоциировавшийся с «Союзом земцев-конституционалистов»; левое, представленное «Союзом освобождения»[4].

Конфликт между умеренным земством и самодержавием назрел со вступлением на трон в 1894 г. Николая II. При вступлении на престол новый император получил многочисленные обращения от земств, большинство из

---

[1] Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. С. 198.
[2] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 139.
[3] Там же.
[4] Акашкин И.А. Политико-правовая доктрина российского либерализма (вторая половина XIX - начало XX веков): монография. М., 2009. С. 116.

них с выражением почтения и лояльности. Но некоторые убеждали его привлечь земства для консультаций с правительственными органами. 17 января 1895 г. он ответил на подобные просьбы следующим образом: «…мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель»[1].

Своими необдуманными словами Николай II «объявил войну» умеренным элементам российского общества. Это была серьезная ошибка, допущенная властью в конце XIX в., поскольку, отказывая умеренным, она толкал их в объятия радикалов. Неизбежный результат этого очевиден не только по прошествии времени, он был предсказан П.Б. Струве в открытом анонимном письме царю, написанном сразу же после речи царя, вошедшей в историю как речь о «бессмысленных мечтаниях»: «Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя со всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного положения об усиленной охране, — дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалеком будущем падет под напором живых общественных сил»[2].

Земское движение с этого момента раскололось: большинство пришло к выводу, что, кроме конституции, ничто не спасет Россию или от полной деградации, или от гибельного общественного переворота, в то время как меньшинство осталось верным старой либерально-консервативной позиции. Полулегальные общероссийские земские собрания и встречи либерального кружка «Беседа» с этого времени стали все более частыми.

В 1902 г. в Германии начал выходить журнал «Освобождение» под редакцией П.Б. Струве. Два года спустя его сторонники сформировали в

---

[1] Бурцев В. За сто лет: 1800-1896. Сборник по истории политических и общественных движений в России. Т.1. Лондон, 1897. С. 264.
[2] Там же. С. 266.

Швейцарии коалицию конституционалистов под названием «Союз освобождения». Его российские отделения поведут политическую борьбу, которая достигнет высшей точки в революции 1905 года[1].

Этим было оформлено освободительное движение, которое определило свое направление и получило свое организационное оформление. Вступая в борьбу с правительством, оно роднилось со всеми, кто с ним тоже «воевал», хотя и несколько другими приемами. Граница между эволюцией и революцией все больше размывалась.

«Освобождение» стало мощным выразителем антисамодержавных сил. Как писал Струве в редакционной статье первого номера, его журнал посвящен «великому делу борьбы за всестороннее освобождение нашей родины от полицейского гнета, за свободу русской личности и русского общества»[2]. Он убеждал земцев на время попридержать свои конституционные устремления, чтобы сосредоточиться на создании общероссийского «освободительного движения».

Струве был убежден, что самодержавный режим доживает отпущенное ему время, что на самом деле Россия представляет уже не подлинное самодержавие, а полицейское государство, управляющееся «всесторонним наблюдением, негласно осуществляемым на основании тайных инструкций и циркуляров»[3]. Как только полиция перестанет выполнять свои функции, фиктивное «самодержавие» погибнет. Единственный путь избежать гибели — это ре формы: «Мы нисколько не сомневаемся в том, что если правительство не станет на путь коренных политических и экономических реформ, то в России рано или поздно произойдет революция», — писал он в 1902 году[4].

В то время Струве все еще благожелательно относился к левым радикалам — вплоть до того, что одобрял террор социалистов-революционеров в ответ, как он говорил, на «правительственный террор»[5], — об этом впоследствии он будет сильно сожалеть. Но в 1902 г. убийство

---

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М., 2008. С. 213.
[2] Освобождение. 1902. №1. С. 5.
[3] Освобождение. 1903. №20-21. С. 357.
[4] Освобождение. 1902. №7. С. 102.
[5] Освобождение. 1902. №1. С. 14.

министра внутренних дел Д.С. Сипягина воспринималось как «заслуженная кара», а С.В. Балмашев заявлял, что «так поступают с врагами народа»[1].

Экономист С.Ф. Шарапов в письме в либеральное «Освобождение» писал о равнодушном отношении публики к политическим убийствам и предостерегал: «с каждой новой победой революции будет расти общественная деморализация и укрепляться в сознании масс понятие о совершенной беспомощности правительства»[2].

Осенью 1902 г. на страницах «Освобождения» развернулась полемика между двумя авторами Я.Я. Гуревичем и В.И. Вагиным (соответственно под псевдонимами «Земский гласный Т» и «Гласный»)[3], отражавшая две тенденции в земском либеральном движении. Одна призывала обратиться к новым методам борьбы против самодержавия, не ограничивать себя рамками легальности и «не бояться грозного облика революционера». Другая настаивала на прежней умеренной тактике, предлагая выжидать, пока император не осознает необходимости поставить земцев во главу государственного управления, а в случае если в стране все же произойдет революция, быть готовыми принять власть на себя[4].

Даже такие осторожные либералы, как граф П.А. Гейден, высказываются резко против самодержавия. В мае 1902 г. на одном из заседаний кружка «Беседа» он говорил: «Самодержавие также несовместимо со свободой, как солнце с ночью… Самодержавие есть путь к революции»[5].

Российские либералы, в отличие от всех прочих радикальных оппозиционеров, никогда напрямую не принимали участия в террористической деятельности. Тем не менее, даже «демократическое» направление либеральной общественности склонялось на сторону революционеров. Поддерживая боевиков, либералы руководствовались не только ненавистью к правительству, но и стремлением извлечь из террора

---

[1] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 50. Л. 33об.
[2] Освобождение. 1902. 8 октября. С. 94-95.
[3] Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1. М., 1956. С. 294, 393.
[4] Освобождение. 1902. №12.
[5] Цит. по: Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. М., 1985. С. 117.

политическую выгоду: заставить правительство встать на путь реформ. По выражению В.И. Ленина, либералам нужны были радикалы, которые бы «таскали для них каштаны из огня»[1].

Критикуя «Освобождение» и Струве за недостаточную решительность в борьбе, эсер Е.О. Зеленский утверждал, что правительство «считается только с силой», которая «выражается в борьбе». С другой стороны, выражалась благодарность за поддержку, которую оказывает «Освобождение» социалистам, публикуя статьи Струве о том, что на революционную борьбу необходимо смотреть как на «здоровый протест»[2]. Более того, конференция либералов в Шафгаузене в августе 1903 г. одобрила тактику Струве, «направленную на достижение альянса с радикалами»[3].

Д.И. Шаховский в статье «Политика либеральной партии», опубликованной в марте 1904 г. в «Освобождении» писал: «Самодержавной власти для того, чтобы вступить на путь действительных реформ не остается другого исхода, как отвергнуть самое себя. Полагать, что эти реформы, без которых нет спасения русскому народу, могут быть выполнены на почве самодержавия и в союзе с ним, значит обрекать их не только на частичную, но и на полную и безусловную неудачу»[4]. Земская группа конституционалистов в феврале 1904 г. придерживалась аналогичных взглядов, поскольку «эта власть остается верной себе: обличенная полицейской силой, она производит повальные аресты, административные высылки, она обостряет и раздражает общественное мнение … она грозит довести ею же созданную трагедию до кровавой развязки»[5].

В №52 «Освобождения» за 1904 г. Милюков опубликовал статью под названием «Очередные задачи русских конституционалистов». Он решительным образом протестовал против статьи «Освобождения», призывавшей к свертыванию оппозиционной борьбы и переходу в

---

[1] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 267.
[2] Л.Н. (Зеленский Е.О.) О либерализме вообще и дебютах г. Струве в частности. Женева, 1903. С. 23-24.
[3] Пайпс Р. Струве: левый либерал, 1870-1905. Т. 1. М., 2001. С. 469.
[4] Шаховский Д.И. Политика либеральной партии // Либеральное движение в России. М., 2001. С. 69-70.
[5] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 50. Л. 126.

«пассивное положение» для создания «государственного общественного мнения»[1]. Милюков полагал, что подобные настроения не соответствуют важности исторического момента и что «преступно тащиться в хвосте событий». В реальной политической жизни он считал невозможным отгораживаться от других оппозиционных и даже революционных течений. «Мы не думаем, - писал он, - призывать русских конституционалистов к «террору» и вместе с автором надеемся, что … организованное мнение интеллигенции останется чуждо «классовой борьбе», но мы не можем не признать, что лишь активная борьба, какова бы она ни была по своим формам, расчищает дорогу той группе, которая готовится эксплуатировать победу от имени «государственного» общественного мнения»[2].

П.Н. Милюков в условиях русско-японской войны призывал читателей журнала «Освобождение» остаться «верным старой «народной поговорке» - Долой самодержавие!». Происходило нарастание, по мере неудачного хода военных действий, пораженческих настроений в либеральной среде, доходивших порой до позиции «чем хуже, тем лучше». При этом имелось в виду, что ослабевшее самодержавие дарует демократические реформы и поделится властью с либералами[3].

«Союз освобождения», объединявший многих будущих кадетов, изначально разделял задачу террористов – «уничтожить разбойничью шайку, которая узурпировала государственную власть»[4]. Неудивительно, что первые политические убийства, совершенные Боевой организацией эсеров, освобожденцы встретили с энтузиазмом.

Все же публично либералы высказывались осторожно, но даже в передовице «Освобождения» после убийства В.К. Плеве сквозила сдержанная радость, а прозвучавший взрыв называли благотворным для России[5]. За некоторое время до убийства В.К. Плеве другой известный либерал и член «Союза освобождения», князь Д.И. Шаховской, который

---

[1] Освобождение. 1904. №50.
[2] Освобождение. 1904. №52. С. 36-39.
[3] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. С. 212-222.
[4] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. С. 289.
[5] Освобождение. 1904. №59. С. 2.

вскоре вошел в кадетский ЦК и стал, кроме того, секретарем I Думы, все повторял в одном дружеском разговоре: «Плеве надо убить... Плеве пора убить»[1]. Поэтому известие об убийстве Плеве «вызвало в доме редактора «Освобождения» П.Б. Струве такое радостное ликование, точно это было известие о победе над врагом»[2].

К моменту гибели Плеве стал уже предметом всеобщей ненависти. Консервативный либерал Д.Н. Шипов вспоминал, что ему новость о гибели Плеве пришла по почте: «письмо врача, сообщившего эту весть, дышало как бы радостью, и он, по-видимому, спешил приветствовать меня, предполагая очевидно, что и я разделяю его отношение к событию»[3]. Но большинство либералов клеймило позором за это убийство не террористов, а правительство. П.Б. Струве, издававший в то время в Германии главный орган либеральной печати журнал «Освобождение», в заметке, посвященной смерти Плеве, много внимания уделил общественным настроениям: «Трупы Боголепова, Сипягина, Богдановича, Бобрикова, Андреева и ф.-Плеве не мелодраматические капризы и не романтические случайности русской истории; этими трупами обозначается логическое развитие отжившего самодержавия. Русское самодержавие в лице двух последних императоров и их министров упорно отрезывало и отрезывает стране все пути к легальному и постепенному политическому развитию... Страшно для правительства не физическое устранение Сипягиных и ф.-Плеве, а та создаваемая этими носителями власти общественная атмосфера негодования и возмущения, которая рождает из рядов русского общества одного мстителя за другим... Он [Плеве] думал, что самодержавие, которое ввело полицию во все и вся: законодательство, управление, науку, церковь, школу и семью превращает в полицию, сможет предписывать великому народу законы его исторического развития. А полиция ф.-Плеве не сумела даже предотвратить бомбы. Какой он был жалкий безумец!»[4].

После известия об убийстве В.К. Плеве ликовало Одесское либеральное общество. К.М. Панкеев, один из богатейших людей Херсонщины, издатель

---

[1] Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 1998. С. 166.
[2] Там же. С. 176.
[3] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 238.
[4] Освобождение. 1904. №52. С. 33.

«Южных записок», обратился к видному эсеру Н. Осиповичу со словами: «На днях Вы просили у меня денег на всякие там дела. Я сказал - подумаю. Ну, а теперь вот скажу: могу дать до тридцати тысяч, но исключительно на центральный террор»,- и вскоре вручил деньги уполномоченному ЦК Н.С. Тютчеву[1].

«Не горсть смельчаков, идущих на верную смерть, физическими своими ударами разит самодержавие в лице его сановников, - писал сразу после гибели Плеве П.Б. Струве. – Самодержавие разит та политическая атмосфера, которая неизбежно рождает этих убийц, и тот морально-политический резонанс, который их акты находят в стране. Чувство радости и удовлетворения, охватывающее русское общество при известии об убийствах вершащих его судьбы сановников, конечно, указывает на глубокую ненормальность во всем положении общества и народа»[2]. Струве выражал тревогу, что террористическая система опирается на ненависть масс к властям. Хотя при всех этих опасениях сам с радостью встретил убийство министра внутренних дел. Впрочем, аналогичную радость испытывал и Милюков, по мнению которого такая радость была «закономерна при существующих условиях жизни в русском обществе»[3].

Многие либералы признавали политическую целесообразность убийств. П.Д. Долгоруков, будущий член ЦК кадетов уверял, что «потепление» во внутренней политике при Святополк-Мирском обеспечено убийством Плеве[4]. Можно отметить близость восприятия либералами и социалистами террористов как героев. Неслучайно, что эсеры говорили о Егоре Сазонове, как о «казнившим зверя в образе человеческом Плеве»[5]. Также и С.П. Миклашевский из «Союза освобождения» открыто называл его примером для подражания, а П.Н. Милюков говорил, что Иван Каляев принес жертву на благо русского народа[6].

---

[1] Цит. по: Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник СамГУ. 2007. №5/3 (55). С. 181.
[2] Освобождение. 1904. №52. С. 33-36.
[3] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 236-237.
[4] Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии общества. Диссертация … кандидата исторических наук. М., 2011. С. 100-101.
[5] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 50. Л. 49.
[6] См.: Багдасарян В.Э., Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму

Не имея возможности бороться с самодержавием напрямую, многие либералы оказывали посильную помощь террористам: предоставляли им свои дома в качестве убежищ[1], участвовали в сборе средств для финансирования Боевой организации эсеров[2] и т.д. Например, брат Д.И. Шаховского, Сергей Иванович, устроил у себя склад револьверов для повстанцев и прятал их в огромной пустой голове алебастрового Аполлона, украшавшего московскую квартиру князя[3]. «Московские ведомости» выдвигали версию, что без финансирования либералами деятельность боевой революционной организации была бы невозможной. Издание предлагало искать сторонников терроризма в либеральных слоях общества, которые желают реформ и руками террористов добиваются для себя уступок[4].

Даже те из либералов, кто ставил под сомнение политическую выгоду терактов, признавали вынужденный характер российского терроризма. «Можно отрицать целесообразность политических убийств, крайне редко приносящих действительную пользу», но нельзя отрицать, что террор – дело вынужденное, писал либеральный публицист К.К. Арсеньев. «Виселице отвечает револьвер или бомба», - указывал он[5].

П.Д. Долгоруков предупреждал, что надо осторожнее освещать на страницах журнала вопрос о терроре, чтобы никто не подумал, что он входит в программу созданного «Союза освобождения», но вместе с тем и осуждать его не стоит. Правительству «надо угрожать и указывать на неизбежный рост террора, но не радоваться этому, а лишь оправдывать иногда и его или скорее понимать его»[6]. Также его настораживала возможность отпугнуть от организации потенциальных союзников справа.

Позже Струве и другие либералы поменяют свое отношение к терроризму, поскольку стало очевидно, что для радикалов террор был способом жизни и направлен он был не столько против власти, сколько

исторической и общественно-политической мысли. М., 2004.

[1] Вагнер-Дзвонкевич. Покушение на начальника киевской охранки полковника Спиридовича // Каторга и ссылка. 1924. №12. С. 137.

[2] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. С. 291.

[3] Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской. Путь русского либерала. М., 2008. С. 191.

[4] Московские ведомости. 1904. 22 июля. С. 2.

[5] Цит. по: Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С. 35.

[6] Цит. по: Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. С. 163.

против легального политического развития. Но в той напряженной обстановке, когда политика стала делом любого обывателя, террористы вызывали широкое восхищение, как борцы за свободу. Наверное, неслучайно писатель Л.Н. Андреев призывал к вечной памяти к «погибшим борцам за свободу», которые «своей неустанной работой, своими смертями и кровью, подточили трон Романовых»[1].

Убийц-террористов осуждали лишь немногие либералы, а также консерваторы и консервативная пресса. Морально противоестественное «чувство радостного удовлетворения» либерально настроенной интеллигенции, достигнув апогея в связи с убийством В.К. Плеве, постепенно пошло на спад. Но либералы все же продолжали славословить «героев» - террористов.

Струве писал в «Освобождении», что «если в глазах власти «оппозиция» отождествлялась с «крамолой», то и «крамола» в России есть только «оппозиция». Либерализм должен признать свою солидарность «с революционными направлениями»[2]. Соответственно с таким пониманием «Союз освобождения» в сентябре 1904 г. предпринял весьма радикальную акцию, послав своих делегатов на состоявшуюся в Париже «конференцию представителей оппозиционных и революционных организаций Российского государства» для согласования действий всех групп, борющихся против самодержавия[3]. В гостинице «Орлеан» впервые сели за стол переговоров представители революционных и либеральных организаций.

Сыграло роль и «горячее сочувствие, с которым убийство Плеве было встречено умеренно-либеральными кругами»[4], - оно заставило закрыть глаза на прежде непреодолимую преграду к сближению с революционно-террористическими партиями. Историк Б.И. Николаевский рассматривал этот шаг освобожденцев как «логический вывод из переоценки роли политического террора»[5].

---

[1] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 50. Л. 218.
[2] Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 309.
[3] Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. С. 223.
[4] Николаевский Б.И. История одного предателя. Нью-Йорк, 1980. С. 108.
[5] Там же. С. 114.

Роль Милюкова на этом совещании была значительной: он направлял его ход в качестве помощника председателя и являлся одним из составителей итоговой резолюции. Соглашение, достигнутое в ходе совещания, формировало общую цель – борьба с самодержавием и обязательная замена его демократическим режимом[1]. Конференция признавала разнообразие способов действия соответственно разным идеологическим программам в борьбе за политическую свободу. Милюков защищал идею «мирного соглашения» либералов и революционеров и только при этом условии считал возможным успешное развитие общественных преобразований. Изменившееся обстановка привела его к иному выводу: он «почти утерял надежду на мирный путь необходимого преобразования России и сознавал неизбежность вмешательства революционных сил для этой цели», надеясь при этом на их сотрудничество с конституционными группами[2].

Как отмечает А.И. Спиридович, было решено «добиваться уничтожения самодержавия, при чем "формы, методы, средства, тактика оставались своеобразными для каждой партии"… Не взяв бомбы в руки, наши либералы признали ее у своих союзников допустимым средством борьбы против правительства»[3]. Но, по мнению советского историка К.Ф. Шацилло, достигнутые в Париже соглашения не имели никакого практического результата, а сама конференция явилась лишь свидетельством желания левого крыла российского либерализма действовать на определенном этапе в координации с революционными партиями. Однако это желание «так и осталось благим намерением»[4].

По мнению историка М.А. Носкова, представители либеральных кругов «не видели будущего за самодержавным строем и так или иначе стремились к его уничтожению». Он также обращает внимание, что либералы «отчасти усвоили риторику революционных партий и воспринимали террористов как своих косвенных союзников, хотя этот союз никогда не был оформлен

---

[1] Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. С. 30.
[2] Там же. С. 31.
[3] Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 162-163.
[4] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. С. 258.

официально»[1]. Автор идет вслед за А. Гейфман, и не разделяет среди либерального общества разные направления восприятия террора.

Таким образом, можно заключить, что союз либералов и социалистов был достигнут в ходе конференции в Париже «представителей оппозиционных и революционных организаций Российского государства» в сентябре 1904 г. И как утверждает А.И. Спиридович, с этого момента «Союз Освобождения» руководит «всем общественным движением в России, направляет действия земцев и всей оппозиционной интеллигенции и толкает их определенно на революцию»[2].

В начале октября 1904 г. земские лидеры, по утверждению историка К.А. Соловьева, не чувствовали себя слишком уверенно: «прежде всего, они пока не верили в возможность широкой поддержки радикальных политических требований в земской среде»[3]. Но все же земцы относились к представителям интеллигенции «с преувеличенным почтением и жадно впитывали ее взгляды и настроения»[4].

По утверждению Д.И. Шаховского, земская среда была слишком консервативна, чтобы сыграть какую-либо роль, «на нее надо сильно давить извне, раскачивать ее». От общих рассуждений о необходимости изменения политического строя России новому рупору либералов надо перейти к его резкой критике. «Одна из первых задач такого органа как «Освобождение», - отмечал Шаховский, - дискредитировать правительство. И это не какая-нибудь второстепенная задача, нет, это дело огромной важности, первостепенного политического значения»[5]. «Всякие уступки и колебания губительны для существующего режима: он держится и может еще некоторое время держаться только насилием, внушающим страх», - писал другой либерал П.Д. Долгоруков в октябре 1904 г. в своей статье «Исторический урок» на страницах «Освобождения».[6]

---

[1] Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии общества. Диссертация … кандидата исторических наук. С. 55.
[2] Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 163.
[3] Соловьев К.А. Кружок Беседа. В поисках новой политической реальности. 1899-1905. М., 2009. С. 195.
[4] Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской. Путь русского либерала. С. 165.
[5] Цит. по: Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской. Путь русского либерала. С. 172.
[6] Освобождение. 1904. №57. С. 118.

Земский съезд 6-9 ноября 1904 г. не предлагал, а именно требовал у власти принятия конституции, создания законодательного органа власти, отмены положения об усиленной охране, прекращения административных репрессий и проведения амнистии «по отношению к лицам, подвергшимся преследованиям и наказаниям по политическим делам»[1]. Более того, большинство участников земского съезда отказались принимать предложение А.И. Гучкова о том, что вместе с предложением отменить смертную казнь необходимо «осудить всякие насилия и убийства как средство политической борьбы». Председательствующий на съезде Муромцев заявил отвод этому предложению, поскольку оно «выходит за пределы компетенции съезда» [2].

Таким образом, с ноября 1904 г. происходила политическая «поляризация» общества. Земские и дворянские собрания раскалываются надвое – одни поддерживают решения ноябрьского съезда, другие нет.

Примерно в это же время (с 20 ноября 1904 г.) после ноябрьского земского съезда по инициативе «Союза освобождения» в стране развернулась широкая «банкетная» кампания. Всего до начала революции, по сведениям департамента полиции, в 34 городах России произошло более 120 собраний. По подсчетам К.Ф. Шацилло, в них приняли участие около 50 тыс. человек[3]. Так, жандармы признавали, что резолюции и речи, произнесенные на банкетах, «с очевидностью выяснили, что значительная часть представителей общественного движения преследует, по существу, те же цели, которые входят в качестве политических требований в программы революционных партий. Общественное движение пошло рука об руку и открыто с движением революционным, поддерживая и подкрепляя одно другое»[4].

Большинство земских деятелей постепенно присоединилось к сторонникам «политического радикализма», т.е. к «Союзу Освобождения». Консервативные либералы, которые, как, например, Д.Н. Шипов, не хотели

---

[1] Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М., 2007. С. 106.
[2] Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 263.
[3] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. С. 294.
[4] Там же. С. 299-300.

отказываться от надежды, что «государственная власть добровольно откажется от пагубной политики недоверия и преследования свободного проявления личной и общественной жизни»[1], стали также меньшинством и среди представителей земской общественности. Стоит отметить, что Шипов был бесспорным лидером консервативного крыла земского движения, его уважали даже те, кто с ним не соглашался. Раскол в либеральном движении привел к тому, что позже большая его часть присоединилась к кадетам, а меньшая — к «Союзу 17 октября»[2].

Тема «безоговорочной капитуляции» правительства достаточно подробно обсуждалась на страницах либеральной прессы на протяжении всего периода, когда Святополк-Мирский был министром внутренних дел. По словам князя П.Д. Долгорукого, будущего члена кадетского Центрального комитета и депутата I Государственной Думы, «политическая весна» П.Д. Святополк-Мирского была обязана своим существованием бомбе, которая в июле 1904 г. убила министра внутренних дел В.К. Плеве[3]. Милюков в двух своих напечатанных в Освобождении статьях – «Новый курс» и «Фиаско нового курса», - как и Струве, отверг возможность перемирия с правительством. Его девиз был: либо все, либо ничего – либо конституция, либо война с правительством. И речи не могло идти ни о какой «промежуточной позиции» между самодержавием и оппозицией[4].

Совершенно осознанно «Освобождение» в начале 1905 г. публикует речь адвоката Н.П. Карабчевского по делу Е.С. Сазонова, в которой говорится, что «когда рвались и разлетались в стороны осколки от брошенной им [Сазоновым] бомбы, ему чудилось, что это звенят и разбиваются цепи, которыми опутан русский народ»[5]. «Веховец» С.Н. Булгаков в воспоминаниях 1923 г. дал такую оценку кадетскому либерализму накануне революции: «…духовно кадетизм был поражен тем же духом нигилизма и беспочвенности, что и революция. В этом, духовном

---

[1] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 214.
[2] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. С. 219.
[3] Цит. по: Piha Th. A Russian European: Paul Miliukov in Russian politics. Notre Dame, London, 1969. P. 83.
[4] Освобождение. 1904. №57. С. 113-114; 1904. №60. С. 161-162.
[5] Освобождение. 1905. №64. С. 240.

смысле кадеты были и остаются в моих глазах революционерами в той же степени, как и большевики…»[1].

Таким образом, либеральная интеллигенция в начале XX в. смогла сформировать в российском обществе терпимое отношение к революционному терроризму. Сами теракты, скорее всего, не имели бы такого резонанса в обществе, если бы не его поддержка «демократическими» либералами. Чем больше сочувствия со стороны общества встречали террористы, тем больше терактов они совершали. Также стоит отметить, что накануне Первой российской революции значительная часть либеральных земских деятелей также присоединилась к «оправдательной» позиции революционного терроризма со стороны «Союза освобождения». Либералы надеялись, что теракты социалистов заставят власть пойти на уступки.

§ 2. Российские либералы и террор в первый год революции (1905 г.)

Многие либералы были готовы использовать революционные выступления масс для нажима на самодержавие и вынудить пойти его на реформы. «Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы…» - утверждал Милюков[2]. Как утверждает Т. Риха, «либералы-радикалы правильно, как представляется, считали, что главное препятствие – это самодержавие… Но можно ли было его устранить без радикализма? ... Ничто, кроме сильнейшего давления, не могло изменить императорский режим»[3].

В ноябре 1904 г. Г.А. Гапон стал взаимодействовать с петербургской организацией «Союза освобождения», которая воспользовалась возможностью вовлечь его в свою деятельность. Как вспоминал Гапон, «тем временем в ноябре состоялся Земский съезд, за которым последовала петиция российских адвокатов даровать закон и свободу. Я не мог не чувствовать, что день, когда свобода будет вырвана из рук наших вечных

[1] Христианский социализм (С.Н. Булгаков). Новосибирск, 1991. С. 300.
[2] Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907. С. 168.
[3] Piha Th. A Russian European: Paul Miliukov in Russian politics. P. 452.

угнетателей, близок, однако в то же время ужасно боялся, что, не имея поддержки со стороны масс, попытка может потерпеть неудачу»[1].

Случай объявить крупную забастовку представился Гапону 20 декабря 1904 г. в связи с увольнением четырех рабочих Путиловского завода[2]. По примеру «банкетной» кампании Гапон 6 января назначил на 9 января выступление процессии к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию от рабочих. Эта петиция, составленная при прямом участии «Союза освобождения», обобщала и политизировала вполне конкретные и неполитические требования рабочих, провозглашая, что невозможно ожидать улучшения их положения без радикальных изменений всей общественно-политической системы. Она была написана слогом, имитируя простонародную речь, и содержала требования созвать Учредительное собрание, гарантировать гражданские свободы, назначить «ответственное правительство» и другие, заимствованные из программы либерального «Союза освобождения»[3].

«Кровавое воскресенье» подтолкнуло волну общественного возмущения, пронесшуюся по всей стране, и навсегда разрушило в глазах обывателя образ «доброго царя». Вслед за трагическими событиями по всей стране прошли массовые митинги протеста. Как пишет Р. Пайпс, «земства, городские советы, общественные организации в один голос в самых резких выражениях проклинали жестокость правительства»[4].

После «Кровавого воскресенья», «Освобождение» напечатало редакционную статью Струве под названием «Палач народа». Он писал: «Народ шел к нему, народ ждал его. Царь встретил свой народ. Нагайками, саблями и пулями он отвечал на слова скорби и доверия. На улицах Петербурга пролилась кровь, и разорвалась навсегда связь между народом и царем… Николай стал открыто врагом и палачом народа… Он сам себя уничтожил в наших глазах – и возврата к прошлому нет. Эта кровь не может быть прощена никем из нас. Она душит нас спазмами, она владеет нами, она

---

[1] Гапон Г.А. История моей жизни (The Story of My Life). Нью-Йорк, 1906. С. 144.
[2] Пайпс Р. Русская революция В 3 т. Т.1. М., 1994. С. 33.
[3] Начало первой русской революции, январь-март 1905 года / Под ред. Н.С. Трусовой. М., 1955. С. 28-30.
[4] Пайпс Р. Русская революция В 3 т. Т.1. С. 35.

ведет и приведет нас туда, куда мы должны идти и прийти… Против ужасных злодеяний, совершенных по приказу царя на улицах Петербурга, должны восстать все, в ком есть простая человеческая совесть. Не может быть споров о том, что преступление должно быть покарано и что корень его должен быть истреблен. Так дальше жить нельзя… Ни о чем другом, кроме возмездия и свободы, ни думать, ни писать нельзя»[1].

В стране нарастало движение за пересмотр правительственного курса, проведения либеральных реформ. Отсутствие необходимой гибкости, ставка лишь на преимущественное использование силы стимулировали рост экстремизма, подтолкнули начало революционных потрясений 1905-1907 гг. Начавшуюся Первую российскую революцию многие либералы встретили с энтузиазмом, считая, что она «приведет к уничтожению ненавистного авторитарного режима и установлению в стране демократических порядков»[2].

В ходе Первой российской революции либералы создали свою третью всероссийскую организацию под председательством П.Н. Милюкова — «Союз союзов», который был, по утверждению Р.Пайпса, «самой радикальной из всех либеральных организаций»[3]. В действительности не все либеральное общество придерживалось резко оппозиционных настроений. В создавшейся тяжелой для верховной власти ситуации ей оказали моральную поддержку как раз земские лидеры.

24-26 мая 1905 г. а Москве состоялся «коалиционный съезд» представителей земств и городских дум. Принятый либералами адрес к Николаю II выражал опасения ситуации в стране, а также недовольство задержкой создания обещанного народного представительства, «долженствовавшее упразднить приказный строй», и проектами по его замены «сословным совещанием»[4].

---

[1] Освобождение. 1905. №64. С. 233.
[2] Российские либералы: сб. статей / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 399-400.
[3] Пайпс Р. Русская революция В 3 т. Т.1. С. 39.
[4] Адрес съезда земский и городских деятелей Николаю II 24-26 мая 1905 г. // Белоконский И.П. Земство и конституция. М., 1910. С. 167–168.

По решению «коалиционного съезда» к императору направилась делегация земских и городских деятелей. 6 июля 1905 г. в Фермерском дворце в Петергофе Николая II принял ее в составе 14 человек. Князь С.Н. Трубецкой призывал скорейше ускорить «созыв избранников народа»[1]. Император заверил делегацию, что «воля царская – созывать выборных от народа – непреклонна»[2].

IV земский съезд в составе 235 делегатов состоялся 6-8 июля 1905 г. в Москве. На этом съезде отчетливо проявились опасения земских либералов перед набиравшей силу революцией. Развитие революции по восходящей усугубляло и без того тяжелое положение власти. Но в сочетании с преувеличением ею революционной роли либералов это давало последним возможность вытребовать куда большие уступки, чем булыгинская дума. Поэтому решения земского съезда, как отмечает С.Б. Павлов, «стали своеобразным компромиссом между страхом перед революционным хаосом и желанием под угрозой этого хаоса добиться у власти либерального переустройства» [3].

Сразу же после окончания съезда, участвовавшие в нем земцы-конституционалисты, провели в Москве 9-10 июля 1905 г. совещание, на котором решали вопрос о создании партии либеральной оппозиции, способной конкурировать с левыми радикалами. В ходе прений по вопросу применения физического насилия как средства борьбы с правительством «освобожденец» П.Н. Милюков высказал довольно радикальную позицию: «Выражения о допустимости всех средств борьбы не следует понимать буквально, т. к. вопрос во всяком случае касается не личных действий, а партийной тактики. Если члены вашей группы настолько щекотливо относятся к физическим средствам борьбы, то я боюсь, что ваши планы об организации партии в партийно-политической работе останутся бесплодными. Ведь трудно рассчитывать на мирное разрешение назревших

---

[1] Сообщение о приеме Николаем II делегации земских и городских деятелей // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. Воспоминания современников. Материалы и документы. М., 2008. С. 829.
[2] Там же. С. 831.
[3] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905-1907. М., 2008. С. 306-307.

вопросов государственного переустройства в то время, когда кругом происходит уже революция. Или, может быть, вы при этом рассчитываете на чужую физическую силу, надеясь в душе на известный исход, но не желая лично участвовать в актах физического воздействия? Но ведь это было бы лицемерие, и подобная лицемерная постановка вопроса была бы граждански недобросовестна. Несомненно, все вы в душе радуетесь известным актам физического насилия, которые всеми заранее ожидаются, и историческое значение которых громадно»[1]. В связи с данным выступлением Р. Пайпс считает, что «Милюков в то время был ведущей фигурой в либеральном движении», и его можно было «считать либералом лишь номинально», поскольку для «свержения существующего строя он не сторонился никаких средств»[2].

Стоит отметить, что «демократические» либералы не имели возможности ничего сделать против власти, и не только потому, что не хотели, но и потому, что не могли. П.Н. Милюков в своих воспоминаниях писал, что «революционное движение уже переходило в массы при несомненном участии социалистических партий. Наше политическое течение было от этого процесса как бы отрезано; до нас очень мало и поздно доходило известий о том, какая внутренняя эволюция совершалась в эти месяцы в недрах социалистических партий, особенно партии с.-д.»[3].

Именно поэтому в то время как шансы на победу революции неизменно увеличивались, руководители «Союза освобождения» все больше склонялись к поддержке тактики, предложенной П.Н. Милюковым еще в июне 1905 г.: «Все средства теперь хороши против той ужасной опасности, которая вытекает из самого факта существования правительства. И все средства должны быть испробованы»[4]. По его мнению, «политическая ситуация была слишком серьезной, чтобы допускать чрезмерную щепетильность в выборе средств»[5]. Но одновременно с этим он же признавал, что в случае прихода к

---

[1] Съезд «Союза земцев-конституционалистов» 9-10 июля 1905 г. // Либеральное движение в России. С. 367-368.
[2] Пайпс Р. Русская революция В 3 т. Т.1. С. 40.
[3] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 293-294.
[4] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. С. 300.
[5] Там же. С. 255.

власти демократически избранного правительства, готов массово казнить противников демократии: «если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства»[1].

Таким образом, можно прийти к выводу, что упорное нежелание царизма пойти хотя бы на минимально необходимые, с точки зрения «демократических» либералов, уступки, а главным образом непрекращавшийся рост революционного движения в стране вызвали дальнейшую радикализацию тактики либералов[2].

Также стоит отметить, что многие российские либералы вовсе не были принципиальными противниками насилия, они считали его вполне приемлемым инструментом. Еще в мае 1905 г. философ С.Л. Франк писал П.Б. Струве, что достичь свободы в условиях революции помогут терроризм или восстание, но сам он не готов «для нее ни убивать людей, ни звать на смерть, ни – говоря вполне откровенно – сам умереть в роли пушечного мяса»[3]. Или, например, в начале октября 1905 г. «Конституционная лига» г. Самары передала 2 тыс. руб. революционерам, для закупки ими оружия, «на продолжение борьбы»[4].

Под влиянием событий лета 1905 г. либералы стали быстро «леветь». Издание Манифеста 17 октября 1905 г. еще в большей степени активизировало поляризацию сил в российском либеральном обществе.

По утверждению В.В. Леонтовича «элементы, которые стремились к дарованной свыше конституции, были неорганизованы, рассеяны и невлиятельны. Правда, они тоже были захвачены растущим терроризмом, успехами революционного движения и все усиливающимися проявлениями анархии (все эти явления находили все большую поддержку среди мирных и в основном аполитичных масс населения)… Это означало, что конституция действительно обещана была под давлением тех сил, которые на самом деле

---

[1] Герасимов А.В. На лезвии с террористами: воспоминания. М., 1991. С. 78.
[2] См. подробнее: Шацилло К.Ф. 1905-й год. М., 1980. С. 112.
[3] Письма С.П. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901-1905) // Путь: международный философский журнал. 1992. №1. С. 286.
[4] Протопопов Д.Д. Из недавнего прошлого (Самара в 1904-1905 гг.) // Русская мысль. 1907. №12. С. 8.

совершенно не интересовались конституцией (хотя часто и охотно о ней говорили), и которых она никак не могла удовлетворить… Революционные элементы видели в конституции лишь уступку со стороны государственной власти, выдававшую слабость этой власти, а следовательно, долженствовавшую ободрить на дальнейшую борьбу. Таким образом, дарование конституции не могло принести успокоения и не могло стать основой сотрудничества власти с общественностью, поскольку последняя вступила в союз с революционными партиями»[1]. В этих условиях принятый Манифест 17 октября, по мнению С.Б. Павлова, «стал логическим пределом … самообмана власти», поскольку, с его точки зрения, «не либеральные свободы, а элементы диктатуры и военно-полевые суды водворили тогда правопорядок в стране»[2].

Ситуация осенью 1905 г. была критической для власти. Страна радикализировалась, а народ утрачивал доверие к правительству, что могло обрушить основы государства. Чтобы предотвратить подобную катастрофу, Витте предлагал согласиться с большинством требований либералов и тем самым отделить их от революционеров. Как отмечает Р. Пайпс, предполагалось, что «разорвав объединенный фронт оппозиции, можно будет умиротворить либералов и изолировать радикалов»[3].

19 октября Витте начал переговоры с Д.Н. Шиповым, известным промышленником А. И. Гучковым, князем Е.Н. Трубецким — профессором философии, П.Н. Милюковым и др.[4] Но лидеры даже умеренной, либерально-консервативной оппозиции боялись быть изолированными от общества и обвиненными в предательстве другими либералами и социалистами. Сыграли свою роль и соображения личной безопасности: «Я был бы не искренен, — писал впоследствии Витте, — если бы не высказал то, может быть, совершенно неосновательное впечатление, что в то время общественные деятели побаивались бомб и браунингов, которые были в большом ходу против власть имущих, и что это было одним из внутренних

---

[1] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1917 гг. М., 1995. С. 434-435.
[2] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905-1907. С. 624-625.
[3] Пайпс Р. Русская революция В 3 т. Т.1. С. 49.
[4] Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 68-69.

мотивов, который шептал каждому в глубине души: „Лучше подальше от опасности"»[1].

Кадеты же выдвинули в качестве условий реализацию в полном объеме Манифеста 17 октября, созыв Учредительного собрания и проведения политической амнистии[2]. Отказ С.Ю. Витте от этих требований, по мнению одного из лидеров кадетов А.А. Корнилова, отнял «у нашей партии всякую возможность оказывать какую бы то ни было поддержку правительству»[3].

П.Н. Милюков вместе с теми, чьим лидером он являлся, слишком дорожил своей выгодной и удобной ролью оппозиционера, поскольку она обеспечивала им популярность без какой-либо ответственности. Он полагал, что отказ от сотрудничества с правительством С.Ю. Витте можно оправдать тем, что их «авторитет был производным фактом» от политической позиции, «он упал бы тот час до уровня «октябристов», если бы они согласились делать их политику»[4]. Все действия правительства кадетами осенью 1905 г. объявлялись «преступными и безрассудными»[5].

Таким образом, попытки С.Ю. Витте после принятия Николаем II Манифеста 17 октября пойти на переговоры с либеральной общественностью и включить их в правительство успехом не увенчались из-за неуступчивости радикальных либералов, которые потом будут говорить о «грубо отброшенной руке», которую общественность ему протянула[6]. Как утверждает Р. Пайпс, «пропасть, отделявшая общество от власти, была слишком огромной, чтобы позволить подобное сотрудничество»[7].

После издания Манифеста 17 октября звучали призывы «продолжать борьбу до конца, до полной победы свободы над деспотизмом, законности над насилием»[8]. Д.И. Шаховский говорил, что «нужно сковырнуть правительство»[9]. Как отмечал А.А. Стахович, «какое бесконечное число

---

[1] Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 3. С. 110.
[2] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 331.
[3] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. Т.1. М., 1994. С. 483-484.
[4] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 315.
[5] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 261. Л. 1.
[6] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 334.
[7] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. С. 196.
[8] Кр-ль М.А. Как прошли выборы в Государственную Думу. СПб., 1906. С. 4.
[9] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 261. Л. 24.

жертв (казненных и измученных тюремным заключением и каторгой) было принесено народу… Подавляющее большинство их из той самой «интеллигенции»…»[1]. В кадетских брошюрах приводились наказы избирателей, которые часто призывали освободить из тюрем «героев и защитников», удержать «руку палача, занесшего окровавленный меч» над «мучениками»[2].

Конституционно-демократическая партия стала для наиболее решительных либералов новой формой организации. Вместе с земцами-конституционалистами, как отмечает С.Б. Павлов, «в нее вошли почти все провинциальные и рядовые члены Союза освобождения»[3]. Организационное оформление кадетов произошло на учредительном съезде Конституционно-демократической партии, который проходил в Москве с 12 по 18 октября 1905 г. – во время октябрьской политической стачки. Стоит отметить, что современная историография указывает на интеллигентский характер Конституционно-демократической партии. Так, например, Ф.А. Гайда прямо писал, что «кадеты не были партией буржуазной». По мнению этого ученого, она имела «интеллигентскую, а не буржуазную природу»[4]. Наверное, поэтому принятая платформа партии не исключала возможности реализации политической революции в том случае, если власть будет упорствовать в своем нежелании осуществлять реформы[5].

Многие видные кадеты были в свое время одновременно членами в «Союзе освобождения» и состояли в Партии социалистов-революционеров или РСДРП. По утверждению кадета Н.О. Лосского на VII съезде КДП в 1917 г. «в нашу партию в 1905 г. очень многие перекочевывали из «Союза освобождения», определенно заявляя о своих социалистических симпатиях»[6]. Так, например, эсерами в свое время были члены ЦК кадетов И.Я.

---

[1] Стахович А.А. Как и кого выбирать в Государственную Думу. Что такое партийные выборы? Краткий обзор русских политических партий. М., 1907. С. 13.
[2] Кр-ль М.А. Как прошли выборы в Государственную Думу. С. 55-56.
[3] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905-1907. С. 394.
[4] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.) М., 2003. С. 372.
[5] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. Т.1. С. 484.
[6] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 384.

Пергамент, Е.М. Ещин и Н.В. Некрасов, депутат Государственной думы от кадетов Н.И. Метальников, лидер рыбинских конституционных демократов присяжный поверенный А.И. Штейнберг, пятеро видных нижегородских кадетов (врачи В.Н. Золотницкий, Н.А. Грацианов, П.И. Мелибеев; адвокаты А.П. Пунинский и П.А. Рождественский), председатель нижегородского комитета Конституционно-демократической партии, адвокат и земский деятель Г.Р. Килевейн, видный поволжский земец, в дальнейшем лидер симбирских конституционных демократов князь С.М. Баратаев, руководитель самарских кадетов А.К. Клафтон, член самарского и уфимского губкомов Партии народной свободы В.А. Кугушев и т.д.[1]

Данную тенденцию можно попытаться объяснить народническим прошлым многих кадетов. Приобретенные в юности симпатии к народничеству они сохранили до зрелых лет. Идеологическую близость кадетов и народников отмечали многие современники, например такие, как В.И. Ленин. Так, в редакционной позиции газеты «Русские ведомости», контролировавшейся московскими кадетами, руководитель большевиков видел «правый кадетизм с народническим налетом», а направление «Русского богатства» характеризовал как «народнически-кадетское»[2]. Наверное, этим можно объяснить одобрение большей части кадетов террористических способов борьбы других партий с властью.

Конечно, двойное членство представителей левого крыла кадетов было скорее исключением, чем правилом. Но мрачная шутка той эпохи о том, что эсер - это тот же кадет, только с бомбой, возникла не на пустом месте.

Приведем еще один пример, доказывающий идейную близость народников и «радикальных» либералов. В октябре 1905 г. Московский комитет эсеров выпустили обращение, в котором обещал «оказать черносотенцам самый решительный отпор» в виду «диких насилий и зверств, которым подвергается мирное население Москвы со стороны казаков и черных сотен при подстрекательстве полиции»[3]. Схожих позиций

---

[1] Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.): монография. Нижний Новгород, 2006. С. 25.
[2] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 193; Т. 48. С. 4.
[3] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 50. Л. 44.

придерживали и кадеты. В «черной сотне» они видели «прежде всего пропоиц, воров и хулиганов», которые нападали «не только на вооруженных, но и на безоружных… убивали часто из-за угла в темноте… Одним словом, действовали как люди, у которых нет ни чести, ни совести, ни сострадания, ни Бога, ни закона…»[1].

Следует отметить, что, по мнению Ф.А. Селезнева, в РСДРП до 1905 г. работало заметно меньшее число будущих кадетов, чем в Партии социалистов-революционеров: в РСДРП состояли член кадетского ЦК В.А. Оболенский, депутат II Думы от Тверской губернии А.И. Бакунин, в нижегородской кадетской организации только два активиста - врач А.В. Агапов и помощник присяжного поверенного В.Н. Серебренников и пр.[2] Наверное, поэтому РСДРП в своих листовках критиковала деятельность либералов, которые «устраивали шумные собрания, много ели и пили, еще больше говорили и посылали бесчисленные просьбы и депутации к царю, Трепову, Витте и другим самодержцам», где вели «позорный торг, пугая самодержавие пролетарским кулаком и всячески стараясь показать нам [социал-демократам], что они наши друзья»[3].

Примечательно, что в состав кадетов входили и такие люди, как Н.В. Устрялов, который впоследствии отошел от либерализма и в эмиграции занимал позицию конформизма и прагматизма по отношению уже к сталинскому террору. Он писал: «Конечно, террор отвратителен, но и «протест» против него в современных условиях в наших устах будет походить на жалкий писк давимой мыши. Нашего брата истребляют – это грустно, но если мы хотим и можем высказаться, то говорить надо о другом»[4].

Таким образом, оппозиционная интеллигенция представляла собой единое в идейно-политическом плане «поле», внутри которого шла острая идеологическая борьба между эсерами, РСДРП и кадетами. Однако, она не

---

[1] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 50. Л. 139-139об.

[2] Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.): монография. С. 25.

[3] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 50. Л. 3об.

[4] Цит. по: Кротова М.В. Н.В. Устрялов: между либерализмом и сталинизмом // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859-1943). Материалы Международного научного коллоквиума. М., 2010. С. 274.

исключала взаимопомощь в борьбе с правительством, как на официальном, так и на личном уровне.

Многие либералы призывали к свержению самодержавия, поэтому не спешили с осуждением терактов, которые должны были помочь в достижении поставленной цели. Ход революции показал, что власть не спешила с установлением «внутреннего мира». Но все же либеральная общественность не была так единодушна в оценке терроризма. На заседаниях кружка «Беседа» в октябре 1905 г. раздавались призывы в пику позиции кадетов: «Зачем кровь в то время, когда мысль и слово освобождены! Зачем насилие теперь, когда дается свобода действовать каждому по совести!»[1].

В условиях той обостренной, открытой гражданской войны, которая разгорелась в России в конце 1905 г., кадеты оказались между двух огней. Их тактика в этот решающий момент борьбы была весьма путаной и противоречивой. По существу она сводилась к тому, чтобы лавировать между реакцией и революцией, не давая ни одному из противников решительно и окончательно раздавить другого[2]. Что представляла собой стратегия кадетов тогда, в своих воспоминаниях объяснил П.Н. Милюков: «В данную минуту надо было идти тем же путем, каким Россия только что пришла к октябрьскому манифесту, т. е. соединением либеральной тактики с революционной угрозой»[3].

Кадетские лидеры, по воспоминанию В.А. Маклакова, хотели революции, «и даже просто с нею мирились, как с неизбежностью», но ее не боялись: «одни просто потому, что в ее возможность не верили; другие рассчитывали, что революцию можно было использовать против власти, а потом остановить в самом начале. А так как угроза революции могла заставить власть идти на уступки, то они эту карту продолжали играть, не отдавая себе отчета, что играют с огнем. Революционеров они продолжали считать не врагами конституционного строя, а «союзниками слева»; так было сказано в речи П.Н. Милюкова, произнесенной на Учредительном съезде партии и напечатанной потом вместе с … партийной программой. Позднее,

---

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.
[2] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. С. 159.
[3] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 316.

уже в 1-ой Государственной Думе, которой кадетская партия руководила тогда, она отказалась вынести даже на будущее время моральное осуждение террору, как средству борьбы, и это в момент, когда за прошлое она для всех просила амнистии»[1].

Подтверждением продолжения поддержки революции со стороны кадетов после издания Манифеста 17 октября может служить заседание ЦК 23 ноября 1905 г., где С.И. Шаховский докладывал «о действиях комиссии по содействию забастовавшим рабочим, освобожденным ссыльным»[2]. Речь велась об опубликовании отчета о расходе пособия в 3000 руб. на помощь амнистированным и забастовавшим рабочим почтово-телеграфного союза. На том же заседании ЦК при обсуждении тактических вопросов Н.Н. Щепкин заявил: «Не время борьбы с крайними партиями. Кто хочет бороться с революцией, тот должен выйти из партии. По-моему, не из партии, а из политической жизни»[3].

В конце ноября 1905 г. правительство все же перешло в наступление по всему фронту против сил революции. А это, в свою очередь, вызвало необходимость отпора силам реакции. Либералы оказались между двух непримиримых и враждебных лагерей. На их долю оставались словесные призывы к революционерам «образумиться» и прекратить вооруженную борьбу против правительства и словесные угрозы в адрес властей[4].

Развитие событий в стране происходило в конфронтационном русле. Либералам не удалось предотвратить вооруженного столкновения в декабре 1905 г. В отличие от октябристов, открыто выступивших за насильственное подавление «вооруженных мятежей», кадеты даже в период вооруженного восстания в Москве надеялись путем уговоров той и другой стороны избежать кровопролития и сесть за стол переговоров[5]. В ноябрьские-декабрьские дни кадеты не отказывались от того, чтобы использовать «революционную угрозу» и заставить правительство выполнить обещания

---

[1] Маклаков В.А. Из воспоминаний. С. 351.
[2] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1 Д. 27. Л. 31.
[3] Там же. Л. 32.
[4] Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.). С. 238-239.
[5] Там же. С. 239.

Манифеста 17 октября. На призывы формирующегося «Союза 17 октября» прекратить «убийства, грабежи и пожары по всей России», которые происходили, по мнению авторов воззвание к «Гражданам Москвы», «не по вине правительства и не руками его сторонников, а революционерами и их подстрекательством»[1], кадеты отреагировали своим обращением: «Можем ли мы члены К.Д. партии присоединиться к этому воззванию? Конечно, нет. Обрушиваясь с беспощадной суровостью на революционеров и чрезвычайно резко обличая неправильность занятой ими позиции, воззвание это угодливо прикрывает все грехи ныне действующего правительства, не останавливаясь при этом перед очевидным искажением фактов и заведомым извращением действительного положения вещей»[2].

На декабрьском заседании ЦК кадетской партии вынесла обвинительный акт правительству и выразила «сочувствие доведенному до крайней меры народу, которому приходится в этом случае идти за чужим ему лозунгом»[3]. Н.Н. Щепкин выступил с заявлением, что «публика не пошла направо, она скорее относится с любопытством и с симпатией. Движение теперь стихнет постепенно, а в следующий раз оно может быть организованно, и мы можем принять в этом участие, и тогда будем держать в своих руках»[4]. В.В. Шелохаев, детально проанализировавший деятельность конституционных демократов в декабре 1905 г., показал, что резолюция ЦК кадетов, принятая по поводу декабрьской политической стачки, была верхом неопределенности. В ней говорилось, что «партия в принципе признает допустимость всеобщей политической забастовки как одного из средств революционной борьбы», однако «не может сочувствовать целям данной забастовки», хотя и не считает возможным «входить в суждение о ее возможных результатах»[5]. Всю ответственность «за пролитую кровь и наносимые стране глубокие раны» кадеты возлагали «на правительство, не желающее честно выполнить принятое перед страной обязательство и

[1] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 261. Л. 19.
[2] Там же. Л. 30.
[3] Там же. Д. 27. Л. 34.
[4] Там же. Л. 35.
[5] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. С. 161.

торжественно данные обещания и не умеющее ... осуществить волю народа»[1]. Во время декабрьского вооруженного восстания в Москве партия выпустили обращение, в котором повторялись положения резолюции[2].

Милюков позже вспоминал, что «в самых настойчивых выражениях за несколько дней до восстания я предупреждал о неизбежности его поражения»[3]. При этом власть осуждалась кадетами за чрезмерную жестокость при подавлении декабрьского вооруженного восстания в Москве, когда из-за одного выстрела войсками разрушался дом, а любого вооруженного человека арестовывали: «если же он не вооружен, но пытается спастись бегством, то его расстреливают на месте»[4]. «Всем известно, что пушки и пулеметы Дубасова, - отмечал П.Н. Милюков, - оказались опаснее для среднего обывателя, чем браунинги членов революционной дружины. Хаос, который должен был внушить ужас против революционного террора, внушил ему в гораздо большей степени страх перед террором правительственным; а примененные на практике способы усмирения показали обывателю, что правительственное искусство побеждать осталось тем же, чем было во время японской войны»[5].

Позиция умеренных и консервативных либералов по вопросу отношения к террору в ноябре-декабре 1905 г. будет раскрыта в четвертой главе данного исследования. Это объясняется композиционной целостностью диссертации, при которой в данном параграфе раскрыто восприятие политических убийств кадетами в 1905 г. после издания Манифеста 17 октября и образования партии, поэтому третья глава посвящена отношению кадетов к террору в думский период (1906-1917 гг.). Поскольку процесс создания умеренных и консервативных либеральных партий пришелся на конец 1905 – начало 1906 гг., то выглядит вполне логичным рассмотрение вопроса о восприятии ими террора в отдельной главе. Также стоит отметить, что многие партии промышленников и предпринимателей, а также партии демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов возникли в 1906 г., что не

[1] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 260. Л. 5.
[2] Там же. Д. 261. Л. 29.
[3] Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1. М., 1990. С. 348.
[4] Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. С. 177.
[5] Там же. С. 109.

позволяет охарактеризовать их позиции по заявленной проблеме в данном параграфе. Становление «Союза 17 октября» начался в ноябре 1905 г., но определение воззрений на террор проходило неоднозначно и сложно, поэтому изучение данного вопроса вынесено также в четвертую главу диссертации. Отношение христианских либералов к насилию и политическим убийствам является такой проблемой, которую сложно жестко разделить по хронологическому принципу, поэтому взгляды христианских либералов на террор вынесены в отдельный параграф в работе.

Таким образом, можно прийти к следующим промежуточным выводам:

Роль и значение террора в российской истории достаточно трудно переоценить. Вплоть до октября 1905 г. предшественники кадетов, члены «Союза освобождения», хотя и именовали себя умеренными либералами и отказывались участвовать в актах насилия, но на практике достаточно часто поддерживали экстремистов и радикалов, превращали свои дома в убежища для террористов и финансировали эсеров, полагая, что «террор - эффективное орудие в политической борьбе с царским правительством»[1].

Признавая в борьбе за достижение политических целей мирные средства борьбы, кадеты не спешили осуждать насилия со стороны революционных партий, одновременно жестко критикуя насильственные действия правительства. Именно на власть возлагалась вся ответственность за события октября-декабря 1905 г., которые вели, по их мнению, к дальнейшей радикализации всего общества.

[1] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. С. 254.

Глава III. Кадеты и терроризм в думский период

§ 1. Кадеты и дискуссия о терроре в I Государственной Думе (1906 г.)

Широкий размах террористической деятельности в период Первой российской революции 1905-1907 гг. заставил все политические партии и группы определить свое отношение к политическим убийствам. Единственной крупной политической организацией, которая не разъяснила свою официальную позицию по отношению к террору, была конституционно-демократическая партия. Заявляя, как пишет А. Гейфман, что «партия народной свободы не сочувствует принципу политических убийств», она, однако, отказывалась «провозгласить... моральное осуждение политическим убийцам».[1] Кадеты, по воспоминаниям В.А. Маклакова, не хотели делать выбора из «двух противоположных путей – конституционного и революционного», а «сохранить обе возможности» [2].

Подавляющее большинство «демократических» либералов было убеждено, что царский режим по-прежнему силен и устойчив, даже после 1905 г., и что необходимо продолжать его расшатывать[3]. Кадетами была выбрана стратегия сочетания «либеральной тактики с революционной угрозой»[4]. По утверждению А. Гейфман, «осуществление хотя бы некоторых из своих политических целей кадеты связывали с революцией, разделяя с радикалами первостепенную цель — сбросить правительство или хотя бы заставить его резко измениться»[5]. С целью поддержания такой политики, при которой не существовало бы противников слева, отечественные «демократические» либералы, и в особенности кадеты, были склонны проявлять сочувственное отношение к террористам и их экстремистским методам, таким образом компрометируя свою умеренную позицию. Можно подчеркнуть, что «в теории» почти все кадеты позиционировали

---

[1] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. М., 1997. С. 286.
[2] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля - 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 18.
[3] Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905-1944. Т. 2. М., 2001. С. 18.
[4] Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1. Нью-Йорк, 1956. С. 316.
[5] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. С. 289-290.

неприемлемость революции, но всегда оставались радикалами на практике, в методах своей политической деятельности[1]. А.И. Суворов утверждает, что «значительная доля вины за развитие массового террора в начале XX в. ложится на российских либералов, их главную политическую партию – кадетов»[2]. Но с этим трудно полностью согласится, поскольку кадеты имели недостаточное влияние на сами террористические организации, поэтому прекратить террор своим осуждением они не могли.

Лидеру кадетов П.Н. Милюкову нравилось использовать революционную угрозу в качестве оружия в политической борьбе, но в то же время он желал, чтобы в деле продвижения реформ партия использовала любые конституционные возможности. Выработанная тактика опиралась на конфронтацию, но менее агрессивную: «не штурм, а правильная осада» - так определял новую стратегию сам Милюков[3].

Таким образом, восприятие кадетами терроризма было для них тактическим вопросом, который руководство партии должно было решать в целом, независимо от личных убеждений отдельных ее членов. Прежде всего, кадеты надеялись добиться установления «ответственного министерства», подотчетного Думе[4]. Поэтому кадетское руководство сосредоточило свое внимание на подготовке выборов в Государственную думу, рассчитывая, как отмечает В.В. Шелохаев, «провести в нее максимально возможное число своих депутатов»[5]. Но кадеты в своих листовках требовали «отмены смертной казни», поскольку «она богопротивна, бесчеловечна и бесполезна», «немедленной … отмены военного положения, положений чрезвычайной и усиленной охраны…», а также, чтобы «политические преступления» рассматривались «судом присяжных»[6].

---

[1] Матюхин А.В. Теория государственного управления в истории русского либерализма (XIX – начало XX вв.) М., 2008. С. 133.

[2] Суворов А.И. В противоборстве с террористами (из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом): Монография. М., 1999. С. 57.

[3] Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1. С. 419.

[4] Милюков П.Н. Год борьбы. СПб., 1907. С. 492-495.

[5] Шелохаев В.В. Кадеты // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С.159; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 272. Л. 1; Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

[6] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 272. Л. 5об-6.

Еще до открытия I Думы кадеты обсуждали проблемы террора и амнистии политических заключенных на заседаниях своего Центрального комитета и партийных съездах. Уже на II съезде 6 января 1906 г. Ф.Ф. Кокошкин в докладе «О тактике в I Государственной Думе» предложил бороться в парламенте «за полную политическую амнистию»[1].

Также на этом съезде рассматривался вопрос о декабрьском вооруженном восстании. На нем было решено, что партийная фракция в Думе должна «потребовать немедленного привлечения к суду и наказания всех прямых и косвенных виновников, соучастников и попустителей» репрессий правительства[2]. Более того, съезд принял резолюцию по поводу Московского вооруженного восстания, в которой полностью поддержал восставших, обвинив правительство в массовых репрессиях по отношению к восставшим: «правительственные органы … применяют вооруженную силу … не только для непосредственной борьбы с вооруженным сопротивлением, но и как орудие политической мести и террора…»[3]. Следовательно, кадеты видели в действиях власти чрезмерную борьбу с революцией. Более того, съезд кадетов принял резолюцию по вопросу о чествовании памяти 9 января 1905 г., где отмечалось, что «русская оппозиция, несмотря на все различия в целях и способах действия по отношению к своим главным задачам, продолжает сохранять то единство, которое до сих пор составляло ей силу»[4].

Кадеты предпочитали избегать публично открытых разговоров о терроризме, чтобы не вступать в конфликт с властями. В то же время они рассчитывали на широкую поддержку радикально настроенного общества, а потому, как писал в своей диссертации М.А. Носков, «не собирались выступать против политических убийств и портить отношения со значительной частью избирателей»[5].

В марте 1906 г. на заседании ЦК партии звучали предложения ко всем губернским комитетам на собраниях выборщиков потребовать «немедленной

---

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 75-76; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.
[2] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. С. 165.
[3] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 63. Л. 15об.
[4] Там же. Л. 4об.
[5] Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии общества. Диссертация … кандидата исторических наук. М., 2011. С. 102.

амнистии всем политическим арестованным» и отмены смертной казни[1]. ЦК предложил подготовить текст подобного сообщения от имени членов партии в Государственной Думе[2].

С началом работы в I Государственной Думе кадетам стало сложнее скрывать свое действительное восприятие террора. Наиболее четко они обозначили свои позиции при рассмотрении вопросов о политической амнистии и смертной казни. Еще на заседаниях ЦК партии кадетов в Санкт-Петербурге 8-9 апреля 1906 г. было принято решение разработать законопроекты по вопросам об отмене смертной казни, об отмене юрисдикции военных судов по общим преступлениям и об отмене исключительных законов об усиленной и чрезвычайной охране. Для выработки законопроектов была выбрана комиссия в составе: С.А. Муромцева, В.Д. Набокова, М.М. Винавера, И.В. и В.М. Гессенов и А.И. Каминки[3]. Предполагалось, что указанные законопроекты будут предложены в I Думе для обсуждения. На заседании ЦК 19 апреля 1906 г. было принято решение о том, что «закон об отмене смертной казни дополнить указанием, что она заменяется»[4]. По вопросу об амнистии М.М. Винавер сделал доклад, в котором разъяснялась концепция проекта закона: «В основе проекта об амнистии лежит мысль, что от наказания должны быть освобождены те, кто стремится к цели, признаваемой нами ныне справедливой». Справедливыми признавались деяния, направленные против существующего политического и экономического строя. Амнистия, по мысли Винавера, не должна была коснуться тех, кто участвовал в избиениях, погромах и грабежах на почве религиозной и национальной вражды. «Распространение амнистии на лиц, учинивших погромы, явилось бы ничем не оправдываемым помилованием грабителей и насильников и – что главное – освобождением от кары их подстрекателей». Погромы, по убеждению Винавера, были способом борьбы правительства с освободительным движением, поэтому амнистия не может «оправдать

[1] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1076. Л. 1.
[2] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 33в. Л. 22-22об.
[3] Там же. Л. 26об-27.
[4] Там же. Д. 27. Л. 41об.

противозаконные действия правительственных агентов»[1]. Таким образом, М.М. Винавер предложил амнистировать только участников революционного движения, включая всех террористов, оставив за ее пределами участников монархически настроенных сил погромщиков. Доклад М.М. Винавера и предложение направить кадетский законопроект об амнистии на рассмотрение Думы были приняты на заседании ЦК партии.

Именно поэтому III съезд кадетской партии, проходивший в конце апреля 1906 г., посчитал необходимым, чтобы партийная фракция внесла на обсуждение Думы «законопроект о полной политической амнистии и об отмене смертной казни и назначении парламентского расследования противозаконных действий представителей администрации, совершенных после 17 октября в борьбе с общественным движением»[2].

27 апреля 1906 г., в день открытия думской сессии, на заседании депутаты подняли вопрос о всеобщей политической амнистии. Как отмечает В.Н. Коковцов, И.И. Петрункевич «произнес речь о необходимости амнистии политическим заключенным»[3]. Его слова заслужили аплодисменты всей Думы[4]. Это выступление было спланировано кадетами осознанно. Сразу же после прибытия в Таврический дворец к М.М. Ковалевскому, с авторитетом которого считались и левые, и правые, подошел С.А. Муромцев и спросил его мнения о своевременности разговора об амнистии. М.М. Ковалевский согласился с ним и даже стал инициатором и автором думской петиции к Николаю II об отсрочке смертной казни в России до принятия соответствующего закона[5]. Высказать требование об амнистии кадеты поручили своему старейшему лидеру И.И. Петрункевичу[6].

На первых же заседаниях I Думы зачитывались телеграммы от политических заключенных. Все это создавало взвинченную атмосферу. В действительности об амнистии Дума могла лишь «просить», так как этот

---

[1] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Л. 42-42об.
[2] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. С. 348.
[3] Коковцов В.Н. Из моего прошлого 1903-1919 гг. В 2 т. Т. 1. Париж, 1933. С. 181.
[4] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 408.
[5] Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский // Ковалевский М.М. Избранный труды. В 2 ч. Ч. 1. М., 2010. С. 23.
[6] Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007. С. 259.

вопрос был исключительной прерогативой монарха. Но «патриарх» кадетов Петрункевич отвечал на предложение Ковалевского подать прошение, что «мы не желаем быть ходатаями, мы хотим быть законодателями»[1].

Еще осенью 1905 г. Николай II даровал частичную амнистию политическим заключенным, а весной 1906 г. подавляющим большинством голосов Государственный совет предлагал осуществить помилование практически всем революционерам, кроме террористов. Но I Дума, контролируемая кадетами, отказалась поддержать это прошение. Она добивалась помилование именно для находившихся в тюрьмах террористов. Кадет Ф.И. Родичев отмечал с трибуны, что «казни и расправы рождают преступления», и лишь полная амнистия должна положить этому конец[2]. Также он от имени кадетской фракции внес предложение не выделять особо обсуждение вопроса об амнистии, а включить его наряду с другими требованиями (в том числе и о немедленной отмене смертной казни) в текст ответного думского адреса государю[3]. Большинство поддержало эту идею.

При обсуждении проекта ответного адреса большинство депутатов считало, что амнистия – это необходимое требование народа к правительству, а не просьба, так как она касается невинных, которые «томятся в тюрьмах не потому, что они преступники, а потому, что они борцы, потому что добивались того, чего мы здесь добиваемся»[4]. Подчеркивалось, что амнистия должна быть всеобщей[5]. В.Д. Набоков, который озвучил кадетский проект обращения к государю в ответ на тронную речь, отмечал, что отсутствие амнистии не дает возможности Думе приступить к законодательной работе, поскольку она – требования народной совести, «в которых нельзя отказывать, с исполнением которых нельзя медлить», и Дума ждет «полной политической амнистии как первого залога взаимного понимания и взаимного согласия между царем и народом»[6].

---

[1] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. С. 101.
[2] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. Т.1. СПб., 1906. Стб. 35-37.
[3] Там же. Стб. 21, 24-26, 31.
[4] Там же. Стб. 28.
[5] Там же. Стб. 24, 27.
[6] Там же. Стб. 76.

Предложение осудить террор одновременно с призывом провести амнистию было высказано в I Думе умеренными депутатами. Первым эту идею высказал октябрист А.А. Остафьев на заседании 2 мая 1906 г. Он указал на то, что нельзя требовать амнистии без того, чтобы сказать, что в «культурной стране, какой должна быть Россия, когда будут гарантированы все свободы, никаких смертных казней и покушений одного человека на другого не может быть…»[1]. В ответ кадет Н.Н. Миклашевский призывал к суду над теми, кто «совершал со стороны правительства расправы»[2].

На заседании 4 мая позицию Остафьева поддержал другой октябрист М.А. Стахович. Он предложил внести в проект думского заявления поправок, чтобы одновременно с требованием амнистии Дума выразила надежду на прекращение «политических убийств и других насильственных действий»[3]. В предложенной поправке говорилось: «…Государственная Дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные действия, которым Дума высказывает самое решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства. Дума заявляет, что она твердо и зорко будет стоять на страже прав народных и защитит неприкосновенность всех граждан от всякого произвола и насилия, откуда бы они не исходили»[4].

Кадеты отказались пойти на компромисс. Как пояснил А.С. Ломшаков, «не нам здесь выносить какие бы то ни было приговоры и осуждения»[5]. Другие кадеты и вовсе перешли в наступление на правительство. Ф.И. Родичев заявил, что это губернаторы и другие чиновники «посеяли убийства и преступления в России», «облили кровью страну»[6]. Кадеты не сомневались, что, если будет амнистия, то «лица, которые в настоящее время наполняют тюрьмы, дадут … целую толпу … самоотверженных, потому что туда их привело самоотвержение, которого нет в рядах истязателей!»[7].

---

[1] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Т.1. Стб. 82.
[2] Там же. Стб. 76.
[3] Там же. Стб. 228.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же. Стб. 229.
[7] Там же. Стб. 230.

Депутат И.Л. Шраг, оппонируя Стаховичу, проявил чудеса ораторского искусства. «Не можем мы, господа, осуждать тех, которые «жизнь свою положили за други своя», - доказывал он. – Я не сторонник политических убийств… но я в то же самое время думаю, что эти политические убийства, которые совершаются у нас, должны быть понятны. А раз они нам понятны, то не решимся же мы произнести слово осуждения». Террористов Шраг назвал «невольными жертвами» ужаса современной жизни. Убийцы лучше своих жертв-чиновников, указывал Шраг, ведь террористы «не были ограждены штыками, на рассчитывали на то, что за убийство получат награду и повышение в чинах», они шли на вечную смерть и «жертвовали всем». «Неужели вы, господа представители, вынесете осуждение тем, многие из которых уже сделались народными героями, многие из которых являются во мнении народном жертвами за его свободу и являются великими страдальцами?» - красноречиво вопрошал кадетский оратор[1]. Как отмечал, В.А. Маклаков Дума громила «правых погромщиков», но требовала амнистии для «своих» за «убийства» и даже за все «аграрные» преступления[2].

В результате предложение М.А. Стаховича о поправках с осуждением убийств не прошло. Его поддержало всего 10 депутатов. I Дума твердо показала, что в вопросе политических убийств она поддерживает террористов, а не правительство, и не собирается идти ни на какие уступки. Как утверждал впоследствии Милюков, помилование для боевиков стало главным пунктом расхождения с правительством в I Думе, оставив позади даже вопрос об аграрной программе[3].

I Дума не видела в терроре преступления. Террористы представляли в речах депутатов героями, совершавшими теракты «из любви к родине и из желания ей блага», «пламенными людьми, пламеневшими любовью к родине», а не преступниками[4]. Профессор М.М. Ковалевский на думском заседании называл их святыми, поскольку им было свойственно

---

[1] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Т.1. Стб. 231-232.
[2] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. С. 219.
[3] Милюков П.Н. Три попытки. Париж, б.д. С. 47.
[4] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Стб. 34, 228, 1487.

самопожертвование. Поэтому, с его точки зрения, Дума и не решается «поднимать секиру над головами политических преступников»[1].

5 мая 1906 г. кадетский вариант ответного адреса императору был принят единогласно. В нем говорилось, что необходимо даровать амнистию «на все предусмотренные уголовным законом деяния, вытекавшие из побуждений религиозного или политического, а также на все аграрные правонарушения»[2]. В нем также было отмечено, что во власти остались те, кто «попирая все основы Высочайшего Манифеста 17 октября, покрыл страну позором бессудных казней, погромов, расстрелов и заточений»[3]. Однако I Дума амнистии от власти не добилась. Так, А.В. Богданович 3 мая 1906 г. записала в своем дневнике: «Б.В. Никольский рассказывает, что когда царю было доложено про убийство адмирала Кузьмича, он топнул ногой и воскликнул: "После всех этих убийств смеют еще говорить об амнистии"»[4]. Между тем, по мнению кадета В.А. Маклакова, у нее была возможность получить ее. Для этого Дума должна была осудить террор, но на это она не оказалась способна, поскольку «продолжала войну» с правительством[5].

Правительственная декларация в ответ на адрес Думы содержала указание, что «общему благу не отвечало бы в настоящее смутное время помилование участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях»[6]. Кадеты в I Думе и дальше продолжали осторожно высказываться о терроризме как о явлении, но они всегда активно защищали террористов, используя революционный «миф о герое». Кадет И.Н. Пустошкин отмечал, что смертная казнь не применяется в России за корыстные преступления, но применяется к политическим преступникам, «которые большей частью идут на преступление… во имя высшей любви к человечеству». «Христос тоже признан был преступником и предан позорной смертной казни на кресте, - напоминал Пустошкин. – Прошли года, и этот преступник – Христос – завоевал весь мир стал образцом добродетели»[7].

---

[1] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Т.1. Стб. 436.
[2] Там же. Стб. 241.
[3] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. С. 107.
[4] Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 387.
[5] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. С. 109.
[6] Там же. С. 121.
[7] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Т.1. Стб. 442.

Кадетский депутат священник Н.В. Огнев считал героинями В. Засулич и М. Спиридонову, отмечая, что террористы «вовсе не злодеи от природы. По натуре своей это люди особенной нравственной чуткости… Они не могут слова и чувства отделять от действий… Не имея других средств мирного воздействия на этих извергов, они решаются на преступления. Неужели, господа, вы думаете, что эти люди, если бы имели в своих руках какие-нибудь средства мирного воздействия, пошли бы на преступления, на политические убийства?»[1]. Эти слова Огнева кадетское большинство встретило бурными аплодисментами.

И.Л. Шраг заявлял, что террористы «не жалели своей жизни, не жалели себя для того, чтобы добиться той дорогой всем… свободы, в даровании которой им принадлежит громадная выдающаяся роль». В качестве первопричины терроризма он называл правительственные репрессии, говоря о террористах: «Как вы хотите, чтобы они спокойно относились к этому и не отвечали тем же?»[2]. В действиях террористов Шраг отмечал «известную социальную целесообразность»[3]. Как писал В.А. Маклаков, «Дума не просила за виновных, она освобождала своих, потому что она победила»[4].

Причины терроризма «демократические» либералы видели в самодержавии и политике правительства, которое нарушало права человека, проявляло насилие по отношению к гражданам, не предавало суду тех, кто совершал преступления против народа[5]. «Единственным выходом» из этого положения многим виделся террор. Необходимо отметить, что депутаты в отношении революционного терроризма употребляли термин «политическое убийство», а термин «политический террор» или «русский террор» они применяли, когда характеризовали действия правительства в период революции 1905-1907 гг.[6]

---

[1] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Т.2. Стб. 1495-1496.
[2] Там же. Т.1. Стб. 231.
[3] Речь. 1906. №77. С. 1.
[4] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. С. 104.
[5] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Т.2. Стб. 228-229.
[6] Там же. Стб. 440, 1265-1267, 1494.

Представителям кадетов было известно о нелицеприятной «изнанке» революции и преступлениях «террористов нового типа», но в Думе они говорили не о неудобном массовом терроре, а об абстрактном терроризме и его героях[1]. Образ жертвенного террориста было удобно противопоставлять образу изверга от власти и использовать при критике правительства.

Кадеты могли пользоваться достижениями революционной борьбы, эксплуатировать политическое насилие для запугивания правительства, выступая в то же время в роли мирной оппозиции и альтернативы. Открыто не осуждая терроризм, но и не признавая его, кадеты постоянно лавировали, стараясь усилить свое политическое влияние. В.Н. Коковцов отмечал, что правительству было ясно, что руководящая роль в борьбе с ним в Государственной Думе принадлежит кадетской партии, «которая пользуется всеми крайними элементами, облекая в квази-парламентскую форму призывы к бунту»[2]. Поэтому разыграть террористический козырь, добившись от правительства существенных уступок, партии Народной свободы не удалось. «Может быть в том, что первая Дума отказалась выразить порицание политическим убийствам… лежала одна из причин, почему так мало жалели о том, что она была распущена… Это произвело огромное и неблагоприятное впечатление на народ», - говорил весной 1907 г. октябрист Г.Е. Рейн[3]. Во многом эта бескомпромиссная позиция не дала кадетам весной-летом 1906 г. получить портфели министров.

Для кадетской партии требование политической амнистии было связано с попытками добиться отмены смертной казни. В думском ответе на тронную речь они заявляли, что «страна жаждет полной политической амнистии», и настаивали на том, что «смертная казнь никогда и ни при каких условиях не может быть назначаема»[4]. Поэтому 18 мая 1906 г. в I Думе кадеты подняли вопрос об отмене смертной казни, внеся на рассмотрение соответствующий законопроект. В.А. Набоков объяснил, что законопроект вносится потому,

---

[1] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. С. 297-298.
[2] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. С. 188.
[3] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. СПб., 1907. Стб. 1928.
[4] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 15. Л. 12об-13.

что власть вопреки ожиданиям депутатов, выраженных в адресе царю, не приостановила смертные казни[1].

Смертная казнь представлялась депутатам местью и произволом со стороны власти, которая не могла остановить революционное движение и террор, являющийся следствием «зверства и казней» правительства[2].

19 июня 1906 г. в Думе обсуждался подготовленный комиссией законопроект об отмене смертной казни. Докладчик комиссии В.Д. Кузьмин-Караваев полагал, что смертная казнь не может сдержать политических убийств, поскольку они вызваны «безудержным применением смертной казни»[3]. Министр юстиции И.Г. Щегловитов выступил в Думе категорически против принятия законопроекта. С его точки зрения, «отмена смертной казни для политических преступлений при таких условиях была бы равносильна отказу государства всемерно защищать своих верных слуг» и приведет к увеличению террористических актов. По его мнению, законопроект, требовал серьезной проработки «окрепшего государственного порядка и установившегося успокоения в стране»[4]. Речь министра юстиции прерывалась криками: «довольно», «отставка». Главный военно-морской прокурор Н.Г. Матвеенко и главный военный прокурор В.П. Павлов завили, что отмена смертной казни не является своевременной мерой и не относится к компетенции Думы[5].

После обсуждения кадетского законопроекта об отмене смертной казни в тот же день с небольшими изменениями Дума его единогласно одобрила. После принятия законопроект поступил в Госсовет, но не был там поддержан. Отменить смертную казнь, как и провести амнистию Думе не удалось, так как она не столько хотела спасти или освободить заключенных, сколько показать свою силу и выиграть борьбу с правительством[6].

Таким образом, обсуждение проблемы террора, амнистии и смертной

---

[1] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Т.1. Стб. 422.
[2] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Т. 2. Стб. 906.
[3] Там же. Стб. 1471.
[4] Там же. Стб. 1479.
[5] Там же. Стб. 1482.
[6] Герье В. Первые шаги бывшей Государственной Думы. М., 1907. С. 119; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. С. 246.

казни стали основными в работе I Государственной думы. Как отмечала А.В. Тыркова-Вильямс, «кадеты и после Манифеста 17 октября продолжали оставаться в оппозиции. Они не сделали ни одной попытки для совместной с правительством работы в Государственной думе. Политическая логика на это указывала, но психологически это оказалось совершенно невозможно…»[1].

Конечно, правительству следовало бы подготовиться к обсуждению этих проблем на заседаниях Думы. Но тактика, избранная правительством Горемыкина в отношении народного представительства, по мнению В.И. Гурко, представляла собой «самый худший способ обращения с Государственной думой, а именно - полное пренебрежение к самому ее существованию»[2]. Неуступчивость И.Л. Горемыкина в проведении реформ заставила кадетов начать открытую критику правительства: «раз нас призывают к борьбе, - говорил Набоков, - раз нам говорят, что правительство является не исполнителем требований народного представительства, а их критиком и отрицателем, то, с точки зрения принципа народного представительства, мы можем сказать только одно: “Исполнительная власть да покорится власти законодательной”»[3].

Таким образом, для кадетов отношение к террору, смертной казни и амнистии было сугубо тактическим вопросом. Руководство партии находило политически выгодным и целесообразным постоянно ставить власть в положение обвиняемого[4]. Как отмечает А. Гейфман, «кадеты пытались внушить публике, что все убийства с политической целью совершались в ответ на зверства правительственных функционеров», но было общеизвестно, «что террорист «нового типа» считал любого правительственного чиновника вполне подходящей мишенью»[5].

В I Государственной Думе кадеты выступали с довольно жесткой критикой политики царского правительства. Вместе с тем они не отвергали попыток компромиссного соглашения с властью. При этом в качестве

---

[1] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 385.
[2] Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 549.
[3] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенограф. отчеты. Т.1. Стб. 326.
[4] Милюков П.Н. Год борьбы. С. 353.
[5] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. С. 299.

условий для сотрудничества кадеты называли обязательную и полную политическую амнистию и приостановку, а затем и отмену смертной казни.

В середине июня 1906 г. лидер кадетов П.Н. Милюков встречался с дворцовым комендантом Д.Ф. Треповым. Поводом для встречи было обсуждение возможности вхождения представителей партии в состав правительства. Среди условий подобного вхождения П.Н. Милюков включил требование амнистии, поскольку она вызовет перелом в общественном настроении. Д.Ф. Трепов ответил, что царь не помилует цареубийц[1].

Все это привело к появлению слухов о предстоящем кадетском правительстве. Даже Трепов их подтвердил в интервью корреспонденту агентства Рейтере: «Правительство Горемыкина не справляется. Союз думского центра и трудовиков будет разорван только тогда, когда центр будет призван к власти. Поэтому я считаю весьма желательным, чтобы новое министерство было образовано из членов думского центра. — То есть кадетов? — Да, из кадетов, ибо они сильнейшая партия в думе. Ни коалиционное министерство, ни министерство, взятое вне думы, не дадут стране успокоения...»[2].

Милюкову казалось, что «тактика единения с революцией» принесла плоды в виде готовности призвать к управлению кадетов[3]. Он счел, что Николай II принципиально согласился на кадетское правительство. Милюков в этих переговорах видел себя уже в роли премьер-министром[4]. По воспоминанию В.Н. Коковцова, в июне 1906 г. Николай II показал ему список правительства из кадетов, подданный Треповым. После этого министр финансов выступил резко против такого решения, поскольку тогда сам император «остается без всякой власти и без всякой возможности влиять на ход дел в стране, каковы бы ни были те меры, которые предложит такая исполнительная власть»[5].

Во время переговоров министра внутренних дел П.А. Столыпина в 1906 г. с представителями общественных круп о вхождении их в состав

---

[1] Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1. М., 1990. С. 378-380.
[2] Цит. по: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 330.
[3] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. С. 253.
[4] Там же. С. 267.
[5] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. С. 198.

правительства кадет Е.Г. Львов и октябрист Д.Н. Шипов в числе прочих условий предложили приостановить в стране смертную казнь, объявить амнистию всем политическим заключенным, кроме террористов и участников аграрных беспорядков[1]. Но министром внутренних дел было заявлено, что на отмену смертной казни царь никогда не пойдет, а по поводу амнистии – давления в этом вопросе Николай II не допустит[2].

В срыве переговоров о вхождении в кабинет министров либералов сыграла свою роль безусловная лояльность партии кадетов П.Н. Милюкова: общеизвестно, что «патриарх» кадетов И.И. Петрункевич был шокирован даже самой возможностью включения членов партии в треповско-столыпинские комбинации и выступал категорически против такого шага. Как отмечает А.А. Кара-Мурза, даже куда более умеренные представители либерального лагеря (Д.Н. Шипов, гр. П.А. Гейден, Н.Н. Львов, М.А. Стахович) «отвергли возможность войти тогда в правительство: отсутствие гарантий серьезного политического влияния создавало запредельные риски для репутации»[3].

П.А. Столыпин, по воспоминанию В.Н. Коковцова, говорил, что «все его попытки привлечь в состав правительства общественных деятелей, развалилось об их упорный отказ, так, как одно дело критиковать правительство и быть в безответственной оппозиции ему и совсем другое — идти на каторгу, под чужую критику, сознавая заранее, что всем все равно не угодишь, да и кружковская спайка гораздо приятнее, чем ответственная, всегда неблагодарная работа»[4].

Агрессивное поведение кадетов в I Думе и поддержка ими террористов, в конечном итоге, заставили правительство отказаться от идеи формирования кабинета с участием кадетов. Более того, по словам А.В. Тырковой-Вильямс,

---

[1] Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 258, 328.
[2] Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М., 2007. С. 190.
[3] Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из история русской политической мысли XIX-XX вв. М., 2009. С. 138-139.
[4] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. С. 208.

«страшный вопрос о терроре был одним из подводных камней, о которые разбилась Первая Дума», что сильно подорвало позиции кадетов[1].

По утверждению А. Гейфман, кадеты были осведомлены о том, что многие теракты «производилось людьми, нанятыми за деньги и совершенно не интересовавшимися политическими мотивами различных революционных комитетов, готовых платить за услуги»[2]. По рассказу П.А. Столыпина, П.Н. Милюков в ходе переговоров в июне 1906 г. говорил, что правительство с участием кадетов «определенно заявит революционным партиям, что они имеют такие-то и такие-то свободы, перейти границы которых правительство им не позволит. До сюда — и ни шагу дальше! А если революционное движение разрослось, то думское правительство не остановится перед принятием самых серьезных и решительных мер. Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства»[3].

Таким образом, становится очевидным, что желание кадетов отделить себя от правительства и одновременно поддержать революционное движение заставляло их «объявлять всех террористов вынужденными героями, возмущенными преступлениями властей»[4]. Но в случаи прихода кадетов к власти, они готовы были применять репрессии против террористов и отказаться от своих требований амнистии, отмены смертной казни и пр.

Конечно, среди кадетов были такие, кто явно не разделял двойственную позицию партии по отношению к терроризму. Многие правые члены конституционно-демократической партии были достаточно прочно инкорпорированы в существовавшую тогда социально-политическую систему. Поэтому они стремились не к слому системы, а лишь к перераспределению властных полномочий внутри нее. Такая «системная оппозиция» отрицательно относились к революции как методу борьбы и спокойно воспринимали возможность соглашения с властью. Эти настроения в январе 1907 г. выразил П.Б. Струве на страницах «Русской мысли», где

[1] Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. С. 283.
[2] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. С. 300.
[3] Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 78.
[4] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. С. 301.

утверждал: «...революция объективно завершилась», а «компромисс есть … нравственная основа общежития как такового»[1]. Другой правый кадет А.А. Кизеветтер считал необходимым избавиться от нерешительности и аморфности в отношении к революционному движению и настаивал на том, чтобы партия специальной резолюцией высказала свое осуждение действий «крайней партии», ее работы по организации вооруженных выступлений[2]. Жена Кизеветтера писала в своем дневнике: «Саша заявил, что если кадетская партия будет отмалчиваться, то он уйдет из нее»[3].

Следует подчеркнуть, что реальное разделение партии кадетов на «левых», «правых» и «центр» обозначилось только на IV съезде (24-28 сентября 1906 г.) в связи с обсуждением вопроса о тактике партии после роспуска I Государственной думы и Выборгского воззвания[4]. Несомненно, что Выборгское воззвание, по мнению кадетов, должно было спровоцировать население на борьбу, а революционеров на «эксцессы»[5] по причине того, что правительство «окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа»[6]. Этот же кадетский съезд осудил деятельность правительства П.А. Столыпина, которое, прикрываясь борьбой с анархией, своими действиями на самом деле само терроризирует население и нарушает права, дарованные Манифестом 17 октября. Делегаты критиковали учреждение военно-полевых судов, как попирающих правосудие и сделавших смертную казнь повседневным явлением, единогласно осужденным Думой. На правительство возлагалась вина на продолжающуюся в стране анархию и отсутствие возможности восстановления мира и порядка[7].

Стоит отметить, что кадетская печать долгое время осторожно симпатизировала террористам. Как отмечает В.Н. Коковцов, «Русские Ведомости», «Русское Слово» и, в особенности «Речь» совершенно открыто

---

[1] Струве П.Б. Из размышлений о русской революции // Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. М., 1997. С. 26, 29.
[2] Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. С. 88.
[3] Цит. по: Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. С. 88.
[4] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. С. 382.
[5] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. С. 312.
[6] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 423. Л. 19об.
[7] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. С. 385.

вели «осаду власти» и проповедовали, что настала пора «взять власть в руки народного представительства и только после этого может начаться настоящая законодательная работа, для которой нужно и правительство, ответственное перед палатою и руководимое ею»[1]. «В газетах этой партии никогда не было ни одного осуждения политических убийств. Убийц называют борцами за свободу, говорят что они герои», - указывал В.В. Шульгин весной 1907 г.[2]

Чаще всего либеральная пресса предпочитала уклоняться от прямой оценки конкретных терактов. Например, «Русские ведомости» упоминали лишь о ключевых покушениях – на Плеве и великого князя Сергея Александровича[3]. В то же время газета нещадно критиковала правительственный террор, называя его «неэффективным средством против революционного насилия»[4]. «Вестник Европы» также писал о терроризме осторожно: «Нас глубоко возмущает убийство полицейских и жандармских чинов, неизвестно кем и за что приговариваемых к смерти; но мы не можем примириться и с казнями, совершаемыми без следствия и суда…»[5].

При всей осторожности формулировок было очевидно, что прокадетская печать симпатизирует именно революционерам. Даже противник террора князь Е.Н. Трубецкой отмечал, что «грех правительства гораздо тяжелее и значительнее», чем грех террористов. Они «честнее в своем заблуждении» - они отрекаются от веры и не считают человеческую жизнь высшей ценностью, пояснял он. Правительство же лицемерно играет в христианство, посылая приговоренным священников, а затем отправляя людей на эшафот, возмущался Трубецкой[6].

«Речь» часто публиковала статьи о террористах, но гораздо чаще писала о правительственных репрессиях. Выступая за отмену смертной казни и призывая к амнистии, кадетская газета одновременно занималась оправданием террористов. «По своему историческому происхождению

---

[1] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. С. 166.
[2] Военно-полевые суды. Отчет Государственной Думы. СПб., 1907. С. 18-19.
[3] Русские ведомости. 1904. 17 июля; 1905. 5 февраля
[4] Русские ведомости. 1905. 28 декабря.
[5] Вестник Европы. 1906. Т. 1. Кн. 2. С. 776.
[6] Е.Т. [Трубецкой Е.Н.] Политические казни и убийства // Московский еженедельник. 1906. №4. С. 108-109

политический террор слева есть ответ на политический террор справа», - писала газета[1]. «Широкое применение смертной казни, превращение военного суда в обыкновенны не только не останавливает, а напротив, плодит политические убийства… чем сильнее будут репрессии, тем энергичнее будет месть», - утверждали корреспонденты газеты[2]. На несколько месяцев затянулось в газете обсуждение дела Марии Спиридоновой: в многочисленных статьях звучало сочувственное отношение к террористке и порицание ее мучителей[3].

Другой журнал либеральной направленности - «Русская мысль» - в своем отношении к терроризму прошел два этапа. На первом этапе, в 1901-1906 гг., когда главным редактором был В.А. Гольцев, издание мало писало о терроре, помещая лишь короткие заметки о смерти Сипягина, Плеве и великого князя Сергея Александровича – эти сообщения шли без каких-либо редакционных комментариев[4]. Журнал в этих случаях не осуждал теракты[5]. В то же время авторы издания критиковали приговоры боевикам, отмечая, что их следует судить на общих основаниях, без вмешательства исполнительной власти – иначе приговоры получаются слишком суровыми[6].

В 1906 г. статей о терроризме в журнале стало явно больше, причем террористов стали описывать в рамках мифа героя-революционера. Например, Степана Балмышева «Русская мысль» называла «героем», а террористов – «гордыми, непокорившимися» людьми, которые противостоят «подлым палачам»[7]. Причинами терроризма журнал называл вслед за думскими кадетами произвол властей. «Правительство заливает кровью несчастную страну», - возмущалось издание в разгар террористической кампании[8].

Только после взрыва дачи Столыпина на Аптекарском острове в журнале появились опасения, что терроризм вышел за партийные рамки, и

---

[1] Речь. 1906. 12 мая.
[2] Речь. 1906. 25 октября
[3] См.: Речь. 1906. 10 марта; 5 мая.
[4] Русская мысль. 1902. №5; 1904. №8; 1905. №3.
[5] Русская мысль. 1905. №3. С. 192.
[6] Русская мысль. 1904. №9. С. 209-216; 1905. №11. С. 243-244.
[7] Русская мысль. 1906. №1. С. 153-160; 1906. №3. С. 233.
[8] Русская мысль. 1906. №3. С. 233; №9. С. 190.

теперь «партизаны-дилетанты» убивают невинных людей. Человеческая жизнь перестала цениться, общество идет к «полному разложению и одичанию», отмечалось в статье о терроре[1]. Похожая позиция прозвучала в опубликованном в этом же журнале рассказе «Казнь», в котором говорилось, что террористы и власть ведут непримиримую борьбу, но жертвы с обеих сторон нелепы[2].

Таким образом, журнал «Русская мысль» в 1901-1906 гг. делал упор на рассмотрение причин террора, практически не выражал недовольство насилием и умалчивал о моральной ответственности экстремистов[3].

За 1906 г. число административно высланных определялось кадетами, как 35 тыс. человек. Самарский губернатор от 15 ноября 1906 г. сообщал главному тюремному управлению: «В самарской тюрьме 1107 заключенных. Нет места, белья, одежды. Прошу распоряжений о прекращении высылки в Самару каторжных…»[4]. Томский губернатор доносил, что «все тюрьмы в губернии переполнены»; в тульской губернской тюрьме к 15 декабря 1906 г. было до 500 политических заключенных[5]. Все это кадетская публицистика характеризовала следующим образом: «Так опустошала администрация ряды оппозиции, вылавливали из русского общества все прогрессивное и передовое»[6].

Исходя из всего вышеизложенного представляется крайне сомнительным тезис советской исследовательницы Н.Г. Думовой, которая писала, что «кадеты объявляли себя надклассовой, надсословной, «государственно мыслящей» партией», а «ядром их политической доктрины была идея государственности»[7]. Определенную идеализацию кадетов в современной историографии можно увидеть и в работе Л.В. Балтовского

---

[1] Русская мысль. 1906. №9. С. 191

[2] Петрович С. Казнь // Русская мысль. 1906. №8. С. 31-42.

[3] Портнягина Н.А. Политический терроризм в восприятии русской либеральной журналистики в начале XX века (на материалах журнала «Русская мысль») // Вестник славянских культур: научный и литературно-художественный альманах. №5-6. М., 2002. С. 71.

[4] Цит. по: Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ю Государственную Думу. Спб., 1907. С. 30.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 17.

«Милюков: ученый в политике», в которой автор пишет, что «и в самом деле, политическую стратегию и политическую тактику партии Народной свободы следует воспринимать исключительно как реформистские, со всеми возможными атрибутами, присущими такого рода политическому поведению: поисками социальных компромиссов, соглашательством с властью, постепенством и т.д.»[1]. Наверное, неслучайно петербургское «Слово» иронически писало о кадетах: «Кадетские вожди отказались от казавшейся им сомнительной самостоятельности по мирной борьбе за конституцию и сочли более выгодным сесть на хребет революционной гидры слева: вынесет-де она нас вождями в правовое государство, а потом разберемся и с ними»[2].

Таким образом, на протяжении 1906 г. в партии кадетов наблюдаются попытки выработать свою тактическую линию в изменившихся условиях революции. В вопросе террора кадеты фактически отказались поддержать действия власти против революционеров. Они, стремясь идти правовым путем, осудили военно-полевые суды как неконституционную меру со стороны правительства, в то же самое время на заседаниях I Думы отказались не только осудить политические убийства, но и потребовали амнистию для террористов, а также отменить смертную казнь.

§ 2. Терроризм и кадеты во II Государственной Думе

На выборах во II Думу кадетская партия получила 98 депутатских мандатов. Председателем II Думы был избран член ЦК кадетов Ф.А. Головин. Во II Думе кадеты вынуждены были уменьшить свои политические требования, решили не злоупотреблять запросами. Однако кадеты не решились пойти на прямое сотрудничество со Столыпиным, т.к. это означало отказ от собственной программы и тактики, потерю влияния в глазах общественности, поэтому они сохранили довольно резкий оппозиционный тон при обсуждении многих вопросов на заседаниях Думы[3].

---

[1] Балтовский Л.В. П.Н. Милюков: ученый в политике. СПб., 2008. С. 110.
[2] Слово. 1906. 6 (19) декабря.
[3] Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 247.

В начале 1907 г. кадетский ЦК решал вопрос о необходимости определить отношение партии к террору перед открытием II Думы. Большинство членов ЦК партии считало, что осуждение террора невозможно по политическим соображением, поскольку он является «неизбежным злом»[1]. Ф.И. Родичев настаивал: «Партия считает, что осуждение есть дело суда и суда присяжных, другого отношения нет и быть не может»[2].

На заседании ЦК кадетов 10 февраля 1907 г. при обсуждении вопроса, связанного с определением отношения к террору, ряд членов ЦК (Винавер, Якушкин, Петражицкий) предложили внести во II Думу законопроект об отмене военно-полевых судов и смертной казни. Но некоторые представители ЦК (например, Комиссаров) выдвинули встречное предложение – фактически осудить не только военно-полевые суды, но и террористов. Однако лидер партии П.Н. Милюков увидел в этом шаг, на который партия провоцируется правительством, и который она не может сделать[3]. Член ЦК Протопопов посчитал «невозможным осуждение террора». ЦК постановил, что необходимо выработать обязательное для фракции партийное решение по этому вопросу, с учетом того, что «при предложении осуждения террора таковое должно быть отвергнуто»[4]. Составление проекта резолюции с подробной мотивировкой было поручено М.М. Винаверу и В.М. Гессену.

Уже 17 февраля 1907 г. на заседании ЦК М.М. Винавер сделал сообщение по вопросу о политических убийствах. В нем говорилось, что если во время работы II Думы возникнет вопрос об осуждении политических убийств, то партия Народной Свободы должна заявить о неприменении тактики политических убийств для достижения своих целей. Политические убийства признавались порождением условий существующего политического строя, а их осуждение не остановит террористов[5]. Маклаков предложил принять резолюцию, «которая осуждала бы правительство и на него взваливала бы вину за политические убийства», но «…убийства

---

[1] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т.1. М., 1994. С. 176-177.
[2] Там же. С. 177.
[3] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 28. Л. 137-139.
[4] Там же. Л. 140.
[5] Там же. Л. 146-146об.

осудить, членам фракции предоставить полную свободу в Думе при обсуждении этого вопроса»[1]. В.М. Гессен высказал точку зрения, что «политические убийства – зло, но зло неизбежное при существующем положении вещей и при терроре правительственном»[2]. Поскольку при обсуждении вопроса в ЦК обнаружилась разница мировоззрений вопрос на баллотировку не ставился.

16 февраля 1907 г. в своем докладе на пленарном заседании ЦК П.Н. Милюков предполагал, «что правые, вероятно, потребуют от Думы осуждения революционного террора», но «такое провокационное предложение следует категорически отклонить»[3]. На заседаниях ЦК с парламентской фракцией (17, 18, 19 февраля 1907 г.) развернулась довольно острая полемика по докладу Милюкова. Правые кадеты (Струве, Маклаков) «считали возможным выступить в Думе с осуждением революционного террора»[4]. Однако основной партийной линией стала именно скрытая поддержка терроризма. В составе партии дисциплина мешала высказать открыто свое мнение против террора.

По докладу П.Н. Милюкова «о тактике партии» и по вопросу об амнистии «большинство собрания согласилось, что единственным правильным путем при возбуждении и постановке вопроса об амнистии будет обращение в той или иной форм к Верховной власти и приняло поправку В.Д. Набокова – в случае решения левых групп проводить вопрос об амнистии законодательным путем, – не идти против этого предложения, настаивать лично, после объяснения своей точки зрения, – на передачи законопроекта в комиссию и на обсуждении его в Думе по докладу комиссии. Инициативу постановки вопроса об амнистии в Думе не уступать левым группам, а оставить за Партией Народной Свободы»[5].

Таким образом, в рядах кадетов не было единства мнений по вопросу осуждения революционного терроризма. Среди правых кадетов было много тех (В.А. Маклаков, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков и др.), кто считал, что можно

---

[1] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 28. Л. 153.
[2] Там же.
[3] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. С. 257.
[4] Там же. С. 258.
[5] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 4. Л. 8; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 953. Л. 1-1об.

пойти навстречу правительству и осудить террор, предварительно обставив это рядом условий. Левые кадеты, наоборот, сочли необходимым отказаться от осуждения террора. П.Н. Милюков был против вынесения каких-либо формул по данному вопросу, как не входящему в компетенцию Думы[1]. В итоге на заседании 3 апреля большинство депутатов от партии кадетов приняло решение уклониться «от осуждения убийств по существу», а затем фракции удалось снять этот вопрос с обсуждения[2].

Кадетам удавалось лавировать и придерживаться на своей двойственной позиции в вопросе о терроре. Однако дебаты весной 1907 г. на эту тему на заседаниях II Думы показали, что кадеты не желали осудить революционный терроризм. В единодушии, с которым вся оппозиция, и социалисты и либералы, отказалась осудить террор, по выражению многолетнего члена кадетского ЦК А.В. Тырковой-Вильямс, «было что-то жуткое, нездоровое»[3].

После открытия заседаний II Думы кадеты стали подвергаться нападкам со стороны правых и умеренных либералов. И консерваторы, и октябристы, как отмечает А. Гейфман, «желая подорвать позиции своих ближайших политических противников слева, публично обвинили конституционных демократов в том, что они «потакают и учат» политическим убийствам с целью еще больше усилить революционную стихию»[4]. Положение кадетов осложнялось и тем, что умеренные либералы в Думе добивались прекращения деятельности военно-полевых судов и протестовали против политических убийств, откуда бы они ни исходили[5].

Законопроект о военно-полевых судах, действие которого критиковали кадеты, был разработан по указанию Николая II главным военным прокурором В.П. Павловым и министром юстиции И.Г. Щегловитовым. Основной причиной принятия законопроекта в порядке междумского законодательства в соответствии со ст. 87 Основных законов 1906 г. стало покушение на П.А. Столыпина 12 августа 1906 г.

---

[1] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т.1. С. 597, 618-619.
[2] Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1. М., 1990. С. 428.
[3] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 456.
[4] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894— 1917. С. 302.
[5] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 424.

Во II Думе дебаты о терроре и военно-полевых судах велись постоянно. Стоит отметить, правительству П.А. Столыпина было очевидно, что указ о военно-полевых судах не будет поддержан в Думе, поэтому оно даже не стало его вносить на рассмотрение. Поэтому согласно Основным законам 1906 г. их действие должно было автоматически прекратиться 20 апреля 1907 г. Иными словами, вопрос об отмене военно-полевых судов был решенным. Кроме того, сам Столыпин рассматривал введение военно-полевых судов как исключительный и временный шаг, не допустимый в качестве постоянного фактора в борьбе с революцией.

Тем не менее, кадеты желали обсудить правительственные репрессии, поэтому 9 марта 1907 г. они внесли законопроект «Об отмене высочайше утвержденного 19 августа 1906 г. положения Совета Министров об учреждении военно-полевых судов», не дожидаясь формального срока их отмены. «Безумная политика правительственного террора… толкает на путь террора революционного», - отмечал кадет В.М. Гессен[1]. Кадеты пытались поднять свой авторитет за счет демонстрации оппозиционности и использовали рассмотрение данного вопроса в целях укрепления собственных политических позиций и сглаживания противоречий с левым крылом Думы.

Вопрос о военно-полевых судах обсуждался Думой на заседаниях 12 и 13 марта 1907 г. Даже те либералы, которые осуждали террористов, выступали против военно-полевых судов. «Мы далеки от мысли оправдывать террористические акты; мы осуждаем насилие с той и с другой стороны», - указывал депутат-мирнообновленец В.К. Константинов, но тут заявлял, что военно-полевые суды вредны, они не успокоили страну «и общество не образумили»[2].

Профессор В.Д. Кузьмин-Караваев, представитель Партии демократических реформ, предпринял безуспешную попытку начать конструктивное обсуждение вопроса о насилии в российской политической

[1] Военно-полевые суды. Отчет Государственной Думы. С. 4, 7.
[2] Там же. С. 9.

жизни. Выступив против военно-полевых судов, поскольку они совершают массу ошибок и наказывают невинных, он в то же время заявил: «Я скажу, что решительным образом осуждаю убийства с левой стороны. Я осуждаю террор!»[1]. Однако сторонники такой точки зрения были явно в меньшинстве.

Оппозиция яркими красками рисовала перед страной «чудовище», воплотившее в себя беззаконие и произвол междумья[2]. «Поднимая вопрос о военно-полевых судах, - писал П.Н. Милюков, - Дума исполняет нравственный долг перед страной»[3]. Но он сам, как и большинство ЦК выступали против внесения законопроекта об отмене закона о военно-полевых судах; инициатива в этом вопросе принадлежала именно думской фракции кадетов. Таким образом, постановка вопроса о военно-полевых судах приобретала принципиальный характер: на этой почве кадетская фракция была готова дать бой правительству, рискуя и будущим Думы, и отношениями с ЦК собственной партии.

Позицию кадетов по этому вопросов предельно четко сформулировал докладчик от фракции кадетов В.А. Маклаков, заявив: «Я думаю, что это ошибочный путь – ударять по революции для ее прекращения. Я не менее, чем власть, хочу конца революции… Я скажу, что, ударяя по революции военно-полевыми судами, вы ударяете по нам, мирным гражданам, по всем тем, которые хотят суда и законности»[4]. В.А. Маклаков, выступая во II Думе 12 марта, также подчеркивал, что военно-полевые суды бьют по самой идее государства, права и закона.

Струве поддержал нападки Маклакова на военно-полевые суды. По его мнению, эти учреждения были не только незаконны, но и бесполезны: они понадобились не столько для умиротворения страны, законность в которой к тому времени уже удалось восстановить, сколько для тихих расправ с политическими оппонентами правительства[5].

Кадеты отказались осудить любые теракты революционеров. А.И. Шингарев возмущался, что правые «требуют невозможного для

---

[1] Военно-полевые суды. Отчет Государственной Думы. С. 93.
[2] Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. СПб., 1908. С. 85.
[3] Там же. С. 86.
[4] Государственная дума: Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. СПб., 1907. Стб. 389-390.
[5] Там же. Стб. 414-417.

Государственной Думы предложения». «Мы призваны обсуждать действия правительства», а не террористов, пояснял он[1]. Даже профессор В.Д. Кузьмин-Караваев, лично осуждавший убийства, присоединился к мнению, что Дума не вправе официально осуждать обе стороны конфликта, но исходил он из другой логической посылки: иначе «мы этим самым поставили бы правительство на одну доску с преступниками-террористами»[2]. «Какая разница между казнью по приговору военно-полевого суда и политическим убийством? Я этой разницы, по совести, не вижу», - указывал кадет Гессен, но затем в своей речи критиковал лишь военно-полевые суды, а к теме террора уже не возвращался[3].

В итоге думское большинство осудило репрессивные меры правительства против террористов, чем продемонстрировало, что во II Думе сторонников терроризма больше, чем его противников.

П.А. Столыпин, выступая в Думе 13 марта 1907 г. по вопросу о междумском законодательстве, которое было принято в порядке ст. 87 Основных законов 1906 г., включая указ о введении военно-полевых судов, подтвердил, что правительство не будет вносить этот указ на рассмотрение Думы и приостановит его применение до 20 апреля, то есть до окончания срока его действия. Премьер-министр считал военно-полевые суды жестокой мерой «необходимой обороны», и заявил, что государство обязано, находясь в опасности, принимать исключительные законы, «чтобы оградить себя от распада». Но подобные меры, по его мнению, могут носить только временный характер, поскольку их длительное применение может «отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом»[4]. Также на неоднократное требование Думы прекратить военно-полевые суды Столыпин призвал депутатов: «Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках палача»[5].

В ходе прений 12-13 марта по данному вопросу выявилось, что октябристы и близкие к ним депутаты требовали осуждения как

---

[1] Военно-полевые суды. Отчет Государственной Думы. С. 81.
[2] Там же. С. 94.
[3] Там же. С. 107.
[4] Государственная дума: Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. Стб. 514-516.
[5] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 459.

революционного, так и правительственного террора. Кадеты же осуждали смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами, но отказывались порицать террористов[1]. В ответ на противодействие кадетов 13 марта 42 правых и умеренных депутата выступили с заявлением «О выражении Государственной Думой порицания политическим убийствам и террору»[2]. По мнению Милюкова, предложение правых об «осуждении политических убийств» было «внесено с вполне сознательным расчетом – погубить Думу»[3]. Кадетской фракции удалось добиться снятия с повестки дня Думы предложения правых об обсуждении революционного террора.

Но вопрос о военно-полевых судах на этом не был закрыт. 30 марта 1907 г. в Думу был внесен запрос о действиях московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана, который отменил одно из решений военно-полевого суда, приговоривших четырех крестьян к бессрочным каторжным работам, и назначил суд в новом составе. В результате крестьяне были повешены. Суть запроса состояла в том, что в соответствии с законом приговоры военно-полевого суда обжалованию не подлежали и приводились в исполнение немедленно. Гершельман обвинялся в превышении власти.

Оратор от кадетов Маклаков громогласно заявлял: «Дума сделает этот запрос, сделает его в глубоком сознании, что это явное нарушение власти, сделанное… человеком, который стоит во главе управления… Если правительство отнесется к нему равнодушно, если правительство не даст нам удовлетворительного ответа, то, при всем своем миролюбии, я скажу, что после этого правительство не имеет нравственного права призывать к уважению и суда и закона»[4]. Правительство пыталось защитить Гершельмана. Товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров говорил, что постановление первого суда не имело законной силы; военный министр добавил, что Гершельман в других случаях утверждал и оправдательные и иные приговоры к разным срокам[5].

---

[1] Государственная дума: Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. Стб. 354-525.
[2] Там же. Стб. 526-528.
[3] Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. С. 221.
[4] Государственная дума: Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. Стб. 1590-1591.
[5] Там же. Стб. 2294-2297.

Аргументы защиты были слабыми, поскольку согласно закону никто не имел права проверять, имеет ли решение военно-полевого суда законную силу или нет; его приговоры должны были приводиться в исполнение немедленно. В ответной речи кадет Маклаков обратил внимание, что сами чиновники показывают, что в каких-то случаях приговоры военно-полевых судов могли быть незаконными[1].

Правые и премьер-министр поставили перед кадетами сложный вопрос об отношении к политическим убийствам. Даже лидер кадетов Милюков признавал, что со стороны Столыпина это требование было не провокацией, а «условием продолжения его собственной политики» под давлением справа[2]. Кадеты прекрасно понимали, что если Дума примет резолюцию с осуждением революционного террора, то это будет воспринято правительством как одобрение военно-полевых судов.

17 апреля в Думу было внесено предложение «принять немедленно без прений закон об отмене военно-полевых судов», хотя этот вопрос даже не стоял в повестке дня. Дума, несмотря на протест Стаховича и министров, что они не были уведомлены, приняла данный закон. 2 мая принятый законопроект стал на обсуждение в Государственном совете, который ввиду допущенных формальных нарушений его отверг, даже не сдавая в комиссию для проработки[3].

Добиться осуждения терроризма во II Думе можно было с помощью умеренной ее части и кадетов, составлявших, по подсчетам С.Б. Павлова, 43% депутатского корпуса[4]. Поэтому Столыпин попытался склонить кадетов на свою сторону сначала с помощью посредников, а потом и в личной встрече с П.Н. Милюковым, специально приглашенным для беседы в Зимний дворец. Но кадеты полностью и до конца сохраняли свое лицо оппозиции власти, даже когда ее действия повторяли партийную программу кадетов. Милюков не верил в возможность чисто либерального воздействия на власть.

---

[1] Государственная дума: Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. Стб. 2303.
[2] Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 423.
[3] Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 147-148.
[4] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905-1907. М., 2008. С. 598.

Он считал, что левая революционная угроза может стать серьезным инструментом эволюции режима[1]. Отсюда знаменитая кадетская формула: «слева у нас врагов нет»[2]. Милюков полагал, что правительство – «враждебный лагерь», который руководствуется положением – «у «вас» - бомбы, у нас – виселицы и расстрелы; не хотите виселиц – будут погромы; не хотите суда военно-полевого, будет суд Линча…»[3].

Переговоры с П.А. Столыпиным о легализации кадетской партии и сохранение II Думы взамен за осуждение революционного террора усугубляли ситуацию для кадетов. Милюков должен был опубликовать в партийной газете «Речь» статью с осуждением политических убийств, но после разговора с Петрункевичом, который был категорически против подобной уступки, мотивировав это тем, что «Вы губите собственную репутацию, а за собой потянете и всю партию», отказался печатать статью[4]. Маклаков так объяснил позицию кадетов: «Мы политические убийства не осудили потому, что думали, что эти осуждения скроют от глаз народа их настоящую причину. Мы считаем, что это наше горе, которое только в России есть, и это горе питается условиями русской жизни… Мы думали, что осудить политические убийства – это значило дать повод власти думать, что она права»[5]. «Осуждение террора было бы в то время, - писал впоследствии Милюков, - политическим актом поддержки правительства, а такая поддержка шла вразрез с намерениями партии»[6].

Позиция лидеров партии в отношении терроризма находила отражение и в партийной печати. Теракты против государственных служащих газета «Речь» оставляла без комментариев. Кадетская периодика героизировала террористов. Имя М.А. Спиридоновой, по мнению либеральных публицистов, стало символом самопожертвования. К нему «точно стянулась вся громада мучительных, неизгладимых переживаний, через которые идет

---

[1] Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из история русской политической мысли XIX-XX вв. С. 137.
[2] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. М., 1985. С. 162.
[3] Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. С. 90.
[4] Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. С. 340-342.
[5] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 277.
[6] Цит. по: Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. С. 46.

наша родина… Радость подвига, радость мученичества. У Спиридоновой, у людей ее закала вера в цель сливается с такой же послушной верой в средство. В этом слиянии заложен источник незыблемой стойкости и несокрушимой силы»[1]. Хотя следует отметить, что кадеты называли политические убийства «ужасным социальным злом, развращающим правосознание народа», положить конец которому может только амнистия[2].

Уже в 1907 г. кадетская «Речь» указывала, что «нормальные люди» сочувствовать таким актам не могут, но при этом газета подчеркивала, что партия «никогда не позволяла себе ругаться над террористами и не позволит этого и впредь». Виновником терроризма либеральные публицисты все равно возлагали на правительство, но теракты осознавались как «общественное зло», поскольку воспитывает равнодушие к человеческой жизни: «Тускнеет и гаснет правовое сознание, …около простой заповеди "не убий" — нарастает отвратительная короста оговорок, оправданий и выкручиваний»[3]. «Речь» предлагала программу борьбы с терроризмом: построение демократического государства, проведение необходимых либеральных реформ для пробуждения общественного самосознания и устранения раскола между властью и обществом[4].

Двойственность в отношении терроризма со стороны кадетов, когда они «за государством … отрицали право убивать, а революционеров за бессудные убийства осудить не хотели», была очевидна и не раз критиковалась более умеренными партиями. Часть кадетов осознала это «губительное противоречие, правовое и моральное», лишь в эмиграции[5]. Например, в 1907 г. А.В. Тыркова-Вильямс воспринимала Столыпина как премьера-палача, «министра военно-полевых судов». Но в 1917 г. она уже меняет свою позицию, полагая, что для борьбы с революционным террором было достаточно военных судов и смертной казни. Тыркова-Вильямс стала утверждать, что только государство может карать и совершать насилие. Столыпин этим правом воспользовался, так как сломить революцию и

[1] Вергежский А. Горе матерей // Речь. 1906. 10 марта.
[2] Речь. 1906. 3 мая.
[3] Вергежский А. Безумие // Речь. 1907. 23 мая.
[4] Изгоев А.С. Убийства, разбои и грабежи // Речь. 1907. 6 апреля.
[5] Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. С. 278.

умиротворить страну без военно-полевых судов было невозможно, и правительство было право, указывая в Манифесте 3 июня 1907 г., что Дума не оказала правительству моральной поддержки[1].

Стоит отметить, что II Дума соблюдала рамки приличия и открыто кадеты не выражали удовольствия по поводу убийств. В апреле 1907 г., вскоре после того как было задержано 28 человек в связи с подготовкой покушения на Николая II, Дума приняла заявление, где выразила «живейшую радость» в связи с раскрытием заговора против императора и сообщила, что относится «с глубоким негодованием к обнаруженному преступному замыслу»[2]. Впрочем, левые в зале заседания отсутствовали, поэтому заявление было принято без какой-либо критики.

Во II Государственной Думе кадетам весной 1907 г. в течение двух месяцев удавалось противодействовать дебатам о революционном терроре и стремлениям вынести резолюцию с его осуждением[3]. На заседаниях 19 марта, 6, 9, 12, 30 апреля, 1, 10, 11 мая 1907 г. кадетам удавалось добиться снятия обсуждения о терроре с рассмотрений заседаний Думы. Раз за разом они голосовали за то, чтобы отложить дебаты о революционных убийствах.

Наконец, вопрос о терроре был поднят в Думе 15 мая 1907 г., когда группа из 38 правых депутатов потребовала обсудить заявление о выражении порицания политическим убийствам и террору – данная инициатива была озвучена еще в марте, когда Дума обсуждала военно-полевые суды. За осуждение террора выступил съезд октябристов, в Думу поступили и другие ходатайства[4].

Депутат В.В. Небовидов тут же выступил против обсуждения, поскольку, по его словам, «придется в данном случае писать воззвание к мертвецам», поскольку состоявшиеся террористы погибли или казнены, а

---

[1] Горяйнов С.Г. Эволюция политических взглядов А.В. Тырковой-Вильямс // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 343.

[2] Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. Стенографические отчеты. Т. 2. Стб. 197-199.

[3] Леонов М.И. «Заговор против императора» и II Государственная Дума // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара, 2009. №7 (73). С. 75.

[4] Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. Стенограф. отчеты. Т.2. Стб. 600.

будущие пока неизвестны. «Государственная Дума не митинг и составление резолюции не соответствует самой идее законодательного учреждения», - применил он проверенный кадетский аргумент. «Если правительство, которое располагает миллионами штыков, кадрами жандармов, не смогло справиться с ненормальным явлением русской жизни, то что же могут сделать 500 народных представителей?» - спрашивал депутат[1].

Казанский депутат М.Я. Капустин возражал – нельзя осуждать насилие лишь со стороны правительства: «Не всегда ли ужасно, когда насильственно гибнут люди, когда споры, различные политические взгляды разрешаются силою взрывов бомб и проч.?» Капустин обвинил коллег-парламентариев в трусости. «Когда здесь говорят: молчание – знак согласия, неужели же молчание можно одобрить ужасы политических убийств, насилий и грабежа во имя идей свободы?» – указывал он. Приводил депутат от октябристов и вполне разумный аргумент: если Дума не поведет борьбу с терроризмом, верховная власть в ответ заблокирует все попытки отменить смертную казнь[2].

Кадеты были против нового обсуждение поднятого вопроса, поскольку им было не выгодно открыто демонстрировать свою позицию по террору. Трудовики предложили применить к вопросу осуждения террора §97 Наказа, т.е. о признании его не подлежащим рассмотрению Думы. Октябрист Капустин был против, говоря «всей душой сочувствуя таким мероприятиям, как отмена смертной казни, как отмена всех тягостей военных положений, усиленных охран и т.д., я думаю, что пора иметь смелость не уклоняться, а вынести ту или другую резолюцию и решить отношение к политическим убийствам. Не сделав этого, это будет такое постановление, которое роняет Государственную думу в нравственном смысле, роняет в глазах большого количества русского населения»[3].

---

[1] Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. Стенограф. отчеты. Т.2. Стб. 601-602.
[2] Там же. Стб. 603-604.
[3] Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. С. 279.

Кадеты официально объявили о своем решительном и безоговорочном отказе голосовать за резолюцию «о порицании убийств, террора и насилий»[1]. По результатам голосования Дума стараниями кадетов отказалась осудить террор, признав вопрос неподлежащим рассмотрению парламентом[2]. Такой отказ можно было понять как, по словам епископа Платона, «акт общего благословения со стороны Думы политическим убийствам и террору»[3].

17 мая 1907 г., на 40-м заседании Думы, новые попытки добиться осуждения революционного террора вновь наткнулись на активное сопротивление кадетов. Министр юстиции Щегловитов и товарищ министра внутренних дел Макаров давали объяснения по запросу об истязаниях заключенных в тюрьмах Прибалтийского края и, не отрицая незаконных действий надзирателей, указывали, что они были обусловлены «кровавым возмутительным бредом, раздирающим нашу родину»[4]. В ответ депутат Карташев уверенно заявлял, что если бы правительство прекратило казни, то «террор слева сам собой давно бы погас». Оправдывая террористов, Л.В. Карташев отмечал, что эти «мученики» начинали с мирных средств борьбы. «Эти возвышенные люди, эти честнейшие и самоотверженнейшие представители нашей страны пришли к сознанию необходимости, как им казалось, террористического пути для борьбы за свои идеи», - указывал депутат. «Правительство на террористические акты совершенно беззастенчиво, нагло отвечает самым необузданным террором, оно ставит себя в одинаковые условия, на одну доску с террористами», чем «совершенно подрывает свой моральный авторитет», продолжал он. «Пусть оно откажется от излюбленной системы чрезвычайных положений, пусть прекратит свой террор и месть, и я уверен, что нам больше не придется здесь чуть не каждый день говорить о терроре», - заключал кадетский оратор[5]. О.Я. Пергамент также отмечал, что власть, усваивавшая террористические методы,

---

[1] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.2. Стб. 608-610.
[2] Там же. Стб. 610.
[3] Там же. Стб. 644.
[4] Гессен И.В. В двух веках. Жизненный очерк // Архив русской революции. В 22 т. Т. 22. М., 1993. С. 243.
[5] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.2. Стб. 747-749.

дискредитировала себя – это уже не власть, а «обыкновенная воюющая сторона»[1].

В результате формула перехода, предложенная левами и содержавшая осуждение действий правительства, но умалчивавшая о терроре, с поддержкой кадетов при голосовании была принята.

Оппозиционные и правые депутаты использовали в споре о терроре повторяющиеся аргументы: кадеты уверяли, что правительство своей жестокостью вынудило революционеров взяться за оружие, а консерваторы утверждали, что это власть вынуждена обороняться военно-полевыми судами от террористов-убийц. И хотя обе позиции были однобоки, но в I и II Думе большинство мандатов было у оппозиции, поэтому оправдываться приходилось не сторонникам террора, а сторонникам правительственных репрессий.

В целом отношение кадетов к терроризму не менялось весь период работы I и II Думы: они отказывались осудить террор и защищали всеми силами героический образ русского террориста. Считая, что террор «питается условиями русской жизни», кадеты предпочитали блокироваться с революционерами, а не правительством. Революционная угроза могла заставить власть пойти на уступки, считали они[2]. По-видимому, правы были «Московские ведомости», писавшие: «Кадеты, как тайные революционеры, не могли голосовать против террора, не могли осудить своих собственных союзников»[3].

Несмотря на все давление Столыпина, заседавшие во II Думе кадеты категорически отвергли принятие резолюции, осуждающей революционный террор. Более того, лейтмотивом их выступлений на заседаниях Думы была «всеобщая амнистия», что на практике подразумевало амнистирование именно террористов[4]. Когда же стало очевидным, что закона об амнистии не будет, Дума стала вносить в правительство запросы по поводу всех смертных

---

[1] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.2. Стб. 764.
[2] Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 351.
[3] Московские ведомости. 1907. 17 мая.
[4] Милюков П.Н. Три попытки. С. 47; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 434-436, 440-441.

приговоров и требовала отмены их исполнения или приостановки их исполнения до решения Думы по каждому отдельному случаю[1]. Милюков опасался, что если кадетская фракция поддержит «осуждение террора» в Думе, то она перестанет быть «крупным фактором русского освободительного движения»[2].

Кадеты полагали, что радикализация политической жизни России и усиление угрозы новой революции могли заставить власть идти на уступки. Лидеры партии не решались открыто солидаризироваться с террористами, поскольку боялись скомпрометировать себя в глазах общества, оказавшись хоть в чем-то лояльным союзником существующего строя. По словам А.В. Тырковой-Вильямс, «очень уж были обострены отношения между властью и общественным мнением. Одно появление Столыпина на думской трибуне сразу вызывало кипение враждебных чувств, отметало всякую возможность соглашения»[3].

Позиция кадетов по вопросам амнистии и смертной казни, их риторика, используемая для характеристики террористов, а также настойчивый и систематический отказ осудить революционный терроризм нанесли определенный ущерб кадетам. Поддержка ими террористической деятельности явилась причиной раскола в самой партии, что привело к потери части сторонников. С другой стороны, кадеты получали поддержку у радикально настроенных элементов.

Когда во II Думе развернулась дискуссия по вопросу привлечения к суду 16 социал-демократов, обвиненных в военном заговоре, левые кадеты, так же как и председатель Думы Ф.А. Головин, рассматривали эту санкцию как заговор против Думы. На заседании 7 мая 1907 г. рассматривался запрос социал-демократов о незаконности обыска квартиры депутата Озола. Присутствовавший на заседании Столыпин попросил немедленно слова и в качестве предварительного своего разъяснения, заявил, что «сведения, проникшие в печать, относятся к обнаруженному сообществу,

---

[1] Афанасьев Л.С. Российская трагедия. Высокие жертвы российского террора: заметки для молодежи. Орел, 2012. С. 29.
[2] Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. С. 104-105.
[3] Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 1998. С. 345.

образовавшемуся с целью совершения преступных посягательств как на императора, так на великого князя Николая Николаевича и других высших должностных лиц»[1]. Также он отметил, что «имеются неопровержимые сведения о существовании военно-революционной организации, и не его вина, что в ней участвуют члены Государственной Думы»[2]. После разъяснений Столыпина была принята формула перехода к очередным делам, осуждавшие готовившиеся посягательства.

Для детального изучения вопроса была создана думская комиссия в составе Тесленко, Маклакова, Кузьминым-Караваева и Кизеветтера. Лидер кадетов П.Н. Милюков заявлял: «Мы защищаем Думу и выдаем виновных»[3]. Но комиссия не располагала достаточными доказательствами по обвинению социал-демократов в заговоре (на чем настаивал Столыпин) и не завершила вовремя своей работы, что послужило поводом для роспуска II Думы[4].

Также во II Думе рассматривался законопроект о политической амнистии, внесенный 24 мая трудовиками. Было ясно, что это демонстративный шаг, оправдание перед избирателями. Но 28 мая Дума начала обсуждать проект по существу. Против проекта трудовиков выступило правительство, заявив, что «законопроект об амнистии по силе основных государственных законов» не подлежит обсуждению Думы[5]. Кадеты, пытаясь сохранить II Думу, предложили передать законопроект в комиссию на предмет выяснения юридической правомочности Думы рассматривать подобные законопроекты. Так, выступавший от имени кадетской фракции Маклаков заявил, что «тот путь, который избрали подписавшие законопроект об амнистии, не только бесполезный, но и пагубный путь, пагубный не только для Думы, но и для самой амнистии»[6]. Трудовики поддержали предложение кадетов. Но 3 июня 1907 г. Николай II все же распустил II Думу и изменил избирательный закон. В Манифесте о

---

[1] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. С. 267-268.
[2] Там же. С. 269-270.
[3] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1. Л. 69, 108.
[4] Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. С. 90.
[5] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.2. Стб. 1300.
[6] Там же. 1301-1302.

роспуске Думы было указано: «Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству…»[1]. Пророчески прозвучали слова октябриста М.А. Стаховича: «Помните, господа, что если Государственная дума не осудит политических убийств, то она совершит его – над собою»[2].

Неслучайно опасность экстремизма осознавали многие представители либеральной интеллигенции, но лишь по мере угасания «революционного пожара». Кадет Н.Ф. Езерский отмечал, что «с анархией в области мысли последовала анархия поступков». «Все смешалось: самые старые установленные воззрения на добро и зло, - писал Езерский, - на дозволенное и недозволенное, а политическая борьба, обостряясь, вела к актам, которые, противореча унаследованным нравственным чувствам, оправдывались политической необходимостью»[3]. Как указывал П.А. Извольский, отказывая в своем сотрудничестве Столыпину, либералы «делали серьезную ошибку и показывали, насколько несовершенны еще политические партии в России, подчиняющиеся влиянию преходящих страстей»[4].

Стоит отметить, что отношение кадетов к терроризму определялось политическими взглядами того, кто совершал теракт. Они отмечали, что серьезная опасность исходит монархических организаций и обществ (например, «Союза русского народа»). Кадеты неоднократно обвиняли монархистов в «черносотенстве» и в намерении бороться против оппозиции с помощью политических убийств. Как отмечает А. Гейфман, «такие попытки, в отличие от попыток, исходивших из революционного лагеря, кадетская партия резко осуждала»[5]. Поэтому не случайно черносотенцы избрали объектами индивидуального террора представителей либерального течения.

Монархист Шульгин открыто заявлял, что на виселицу должны были отправляться «интеллектуальные убийцы, подстрекатели, умственные силы революции», а не «несчастные маньяки, которых посылают на убийства

---

[1] Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. С. 283.
[2] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.2. Стб. 756.
[3] Езерский Н.Ф. Культура и революция // Московский еженедельник. 1907. №18. С. 18.
[4] Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 136.
[5] Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. С. 301.

другие люди»[1]. Кадеты объявлялись учителями и руководителями «той смуты, которая ведет на казнь террористов»[2].

Известно, что нападению черносотенцев подвергся лидер кадетов П.Н. Милюков. Но, как указывает С.А. Степанов, наиболее нашумевшими терактами черносотенцев «были убийства двух членов ЦК кадетской партии — М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса»[3].

Обе жертвы олицетворяли для черносотенцев ненавистного врага: они были либералами, бывшими депутатами «мятежной» I Государственной думы, подписавшими Выборгское воззвание, и евреями. Профессор Герценштейн вызвал особенный гнев крайне правых своими выступлениями по аграрному вопросу. 18 июля 1906 г. он был убит в курортном местечке Териоки[4]. Убийство совершила боевая дружина при Главном совете «Союза русского народа»[5]. Владимирский губернский комитет партии Народной свободы был «глубоко возмущен гнусным убийством Михаила Яковлевича Герценштейна»[6]. Как отмечалось в его обращении, «это позорное убийство является логическим завершение этой гнусной травли, которой покойный подвергался со стороны реакционной печати», и комитет бы уверен, что «общественное мнение должным образом заклеймит, как убийц, так и подстрекателей»[7].

Благодаря самостоятельному кадетскому расследованию стали известны обстоятельства убийства Герценштейна. Но официальные власти сделали все возможное, чтобы остановить скандальные разоблачения. Осужденные судом по данному делу А.В. Половнев и Н.М. Юскевич-Красовский в декабре 1909 г. были помилованы царем[8].

Таким образом, можно заключить, что в поведении кадетов была двойственность. За государством и правыми они отрицали право убивать, а

---

[1] Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. С. 177.
[2] Там же. С. 178.
[3] Степанов С.А. Черносотенный террор 1905-1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России (XIX - начало XX вв.): Материалы конференции. М., 1996. С. 118-124.
[4] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. С. 244.
[5] Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 150.
[6] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
[7] Там же.
[8] Русские ведомости. 1909. 31 декабря.

революционеров за бессудные убийства осудить не хотели[1]. Кадеты не смогли осудить политическое насилие – отчасти потому, что с помощью угроз можно было давить на правительство, а отчасти опасаясь отпугнуть своих радикальных приверженцев. Кадеты всегда активно говорили о правительственных репрессиях и терроре, стремясь использовать тему политического насилия для усиления своей позиции в парламентской борьбе.

В.А. Маклаков выдвинул идею о том, что кадеты, вступив в союз с революцией, изменили либерализму. П.Н. Милюков напротив пытался доказать, что «союз» кадетов с революцией был вынужденным. По его убеждению, власть сама отвергла все старания кадетов предотвратить революционную катастрофу.

В I и II Думах кадеты выступали за полную политическую амнистию, отмену смертной казни и военно-полевых судов. Но ни в I, ни во II Думах кадеты не осудили терроризм, оправдываясь его тем, что он является лишь ответом на репрессии власти и будет прекращен после проведения либеральных реформ. Во II Думе при обсуждении военно-полевых судов кадеты вновь продемонстрировали, что в большей степени разделяют идеологию террористов, чем власти.

Кадеты считали основной причиной терроризма неправомерные действия правительства, которое, декларируя приверженность закону, постоянно его нарушало. Военно-полевые суды, с точки зрения Столыпина, были самозащитой государства, а, с точки зрения «демократических» либералов, подрывали законность и основы государства.

Формально кадеты не принимали активного участия в терроре, но фактически его поддерживали и оправдывали, брали под защиту активных террористов, осуждали в печати и с трибуны Государственной Думы жесткие меры правительства по обузданию террора. Кадеты постоянно запугивали правительство терактами, добиваясь дальнейших уступок. Подобная тактика привела к тому, что они не пошли на сотрудничество с властью и в результате не получили возможность реализовать свои реформистские проекты.

---

[1] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 424.

§ 3. Революционный терроризм и конституционно-демократическая партия в период третьеиюньской монархии

После того как II Дума была распущена, партия кадетов оказалась сильно ослабленной и серьезной поддержки в вопросе террора уже не оказывала, делая акцент на мирные способы борьбы за власть. Но кадеты были убеждены, что правительство 3 июня 1907 г. нарушило Основные Законы 1906 г.[1] Однако, они, как отмечал В.В. Шелохаев, в отличие от октябристов «отрицали право монарха нарушить этот закон»[2]. В.Н. Коковцов писал, что П.А. Столыпин «немало боролся с самим собою, прежде, нежели он решился встать на путь пересмотра избирательного закона … и сделал это исключительно во имя сохранения идеи народного представительства, хотя бы ценою такого явного отступления от закона»[3].

В условиях третьеиюньской политической системы основным вектором тактики кадетов, по выражению В.В. Шелохаева, «было вынужденное приспособление к столыпинскому правительственному курсу»[4]. В III Думу кадетам удалось провести всего лишь 54 депутата. Они уже не спешили с внесением на рассмотрение Думы собственных законопроектов, понимая, что те обречены на провал.

Вместе с тем кадетская фракция продолжала выступать в III Думе с довольно резкой критикой внутриполитического курса правительства П.А. Столыпина за предлагаемые им «хирургические» методы борьбы с революционным движением. Лидер кадетов П.Н. Милюков призывал власть приступить к «правильному лечению диетой», т.е. к реформам[5]. Кадеты, по оценке В.Н. Коковцова, доказывали «по всякому подходящему и неподходящему поводу, что правительство действует неправильно, игнорирует народные интересы, ограничивает права народного

---

[1] Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. СПб., 1912. С. 215.

[2] Шелохаев В.В. Идеологическая и политическая организация российской либеральной буржуазии: 1907-1914. М., 1991. С. 26.

[3] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. Т. 1. С. 259.

[4] Шелохаев В.В. Кадеты // Политические партии России: история и современность. С. 162.

[5] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, 1907-1908. Сессия I. Часть I. Спб, 1908. Стб. 3607.

представительства, живет интересами давнего дня и неспособно подняться на высоту самого элементарного предвидения будущего, занимаясь исключительно охраною своего собственного положения, отвоеванного от действительного представительства народа»[1].

В III Думе кадеты вновь выдвинули на первый план законопроект «об отмене смертной казни»[2]. На заседании Думы 20 декабря 1908 г. Милюков, выступая по вопросу о порядке дня, предложил от имени фракции народной свободы Государственной Думе осудить смертную казнь и для этого принять следующий переход к очередным делам: «Выражая негодование по поводу все увеличивающегося числа смертных приговоров и казней, достигающих в последние дни беспримерного размера, притупляющих нравственное чувство страны и уничтожающих честь и достоинство России как цивилизованного государства, - Государственная Дума переходит к очередным делам». Такое предложение Милюкова вызвало шум негодования большинства членов Думы»[3]. После этого Милюков заявил: «Ввиду того, что большинство Государственной Думы не присоединилось к чувству возмущения, охватившему фракцию народной свободы, я заявляю от имени фракции народной свободы, что она покидает зал заседания, так как она больше не может спокойно участвовать в занятиях»[4].

После выхода из зала заседания единомышленников Милюкова, выступивший на трибуну член Государственной Думы А.И. Гучков заявил, что голосовавшие против предложения партии народной свободы увидели в предложении Милюкова знакомый маневр выражения сочувствия тем террористическим актам, которые в данном случае нашли себе суровую, но законную оценку[5].

Также в III Думе возобновились начатые во II Думе прения о военно-полевых судах. Оппозиция, по воспоминаниям А.В. Тырковой-Вильямс,

---

[1] Коковцов В.Н. Из моего прошлого 1903-1919 гг. В 2 т. Т. 1. С. 291-292.
[2] Милюков П.Н. Третья Государственная Дума и деятельность в ней фракции Народной свободы. Спб., 1909. С. 36-37.
[3] Справка Департамента полиции на П.Н. Милюкова (апрель 1913 г.) // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 554-555.
[4] Там же. С. 555.
[5] Там же.

«указывала, что страна достаточно успокоилась, что необходимо перейти к нормальному правосудию, прекратить чрезвычайные суды», но «осудить революционные преступления оппозиция все не решалась»[1]. По поводу военно-полевых судов Родичев произнес одну из своих лучших речей. Он говорил, что «власть не должна держаться на страхе, что это доказательство ее слабости, а не силы, что казни роняют моральный авторитет суда и правительства»[2]. Но в ответ октябристы и консерваторы, обвиняя в терроре левых, подчеркивали, что в данной ситуации невозможно отказаться от смертной казни: «пусть убийцы покажут пример и перестанут убивать»[3].

Кадеты вместе с левыми фракциями настаивали на отмене смертной казни за политические преступления против власти, намереваясь тем самым продемонстрировать, что они продолжают поддерживать революционеров. На заседании Думы 8 февраля 1908 г. товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров говорил, что «правительство призывало еще 2-ю Думу к порицанию грабежей, разбоев и террора; просьбы правительства были тщетны»[4]. Но октябристам в III Думе удалось добиться осуждения террора. В ответ на это кадеты вносили заявление об отмене смертной казни в январе 1909 г. и в связи со смертью Л.Н. Толстого в ноябре 1910 г.[5]

Проблема террора обсуждалась в III Думе каждый раз, когда поднимался вопрос о «провокации». Кадеты безусловно осуждали провокацию, считая, что этот метод только способствует террору[6]. Октябристы, настаивая на необходимости борьбы с террором, полагали, что правительство должно использовать только законные методы[7].

В советской историографии под провокатором понимался тайный агент, действующий путем провокации. В ней закрепилась позиция революционеров, что провокация – деятельность «тайных агентов полиции,

---

[1] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 476-477.
[2] Там же. С. 477.
[3] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, 1907-1908. Сессия I. Часть II. Спб, 1908. Стб. 2505, 2655.
[4] Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. С. 265.
[5] Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия. С. 268.
[6] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, 1907-1908. Сессия I. Часть I. Стб. 1961-1970.
[7] Там же. Стб. 1978.

проникших в революционные организации с целью вызвать такие выступления революционеров», которые могут повлечь разгром этих организаций[1]. По мнению же министра внутренних дел П.А. Столыпина, «почти каждый революционер, который улавливается в преступных деяниях, обычно заявляет, что лицо, которое на него донесло, само провоцировало его на преступление». С другой стороны провокация – «акт настолько преступный, что для революции не безвыгодно, с точки зрения общественной оценки, подвести под это понятие действия каждого лица, соприкасающегося с полицией». Министр совершенно справедливо отмечал, что нельзя говорить о провоцировании на совершение терактов «таких лиц, как Гершуни, Гоц, Савинков, Каляев, Швейцер и др.»[2].

Социал-демократы в запросе министру внутренних дел от 20 января 1909 г. по поводу участия и руководства терактами агента Департамента полиции Е.Ф. Азефа обвинили правительство в «преступной провокационной деятельности» в целях оправдания исключительных положений. Страной, по их мнению, «правит не правительство, а провокация»[3].

Выступая при обсуждении запроса по «делу Азефа», Маклаков обрушился на правительство с резкой критикой на правительство, указывая на его антиправовые, антигосударственные действия. Он говорил, что использование и защита провокации подрывали основы правопорядка и государственности. Подойдите к использованию провокации «не с точки зрения ведомства, не с точки зрения борющейся стороны, - обращался к Столыпину Маклаков, - которая думает, что ей все позволено, а подойдите с точки зрения государства, с точки зрения государственности. В этот момент совершалось что-то противоестественное, совершалось объединение Правительства, государства с преступлением. В этот момент исчезало государство, исчезало Правительство, ибо, ведь, государство есть только правовое явление. Когда государство перестает поступать по закону, то оно

---

[1] Попов И.В. Борьба с терроризмом в Российской империи (на примере Московского охранного отделения). 1905-1914 гг. Краснодар, 2004. С. 74.

[2] Столыпин П.А. Нам нужна Великая России…: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. М., 1991. С. 189-190.

[3] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть II. Спб, 1909. Стб. 33, 34, 52.

не государство, оно – шайка. Правительство в это время не есть власть, опирающаяся на закон, а оно есть тоже преступное сообщество...»[1].

Единственным официальным заявлением правительства по «делу Азефа» стала речь П.А. Столыпина перед депутатами III Государственной Думы 11 февраля 1909 г.[2] Премьер-министр и не думал оправдываться: не отрицая того, что Азеф состоял на службе в тайной полиции, премьер-министр категорически отверг все обвинения правительства в незаконном использовании своего агента. Речь Столыпина произвела неожиданно благоприятное впечатление на присутствовавших. Большинство депутатов Думы сочло его доводы достаточно убедительными и логичными для доказательства законности методов полиции и деятельности Азефа. Было признано, что последний действовал всего лишь как тайный полицейский осведомитель, а вовсе не как «провокатор» или «двойной агент», предававший и революционеров, и полицию[3]. Запрос по «делу Азефа», несмотря на сопротивление кадетской фракции, Думой был снят.

Октябристы, националисты и умеренные консерваторы выступили с совместной резолюцией, в которой признавали разъяснения, данные правительством, «удовлетворительными и исчерпывающими»[4]. Все здание грандиозных и сенсационных утверждений, нацеленных на создание общеевропейского скандала, писала октябристская газета «Голос Москвы», оказалось «выстроено на песке»[5].

После нашумевшего разоблачения Азефа, показавшего, с точки зрения кадетов, что в стране царит «гипертрофия полиции» и «атрофия закона», Ф.И. Родичев говорил в Думе: «Речь идет не об отдельных злоупотреблениях, а о системе, которая в настоящее время действует в России и которая может быть изложена в двух словах: все дозволено... Система эта прямо ведет к анархии, ибо ставит страну в упор со следующей

---

[1] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть II. Стб. 1490-1492.
[2] Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991. С. 169. Третья Государственная Дума. Материалы для оценки ее деятельности. Спб., 1912. С. 121-122.
[3] Гейфман А. В сетях террора: Дело Азефа и Русская революция. М., 2002. С. 173.
[4] Третья Государственная Дума. Материалы для оценки ее деятельности. С. 122-123.
[5] Цит. по: Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 194.

дилеммой: или свергай существующий порядок, или уничтожайся; ты будешь избит, разорен, тебе жить здесь нельзя. Ведь этим, господа, прежде все уничтожается в России сознание отечества»[1]. Подчеркивая, что настроения, «сказавшиеся в 1905-1906 гг., не уничтожены, а ушли куда-то вглубь», кадеты все чаще и чаще стал писать и говорить о том, что правительство само толкает страну к новой революции, и чтобы избежать ее, они настоятельно рекомендовали властям незамедлительно приступить к выполнению обещаний Манифеста 17 октября 1905 г.

«Демократические» либералы, будучи противниками самодержавия, считали, что политические силы России делятся только на два лагеря: на сторонников конституции и ее противников[2]. Но среди кадетов были и те, кто, как например П.Б. Струве, призывали свое партийное руководство к твердому осуждению всякого насилия, от кого бы оно ни исходило – будь то правительство, реакционеры или те, кого он именовал «социалистической черной сотней»[3].

В 1907-1908 гг. следует резкий перелом во взглядах Струве – он переходит на позиции консервативного либерализма и выходит из состава руководства кадетской партии. Он полагал, что радикализм в России ведет страну в тупик, а кадетская тактика уже не отвечала новым условиям, сложившимся после революции 1905 г.[4] Струве стал указывать, что правые и левые своими действиями дополняют друг друга. «Правовая беспринципность революции, - писал Струве, - выражалась в формуле: всякое действие допустимо, если оно полезно для революции… Правовая беспринципность контрреволюции выражается в формуле: всякое административное действие допустимо, если оно наносит вред «крамоле». На линии этого рассуждения может лежать всякое преступление»[5]. Позже он писал: «Делали революцию в то время, когда задача состояла в том, чтобы

---

[1] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, 1907-1908. Сессия II. Часть II. Стб. 2141, 2247-2256.

[2] Корнев В.Н. Либеральные концепции государства и права в России начала XX века (1905-1917 годы). Монография. Белгород, 2001. С. 101.

[3] Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905-1944. Т. 2. С. 81.

[4] Власкин А.Г. Русские либералы (социальная философия либерального направления первой половины XX века). СПб., 2007. С. 64.

[5] Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С. 165.

все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании… И вместо этого что же мы видели? Две всеобщие стачки с революционным взвинчиванием рабочих масс (совет рабочих депутатов!), ряд военных бунтов, бессмысленных и жалких, московское восстание, которое было гораздо хуже, чем оно представилось в первый момент, бойкот выборов в первую думу и подготовка, (при участии провокации!) дальнейших вооруженных восстаний, разразившихся уже после роспуска Государственной Думы. Все это должно было терроризировать и в конце концов смести власть. Власть была действительно терроризирована. Явились военно-полевые суды и бесконечные смертные казни. И затем государственный испуг превратился в нормальное политическое состояние, в котором до сих пор пребывает власть, в котором она осуществила изменение избирательного закона, - теперь потребуются годы, чтобы сдвинуть страну с этой мертвой точки»[1].

В 1907 г. П.Б. Струве возглавил журнал «Русская мысль». Вместе с политическим обозревателем этого журнала А.С. Изгоевым они решительно осуждали терроризм как явление, вредное и политически, и морально. Но все же они оговаривались, что причинами появления терроризма являлись несовершенство государства, жестокие расправы и нежелание власти дать обществу свободы. Они, однако, считали, что настоящие либералы не могут поддерживать политические убийства и насилие. «Много говорят о сочувствии террору со стороны либерального сообщества, - писал Изгоев после убийства П.А. Столыпина. – Либералы не сочувствуют террору… По своей культурности и образованности они не могут не видеть всего вреда от таких приемов политической борьбы»[2].

После разоблачения Азефа журнал стал активно обсуждать вопрос сращивания терроризма и провокации. Струве и Изгоев отмечали, что Департамент полиции мог бы пресечь терроризм, но не хочет этого делать, чтобы сохранить свое значение для власти. В этих условиях «появление Азефа – не случайность, а естественное, неизбежное явление», указывал

---

[1] Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 163.
[2] Изгоев А.С. По поводу убийства П.А. Столыпина // Русская мысль. 1911. №10. С. 4-5.

Изгоев, призывая эсеров распустить Боевую организацию и отказаться от террора[1].

Одновременно Изгоев отказался признать моральное превосходство террористов, указывая на деградацию террористического подполья и отмечая, что с подъемом революции стал вырабатываться «особый тип людей, спортсменов террора», идущих на убийства без всякой веской причины[2]. Экстремистов он считал не мучениками, а психически неуравновешенными людьми с суицидальными наклонностями. «Русская молодежь не умеет жить, а умеет только умирать» - заявлял он[3].

Предлагая способы борьбы с терроризмом, журналисты из «Русской мысли» делили его на политический, направленный против власти, и социальный, направленный против частных лиц. Пресечь политический терроризм только репрессиями невозможно, отмечал в 1907 г. публицист А. Васильев, зато с социальным террором власти расправятся быстро, и народ их поддержит[4]. Прогнозы либерального журнала не оправдались: вышло все с точностью, да наоборот – центральный террор угас вместе с Первой российской революцией 1905-1907 гг., а массовый и криминальный терроризм существовал еще несколько лет.

Одновременно со спадом революционного движения в кадетских кругах начинается изменение отношения к терроризму, которое хорошо прослеживается в их партийной прессе. На завершающем этапе террористической кампании «демократические» либералы уже не были заинтересованы в том, чтобы поддерживать экстремистов, поскольку преступления революционеров-террористов не давало никаких политических выгод и не представляло серьезной угрозы правящему режиму. В этих условиях либеральная общественность прекратила пропаганду жертвенности героя-революционера и отказала в поддержки террористам «нового типа».

---

[1] Изгоев А.С. Политические провокации // Русская мысль. 1909. №3. С. 166-167.
[2] Изгоев А.С. По поводу убийства П.А. Столыпина // Русская мысль. 1911. №10. С. 4.
[3] Изгоев А.С. Замаскированное убийство // Русская мысль. 1908. №10. С. 164.
[4] Васильев А. Элементы политического движения и их взаимоотношения // Русская мысль. 1907. №9. С. 53-72.

В 1911 г. либеральные издания крайне негативно отреагировали на убийство П.А. Столыпина. «Русская мысль», «Речь», «Слово» решительно осудили убийство[1].

Выстрел в Киеве был встречен кадетами с чувством скорби и возмущения: «Мы всегда боролись с политикой председателя Совета Министров, были его последовательными политическими противниками, но цель наша и состояла, прежде всего, в том, чтобы навсегда из русской жизни исчезли кровавые ужасы; исчезли кровавые политические преступления»[2]. Однако, выражая негодование по поводу теракта, кадеты связывают его с политикой самого премьера, которая, по их мнению, не привела к оздоровлению отравленной атмосферы, рождающей ненормальные условия жизни, искажающей общественную психику, в которой «террористы начинают черпать нечто в роде стимулов к своим кровавым расправам»[3].

Углубление кризиса третьеиюньской монархии (особенно после гибели П.А. Столыпина) заставило кадетов активизировать поиски путей вывода страны из кризисной ситуации. Убийство П.А. Столыпина было последним крупным ударом террориста «нового типа» против политического режима.

5 мая 1912 г. на заседании ЦК партии кадетов П.Н. Милюков доложил набросанный им проект партийной платформы ввиду предстоящих выборов в IV Государственную Думу, где отмечалось, что «по-прежнему подавляется всякая общественная самодеятельность и во всяком признаке общественной организации и сговора правительство усматривает действие, направленное против самого себя… Все прогрессивные элементы страны одинаково требуют прекращения произвола администрации и водворения права и законности, они требуют … искоренения бессудности и неправосудия…»[4]. Как отмечалось в листовке кадетов во время избирательной кампании в IV Думу, «произвол и беззаконие множатся и растут и проникают даже в область правосудия»[5]. Основной целью кадетской партии стал лозунг

---

[1] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 200.
[2] Речь. 1911. 2 сентября.
[3] Речь. 1911. 3 сентября.
[4] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 163, 167.
[5] Там же. Оп. 3. Д. 15. Л. 93.

«влиять на общество во всей его совокупности»[1]. На этих выборах кадетам удалось провести 59 депутатов[2].

20 января 1913 г. московское отделение ЦК кадетов обсуждал вопрос об амнистии. Данный вопрос вызвал определенные разногласия относительно выработки тактической позиции кадетской партии. Н.В. Тесленко считал, «что с точки зрения целесообразности вопрос об амнистии, поднятый общественными организациями, достигнет обратных результатов: с точки зрения демонстрации поднимать вопрос не следует, потому что случайно устроить демонстрацию нельзя, а для организации осталось слишком мало времени». Ф.А. Головин был не согласен с Н.В. Тесленко. Он полагал, что «ходатайство Москвы может дать и положительные результаты с точки зрения целесообразности, ввиду посещения Государем Москвы. С точки зрения демонстрации, оно имело бы громадное значение, как обращение не к правительству, а к Государю, носителю верховной власти, а унизительного в этом акте ничего нет. Отказаться от ходатайства, значит обречь страдающих на дальнейшие страдания». Н.И. Астров был убежден, что «амнистия как демонстрация сочтется враждебной демонстрацией и неблагоприятно отразится на участи осужденных». В итоге единогласно было решено, что «партия к.д. не должна брать на себя инициативу возбуждения вопроса об амнистии, но, если он будет возбужден другими, то должна переводить его на почву конституционного акта»[3].

9 февраля 1914 г. кадетский ЦК обсуждал вопрос тактики. На нем Н.В. Некрасов призывал готовиться к новой революции, «чтобы не быть захваченными врасплох». Он также отмечал, что «в практическом отношении уже давно приходится констатировать, что грань между легальны и нелегальным существованием партии все более стирается: никто не желает идти в подполье, все протестуют против него, а того не замечают, что они уже наполовину в подполье, так как никакое легальное оказательство партии к.-д. в стране не допускается». Он призывал «сделать выводы и не обманывать себя иллюзиями возможности сохранения точной грани между

[1] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1079. Л. 2об.
[2] Шелохаев В.В. Кадеты // Политические партии России: история и современность. С. 163.
[3] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 245. Л. 74-75.

легальностью и нелегальностью в жизни и деятельности партии. Для партии должно быть ясно, что такой грани быть не может»[1]. Но все же большинство ЦК не разделяло позиций Н.В. Некрасова и поддержало П.Н. Милюкова, который считал, что «акт 17 октября достигнут был не путем насилия, и вообще можно думать, что насилием таких результатов не достигают, а лишь, изоляции реакционного курса правительства от всех поддерживающих его групп. Такую изоляцию следует сделать очередным лозунгом»[2].

К лету 1914 г. политический кризис в стране достиг своего апогея, но начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война на время предотвратила его революционную развязку.

Заявив об отказе от борьбы с правительством, кадеты надеялись, что власть должна приступить к осуществлению реформ. Но правительственная политика не изменилась. Военные поражения, дезорганизация экономики, рост социальной и политической напряженности в стране вынудили кадетов изменить собственную позицию и активно включиться в создание широкого оппозиционного фронта борьбы против царского режима.

9 ноября 1914 г. на заседании ЦК кадетов прозвучал доклад А.М. Колюбакина о современном внутреннем положении страны в связи с усиливающейся реакционною политикою правительства. Докладчик полагал, что «продолжавшиеся и даже усиливавшиеся репрессии слишком бросались в глаза, а всеобщее молчание и отсутствие протестов только подстрекало реакционный курс…»[3]. Д.Д. Протопопов призывал: «не будем слушать левых, а сами станем левыми. Создалось положение, при котором только правительство оставило за собою право проводить вовсю свою реакционную внутреннюю политику, а все другие элементы страны от всего устранены»[4].

Большинство участников заседания опасались революции. А.М. Колюбакин открыто говорил: «ведь предсказывают революцию, но мы ее не хотим и должны что-нибудь предпринять сейчас; если нам удастся чего-нибудь добиться сейчас, это будет средством против революции, а не

---

[1] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 95-96.
[2] Там же. Л. 96-97.
[3] Там же. Д. 32. Л. 54-55.
[4] Там же. Л. 57-58.

для революции»[1]. П.Н. Милюков был против. Он рассуждал, что «левые сознательно лицемерят и пугают, что до конца войны будет революция. Это опасность фиктивная, придуманная левыми… Они знают, что трибуну Гос. Думы они используют в своих целях. Поддаваться на эту удочку не следует»[2]. На прямой вопрос А.А. Корнилова «неужели вы не представляете возможности иметь Гос. Думу, не сыграв в руку левым?» П.Н. Милюков отвечал: «Дума — это резонатор, мультипликатор настроений, и вы не представляете себе, как ярко вчера говорили в думских комиссиях. И если хотят созвать Думу для того, чтобы показать, что правительство портит ведение войны, думские демагоги пойдут дальше»[3].

По инициативе кадетов летом 1915 г. в IV Думе был создан «Прогрессивный блок», в который вошли 236 из 422 депутатов. Председателем бюро блока стал левый октябрист С.И. Шидловский, но фактическим его руководителем был лидер кадетов П.Н. Милюков[4].

При открытии Думы 19 июля 1915 г. Милюков потребовал от власти амнистии, гласности, длительной сессии и проведения реформ. При этом серьезного расчета на реальную законодательную деятельность у него не было, на что он указывает в своем обращении к власти: «страна не ждет. В стране уже сейчас происходит огромная организованная работа, во всех слоях, сверху донизу русского общества. Государственной думе даже не приходится создавать новых сил путем новых законов... Снимите путы, дайте дорогу общественным организациям, верните народу свободу общения и объединение, сделайте все это в порядке управления»[5]. При помощи предложенных мер кадеты добивались восстановления подорванного в глазах общественности авторитета.

Благодаря представителям фракции кадетов в Совещании Думы 17 июля 1915 г. «вопросы, касающиеся общей политической амнистии, помилования пяти осужденных членов Государственной Думы с.-д. фракции» были

---

[1] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 61-62.
[2] Там же. Л. 63-64.
[3] Там же. Л. 64.
[4] Шелохаев В.В. Кадеты // Политические партии России: история и современность. С. 165.
[5] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. Часть I. Пг., 1915. Стб. 99, 108.

«переданы на обсуждение фракций Государственной Думы»[1]. Не случайно, что еще в 1914 г. Департамент полиции относил кадетов к «революционным партиям», отмечая, что они находятся в союзе с эсерами и РСДРП, которые являются лишь «физической силой в руках отвергающих лицемерно в своей программе насильственный путь изменения государственного строя левых кадетов». Они, по представлению полиции, следуют революционному лозунгу – «врозь идти, вместе бить»[2]. Поэтому, как следует из циркуляра Департамента полиции от 2 сентября 1914 г., «розыскные органы на местах обязаны выяснить и всегда иметь на учете таких представителей конституционно-демократической партии, которые, не выходя внешне за пределы лояльности, являются тайными руководителями революционных организаций»[3].

Таким образом, становится понятным, что проблема терроризма в тактике партийных организаций «демократических либералов» была тесным образом связана с общей политической ситуацией в стране. В период революции, когда количество политических убийств достигло наибольшего размаха, кадетское руководство занимает позицию одобрения и поддержки терроризма революционных партий, одновременно критикуя насильственные действия государства (военно-полевые суды, ссылки, смертные приговоры), предпринимаемые в качестве мер борьбы. По мере того, как теракты перестают активно использоваться в качестве метода борьбы за власть, Партия народной свободы перестает их поддерживать, перейдя к парламентской критике царской власти. После убийства П.А. Столыпина кадеты сосредоточили свое внимание на попытках мирного влияния на правительство, с целью добиться проведения реформ, направленных на демократизацию политического режима, но и тогда они не отказывались от сотрудничества с революционными партиями.

3 января 1916 г. на съезде кадетских комитетов подмосковных губерний Кокошкин выступил с аналитическим программным докладом «Об общем

---

[1] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 393. Л. 1.

[2] Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. М., 2001. С. 491.

[3] Шелохаев В.В. Кадеты // Политические партии России: история и современность. С. 163.

политическом положении». Проанализировав политическую ситуацию в стране, он обратил внимание, что русское общество вернулось «к старой мысли о революционном перевороте». Однако сам докладчик считал, что революция во время войны представляется невозможной, ибо она привела бы Россию к военному поражению[1].

В день окончания сессии IV Думы, 17 декабря 1916 г., предостерегая правительство в очередной раз, П.Н. Милюков говорил, что «атмосфера насыщена электричеством, все чувствуют приближения грозы и никто не знает, куда упадет удар»[2]. По воспоминанию П.Н. Милюкова, «впечатление, что страна живет на вулкане, было у всех»[3].

В обществе широко распространилось убеждение, что следующим шагом, который предстоит в будущем, будет дворцовый переворот при содействии офицеров и войска[4]. Но, как констатировал лидер кадетов П.Н. Милюков, «перевороту не суждено было совершиться так, как он ожидался довольно широкими кругами. Раньше … переворот произошел не сверху, а снизу, не планомерно, а стихийно…»[5].

Таким образом, отношение российских «демократических» либералов к терроризму со временем претерпело значительные изменения. Кроме того, в кадетской среде не было единого мнения насчет этого печального явления современности: некоторые поддерживали террор и стремились добиться уступок от власти с его помощью, некоторые требовали осудить политические убийства. Но никто так и не смог достичь результатов. Кадеты не смогли шантажировать правительство, а сторонники мирного пути не сумели заставить революционеров отказаться от политических убийств. Либеральная оппозиция не стала тем посредником, который сумел бы направить террористический импульс в продуктивное русло и обеспечить модернизацию страны.

---

[1] Российские либералы: сб. статей / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 339.
[2] Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 36.
[3] Там же. С. 37.
[4] Там же.
[5] Там же.

Глава IV. Умеренные и консервативные либералы и терроризм после издания Манифеста 17 октября

§ 1. «Союз 17 октября» и политический терроризм в период Первой российской революции 1905-1907 гг.

«Союз 17 октября» как политическую партию следует отнести к умеренно-консервативному направлению российского либерализма. Стоит учитывать, что граница, отделявшая либеральные партии друг от друга, была весьма подвижной и неустойчивой. Организации, тесным образом связанные с октябристами (например, партии демократических реформ и мирного обновления), на практике чаще были ближе к кадетам; в то же время целый ряд политических образований умеренно-либерального толка (например, Партия правового порядка) в своей практической деятельности нередко были близки к консервативным партиям.

Октябризм как политическое течение возник и начал организационно оформляться на основе «меньшинства» земско-городских съездов. Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. прекратил споры, разделявший либеральный лагерь. Посчитав, что в России созданы необходимые политические предпосылки для движения по пути к конституционной монархии, «будущие октябристы приступили к созданию партии, взяв в качестве названия дату издания царского Манифеста»[1].

Стоит отметить, что «Союз 17 октября» не скрывал своего неприятия революции. Еще на пятом съезде земских и городских деятелей (13 ноября 1905 г.) в Москве А.И. Гучков с тревогой говорил, что «пора остановится. Мы своими руками подкладываем хворост в костер, который сожжет всех нас»[2]. Импульсом к возникновению многих октябристских отделов было стремление «бороться со смутой». По подсчетам Д.Б. Павлова «из 29 местных отделов «Союза», так или иначе изложивших цель своего создания (в прокламациях, воззваниях, письмах в ЦК), 25 именно так формулировали

[1] Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 109.
[2] Русские ведомости. 1905. 14 ноября.

свою главную задачу»[1]. Как фиксировалось в одном из обращений «Союза 17 октября» «анархия и революция губят страну и народное достояние»[2]. Именно это позволяло некоторым партиям не считать октябристов либеральной партией. Как отмечает М.И. Леонов, эсеры еще осенью 1905 г. «консервативных либералов раз и навсегда зачислили во вражеский стан «реакции», на долю которой приходились лишь угрозы и пророчества о неминуемой гибели»[3].

Уже на первом общем собрании «Союза 17 октября», происходившем в Санкт-Петербурге 4 декабря 1905 г., были определены задачи, которые должны были решать октябристы. Так, М.В. Красовский полагал, что октябристы «должны сплотиться против революции, потому что она надвигается»[4]. Звучали и призывы «бойкотировать революционные издания, не покупая их ради праздного любопытства, т.к. каждый пятачок идет на дело революции»[5]. Осуждались и все преступления, связанные с революцией, – поджоги, грабежи, насилие, революционная пропаганда с призывом к вооруженному восстанию.

Члены «Союза 17 октября» никогда лично не участвовали в революционном терроре, осуждая его, а к правительственному террору относились намного более терпимо, чем кадеты; нередко его поддерживали. В декабре 1905 г. октябристы оказывали помощь правительству в подавлении вооруженных восстаний: в ряде своих воззваний они резко осуждали действия революционеров как зачинщиков «братоубийства» и полностью оправдывают карательные акции правительства. Например, в воззвание ЦК октябристов «Русские люди» утверждалось, что «мы … попали в хитрые замыслы революционеров, врагов России, они подняли красное знамя, омраченное русской кровью, они первые пролили кровь, убивая людей, верные своему долгу и присяге… Боевые дружины в открытый бой с

---

[1] Павлов Д.Б. Предисловие // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1907 гг. М., 1996. С. 5.
[2] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.
[3] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 187-188.
[4] Журнал первого общего собрания «Союза 17 октября» // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. С. 31.
[5] Там же. С. 31-32.

войсками не вступают, а стреляют из-за угла, засад»[1]. «Союз 17 октября» осудил декабрьское вооруженное восстание в Москве: «Сотни молодых жизней принесены в жертву! Мы спрашиваем: во имя чего были эти жертвы? Ответ один – во имя насилия над всем русским народом…»[2]. Но дальше публичных призывов дело не доходило.

В источниках не содержится указаний на то, что «Союз 17 октября» передавал финансово-материальные средства правительству и монархистам. Октябристы были не готовы с оружием в руках содействовать «борьбе со смутой». Более того, Д.Н. Шипов, А.И. Гучков и М.А. Стахович после переговоров с С.Ю. Витте о вхождении в его кабинет отказались от министерских постов, сославшись на отсутствие необходимого опыта в сфере государственного управления[3]. Действительная причина этого отказа, по мнению Д.Б. Павлова, «заключалась в широко распространенном в либеральных кругах личном недоверии к премьеру, а также неясности судьбы его кабинета в условиях нарастающей революции. Отпугивала либералов и перспектива соседствовать на министерских должностях с П.Н. Дурново»[4].

Но все же лидеры создаваемой партии стремились оказывать поддержку правительству. На совместном заседании Санкт-Петербургского и Московского отделений ЦК «Союза 17 октября» 8 января 1906 г. Д.Н. Шипов констатировал, «что все одинаково относятся с недоверием к политике графа Витте», но тем не менее он полагал, «что «Союзу» не следует содействовать падению кабинета. Рассчитывать в настоящее время на замену настоящего кабинета кабинетом прогрессивным нельзя, так как для него не может найтись людей из бюрократической среды, а из общественных деятелей едва ли кто-либо согласится составить кабинет до созыва Государственной думы. В случае падения графа Витте вероятна возможность назначения премьером П.Н.Дурново. Поэтому нужно, хотя скрепя сердце, поддержать кабинет, но необходимо постараться повлиять, чтобы созыв Думы не отсрочивался»[5].

---

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 130. Л. 1-2.
[2] Там же. Д. 138. Л. 1об.
[3] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 339.
[4] Павлов Д.Б. Предисловие // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. С. 14.
[5] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 45. Л. 9об.

Другими примерами поддержки правительства было осуждение забастовок. По мнению М.А. Стаховича, «левые партии, в том числе и конституционно-демократическая, относятся к забастовкам сочувственно, тогда как «Союз» относится к ним отрицательно, исключая забастовок экономических»[1]. Такое же резкое осуждение «Союзом 17 октября» вызвали революционные выступления в армии и на флоте[2].

Как пишет историк А.С. Сенин, «Союз 17 октября выражал полную поддержку главе правительства, осуждал революционный террор и поддерживал все меры, направленные на подавление революционного движения»[3]. Но уже к концу 1905 г. между октябристами и правительством наметилось расхождение. Октябристы считали, что правительство, с блеском, по их мнению, выполнившие задачу подавления «крамолы», совсем не спешило перейти к созыву Думы[4].

Но все же большей проблемой для большинства их были теракты. Поэтому 29 января 1906 г. на общем собрании членов «Союза 17 октября» председатель ЦК партии барон Корф произнес речь, содержащую оценку происходящих событий и прерываемую несколько раз аплодисментами. В ней он заявил: «Положение нашего отечества в высшей степени тяжелое! …Господа! Мы будем бороться с противниками, с теми, которые спорят с нашими принципами, мы будем бороться, не уступая ни одного шага; мы объявляем нашим врагам борьбу беспощадную, врагам, которые хотят разрушить Россию насилиями; с такими врагами борьба будет вестись, не стесняясь никакими средствами»[5]. В ходе этого же заседания после обсуждения октябристы приняли резолюцию, которая требовала, «чтобы правительство вернулось на путь неуклонного исполнения высочайшей воли, выраженной в манифесте 17 октября»[6]. Октябрист И.С. Клименко подверг резкой критике чрезмерную жестокость власти и практику расстрелов без судебного решения: «В настоящее время мы уже более месяца как читаем в

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 45. Л. 16.
[2] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 17.
[3] Там же. С. 16.
[4] Павлов Д.Б. Предисловие // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. С. 15.
[5] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 45. Л. 28-29.
[6] Там же. Л. 53.

газетах, что для блага человека отнимается жизнь у него. Это мы читали вчера, читаем сегодня. В маленькой газете, которая раздавалась при входе в этот зал, говорится: «Преступница, которая стреляла в адмирала Чухнина, по [его] распоряжению была немедленно расстреляна». Такие факты встречаются каждый день. Я как юрист, как специалист по юридическим наукам требую, чтобы у меня не отнимали жизнь раньше, чем меня не выслушает суд. Когда при революционном восстании человека захватывают на улице и он оказывает сопротивление, тогда каждое правительство вправе прибегнуть к лишению его жизни, потому что иначе порядок восстановить нельзя, но положение совершенно изменяется, когда революционер положил оружие, когда он сдался; в это время он не составляет предмета опасности для полиции и тогда его должно судить хотя бы военным судом», а также предложил «поручить Центральному комитету теперь же ходатайствовать перед правительством, чтобы отныне такого рода расстреливание не практиковалось, в случае крайности пусть применяется полевой суд, но не расстреливание»[1]. Предложение Клименко собранием было принято. Но дальше призывов дело не пошло. Вопрос о законности, а не целесообразности действий власти в отношении террористов занимал приоритетное место в дискуссиях октябристов.

Дискуссия об отношении к репрессивной политике правительства продолжилась и на первом съезде делегатов «Союза 17 октября», состоявшемся в феврале 1906 г. Среди делегатов съезда были как противники, так и сторонники жестких действий правительства по отношению к революционерам.

Председатель московского ЦК партии Д.Н. Шипов в своей вступительной речи провозгласил, что «главной и ближайшей задачей союза является объединение с целью провести в Государственную думу наилучших людей, убежденных сторонников прав и свобод, возвещенных манифестом 17-го октября, проникнутых сознанием необходимости внести умиротворение в потрясенную смутами страну путем созидательной законодательной деятельности народных представителей и укрепление

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 45. Л. 54.

государственной власти»[1]. Далее он подверг резкому осуждению царское правительство, поскольку «Манифест 17-го октября провозгласил о гражданских свободах, а правительство не позаботилось даже издать временные правила, которые регулировали бы эти свободы. И так как не было этих правил, нормирующих свободы, — то последние вскоре и обратились в произвол. Этот произвол вызвал взрыв революционного движения, а последнее, в свою очередь, вызвало жестокое подавление его крутыми репрессивными мерами, повлекшими за собой сотни и тысячи жертв. Но когда, наконец, революционное движение было подавлено, правительство, однако, по-прежнему продолжало идти и до сих пор идет по пути крутых репрессий и продолжает насилия и произвол над обществом. Грубо нарушаются все права и свободы, возвещенные высочайшим манифестом 17-го октября!»[2]

Гейден, присоединяясь к речи Д.Н. Шипова, обратил внимание, что октябристы стоят «на почве конституционных начал, обеспечивающих населению свободу и политические и гражданские права и ограждающих от насилий и произвола с какой бы то ни было стороны»[3].

М.А. Стахович при обсуждении вопроса об отношении к внутренней политике правительства выразил позицию по отношению к любым формам насилия, разделяющую большинством октябристов: «Мы одинаково не сочувствуем и революции, и реакции; нам одинаково кажутся незаконными как насильственные революционные действия, так и ломка со стороны правительства основных начал манифеста 17 октября. Мы одинаково выказали себя противниками как тех, которые путем насилий, с оружием в руках хотели заменить манифест 17 октября и конституционную монархию иным социальным строем государства, так и тех, которые всеми силами стараются удержать выгодный для них старый, отживший строй»[4]. Выражая крайнюю неприязнь к методам правительства в подавлении любых форм протеста, М.А. Стахович указывает, что власти «силой оружия разгоняли всякие

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 120. Л. 1.
[2] Там же.
[3] Там же. Л.2.
[4] Первый всероссийский съезд делегатов «Союза 17 октября» // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. С. 121.

собрания, подавляли всякий протест, арестовывали, ссылали без суда, следствия, даже дознания и даже тогда, когда суды, не находя никакого состава преступления, оправдывали заподозренных администрацией в «крамоле» лиц. Последних и после оправдания их судом гноили в тюрьмах, не предъявляя к ним никакого обвинения… Правительство само расшатывает и как бы хочет опрокинуть весь государственный строй»[1]. Его поддержал и Пиленко, заявив: «Правительство само возмущает и революционизирует всю страну, вводя повсюду военное положение, арестуя и расстреливая граждан»[2].

Стоит отметить, что октябристы критиковали не монарха, а органы исполнительной власти, которые не выполняют волю монарха о дарование прав и свобод населению. Такую позицию концентрированно выразил Ф.Н. Плевако, утверждая, что именно «кабинет нарушает благую волю государя и всеми силами препятствует ее осуществлению»[3].

В поддержку правительства выступил Н.Н. Перцов, указавший, что сами революционеры провоцируют власть на репрессии. Они производят террористические акты по всей стране, устраивают склады с оружием, призывают в многочисленной литературе к вооруженному восстанию[4].

10 февраля 1906 г. на съезде октябристов незначительным большинство голосов была принята резолюции, содержащая требования скорейшего созыва Думы; издания временных правил, обеспечивающих реализацию прав и свобод, гарантированных Манифестом 17 октября; отмены Положения об усиленной и чрезвычайной охранах; применение военного положения как временной меры только в условиях вооруженного восстания или приготовления к нему; запрета на применение смертной казни без судебного приговора[5].

Следует учитывать, что по вопросу о смертной казни было много сторонников ее полной отмены. Например, член ЦК Л.М. Лопаткин

---

[1] Первый всероссийский съезд делегатов «Союза 17 октября» // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. С. 122.
[2] Там же. С. 125.
[3] Там же. С. 124.
[4] Там же. С. 126.
[5] Там же. С. 132-133.

утверждал, что «Союз 17 октября» считал «в высшей степени желательной полную отмену смертной казни в России в мирное время»[1]. На съезде было решено, что запрет на применение сметной казни должна принять Государственная Дума[2].

Октябристы оценивали события 1905-1907 гг. как смуту, приносящую вред государству и порожденную непоследовательностью правительства в проведении необходимых стране, с их точки зрения, либеральных реформ. Они также отрицательно относились к любой форме революционного воздействия на власть. «…Революция, а не правительство, - заявлял Гучков, - является помехой к обновлению нашего отечества. Вся борьба со стороны и правительства, и общества должна быть направлена в эту сторону»[3]. Консервативные либералы ощущали органическое отвращение ко всякому насилию и были против революционных методов борьбы[4]. Эта позиция отделяет «Союз 17 октября» от революционных партий.

Октябристы выделяли три аспекта опасности терроризма для государства: политический, экономический и морально-нравственный. Октябристская газета «Голос Москвы» много писала о жестокости такого средства политической борьбы, о пытках, которые применяют к своим жертвам террористы[5]. Терроризм, по мнению октябристов, может вызвать, как ответный террор черной сотни, так и реакционную политику власти, одобренную населением, уставшим от политических убийств[6].

Особое внимание «Союз 17 октября» уделял влиянию терроризма на развитие промышленности в стране. Терроризм в период Первой российской революции коснулся не только представителей власти, но и промышленников и предпринимателей. Против них, а также управляющих, инженеров, которые, по мнению самих террористов, относятся к угнетателям рабочих, террористические акты совершали в своей массе анархисты. По

---

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 22. Л. 63.
[2] Первый всероссийский съезд делегатов «Союза 17 октября» // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. С. 134.
[3] Русские ведомости. 1906. 10 сентября.
[4] Соломатина Е.Д. Российский либерализм в начале XX века. Монография. Воронеж, 2007. С. 42.
[5] Столыпин А.А. Жестокость // Голос Москвы. 1907. 3 июня.
[6] Безобразов П. Размышления // Там же.

мнению октябристов, такие теракты грозили не только производству, но и рабочим, которым негде будет работать после закрытия предприятий. «Мы рискуем утратить самое главное – способность к труду, к творческой и производительной деятельности, т. к. нельзя работать под Дамокловым мечом постоянной опасности, что эта деятельность не понравится тем, кто считает себя вправе быть верховным и безапелляционным судьей над всеми, кто не так делает, не так мыслит», – писал «Голос Москвы»[1].

Октябристам удалось провести в I Думу лишь 16 своих депутатов, и их голос в российском «парламенте» почти не был слышен[2]. Не способствовало росту популярности партии и то обстоятельство, что октябристы оказались самой правой фракцией Думы. Тем не менее фракция в лице ее лидеров (П.А. Гейдена, М.А. Стаховича, Н.С. Волконского) выступила с осуждением политических убийств, совершаемых в стране. В связи с этим ЦК партии послал телеграмму представителям «Союза 17 октября», в которой говорилось, что только представители этой партии в Думе «возвысили свой голос против убийств, от кого бы они не исходили»[3]. Но из-за своей малочисленности октябристские депутаты серьезного влияния на ход работы I Думы оказать не смогли. Более подробно дискуссия о терроре и амнистии на заседаниях I Думы между кадетами и октябристами раскрыта в первом параграфе третьей главы данной работы (с. 128-130).

Переговоры со П.А. Столыпиным о вхождение либералов в правительство в мае-июне 1906 г. закончились безрезультатно. 24 августа 1906 г. после взрыва дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове было опубликовано правительственное сообщение, в котором говорилось о введении военно-полевых судов, а также обещалось провести комплекс реформ для реализации положений Манифеста 17 октября.

Начало новому политическому курсу октябристов положило интервью А.И. Гучкова по поводу августовского правительственного заявления, в котором лидер октябристов оправдывал роспуск I Думы и выразил полное согласие с политикой П.А. Столыпина.

---

[1] Фабричный террор // Голос Москвы. 1907. 29 мая.
[2] Первая революция в России: Взгляд через столетие. М., 2005. С. 433.
[3] Слово. 1906. 7 мая.

Указ о военно-полевых судах встретил у А.И. Гучкова полное одобрение, поскольку, как он писал, «в условиях гражданской войны ждать медленно работающего судебного аппарата – это значит ослабить власть»[1]. Он считал необходимостью «суровыми мерами подавить революционное движение», которое мешало проведению «назревших либеральных реформ»[2].

После одобрения Гучковым военно-полевых судов партия «Союз 17 октября» была официально зарегистрирована 10 октября 1906 г., т.е. легализована и стала «правительственной» партией[3]. С другой стороны, это привело к расколу в партии. Большинство все же поддержало Гучкова, которого 29 октября 1906 г. избрали председателем партии. Но, например, Д.Н. Шипов, не согласный с позицией руководства «Союза 17 октября», одобрившего введение военно-полевых судов, перешел в партию мирного обновления. Его до глубины души возмутило введение в стране военно-полевых судов, которые так открыто поддержал А.И. Гучков. 7 ноября 1906 г. он опубликовал в газете открытое письмо лидеру октябристов, в котором мотивировал свое несогласие с проводимым им партийным курсом и заявил о своем выходе из состава «Союза 17 октября»[4].

Но курс А.И. Гучкова был поддержан большинством руководства партии. 18 сентября 1906 г. состоялось заседание Санкт-Петербургского ЦК «Союза 17 октября», в ходе которого после длительных обсуждений был выработан проект резолюции для Соединенного ЦК партии октябристов, в котором фиксировалось, что кадеты в ходе заседаний I Думы проявили «молчаливое сочувствие повальным убийствам, грабежам и прочим революционным безобразиям», а затем приняли «участие в беззаконном призыве к противозаконным и противогосударственным действиям»[5]. По мнению большинства членов Санкт-Петербургского ЦК, «Союз 17-го

---

[1] Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 44.
[2] Там же.
[3] Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 580.
[4] Российские либералы: сб. статей / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 457.
[5] Журнал заседания Санкт-Петербургского ЦК «Союза 17 октября» от 18 сентября 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. С. 222.

октября должен оставаться одинаково чужд как приписываемому ему стремлению оказывать поддержку кабинету П.А. Столыпина, так и предвзятой оппозиции относительно его и воздерживаться от создавания лишних препятствий его работе»[1]. По их заявлению, «хотя Союз, признавая вполне необходимость скорого и строгого суда для твердой борьбы с анархией, не сочувствует однако введению военно-полевых судов, как учреждений крайне несовершенных, но он тем не менее не станет делать из этого закона орудия для бесцельных нападок на министерство в глубоком убеждении, что единственное надежное средство для борьбы против подобного рода мер есть избрание такого народного представительства, которое не только захочет, но и сумеет направить страну к утверждению и развитию конституционного строя и гражданской свободы»[2]. 28 сентября 1906 г. Санкт-Петербургский ЦК «Союза 17 октября» одобряет проект с небольшими изменениями Московского отделения ЦК партии октябристов[3].

Во время избирательной кампании во II Государственную Думу 5 ноября 1906 г. было проведено общее собрание членов Санкт-Петербургского отдела «Союза 17 октября», где давались оценки всем произошедшим событиям, определялись задачи партии на будущее. В речи А.И. Гучкова партия кадетов была охарактеризована как радикальная, поскольку выполнение их «программы возможно лишь революционным путем»[4]. П.С. Чистяков отмечал, что большинство депутатов не хотели идти на сотрудничество с царским правительством: «Борьба с верховной властью, стремление заставить ее выполнить свои требования, хотя бы ценою революции — вот то направление, вот та цель, к которой большинство Думы стало стремиться с первых же ее заседаний»[5]. Продолжая тему борьбы с революционной смутой, он полагал, что революционная волна превратилась из идейного движения в открытое грабительство.

---

[1] Журнал заседания Санкт-Петербургского ЦК «Союза 17 октября» от 18 сентября 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. С. 222.
[2] Там же. С. 222-223.
[3] Там же. С. 225.
[4] Речи, произнесенные 5-го ноября 1906 г., на общем собрании членов С.-Петербургского отделения «Союза 17 октября». СПб., 1907. С. 12; ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 113. Л. 31-31об.
[5] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 113. Л. 38.

Обсуждение тактических установок продолжилось 30 ноября 1906 г. на расширенном заседании ЦК «Союза 17 октября», куда были приглашены представители как кадетов, так и умеренных партий. В докладе октябриста А.В. Бобрищева-Пушкина содержались обвинения партии кадетов в поддержки террористов, так как «Дума требовала амнистии, но не хотела осудить убийств». В ответ кадет Ф.Ф. Кокошкин обвинил октябристов в поддержке «антиконституционного правительства». Другой представитель кадетов, В.А. Маклаков, сжато выразил в своей речи причину отказа голосовать за осуждение политических убийств: «Мы думаем, что осудить политические убийства — это значит дать повод власти думать, что она права». Представитель Партии мирного обновления Е.Н. Трубецкой подверг критике как кадетов, так и октябристов, поскольку никто из них не осуждал одновременно сметную казнь и политические убийства[1]. Таким образом, октябристы осуждали требование широкой амнистии, которое они считали политической ошибкой кадетов. Обсуждение этого вопроса, по мысли В. Герье, привело к тому, что «улица заговорила уже не об амнистии, а прямо о революции»[2].

Во II Думу октябристам удалось провести 43 депутатов. Характер и направленность деятельности октябристов во II Думе мало отличались от их опыта годичной давности. Они по-прежнему настаивали на осуждении Думой революционного терроризма.

Октябристы выступали за ликвидацию военно-полевых судов, так как они «не обеспечивают правду и как бы исключают милость»[3]. Их фракция также поддержала идею отмены смертной казни, но при условии, что ее отмене будет предшествовать осуждение политических убийств, иначе их «законопроекты для завоевания действительной гражданской и политической свободы не будут приняты дальнейшими инстанциями»[4]. Все члены фракции поддержали данное мнение. Но некоторые октябристы (А.М. Балло, С.Т. Варун-Секрет, И.П. Созонович) полагали, что отменять военно-полевые

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 113. Л. 64-72.
[2] Герье В. Первые шаги бывшей Государственной Думы. М., 1907. С. 105.
[3] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. СПб., 1907. Стб. 401.
[4] Там же. Т.2. СПб., 1907. Стб. 603– 604.

суды нецелесообразно, поскольку они являются ответом на революционный терроризм в данных условиях[1].

На последних заседаниях II Думы октябристы вместе с консерваторами поддержали требование Столыпина о лишении депутатской неприкосновенности части членов социал-демократической фракции по обвинению в подготовке государственного переворота. Понимание в октябристской среде нашли и разгон II Думы, названный ими «прискорбной необходимостью», и новый избирательный закон, который давал им определенные надежды на действительный успех в очередной избирательной кампании.

Более подробно дискуссии о военно-полевых судах, терроре, амнистии и отмене смертной казни и пр. во II Государственной Думе охарактеризованы во втором параграфе третьей главы данной работы (с. 145-159).

Если характеризовать деятельность октябристов в I и II Государственной Думы, то стоит отметить, что они пытались добиться осуждения Думой «политических убийств», т.е. терактов со стороны революционных партий в отношении правительственных чиновников. Участия же членов партии «Союз 17 октября» ни в каком терроре – революционном или правительственном – не было. Они не оказывали содействия его осуществлению. Деньги и материальные ресурсы (квартиры и убежища, средств передвижения и оружие и т.д.) ни радикалам, ни правительству не предоставлялись. Вся поддержка власти сводилась лишь к вербальному одобрению в публичных выступлениях и в думской деятельности всех методов борьбы с революцией для успокоения страны.

Обсуждение отношения октябристов к терроризму продолжилось на втором всероссийском съезде «Союза 17 октября». Докладчиком был М.В. Красовский, который остановился «на разросшихся за последнее время до невероятного количества террористических актах»[2]. По его мнению, «необходимо принять самые решительные меры против этой развивающейся политической преступности»: поскольку «правительство одно не в силах

[1] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. Стб. 401, 456, 484–486.
[2] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 93.

справиться с этим злом, то общество должно оказать свое содействие»[1]. Путь содействия для оратора – «когда в общество проникнет сознание, что все эти акты, прикрывающиеся красивым политическим флагом, суть просто убийства и грабежи, когда этот факт будет ясен для всех — тогда лишь в обществе будет опрокинут тот иезуитский лозунг "цель оправдывает средства", который для многих теперь служит как бы оправданием этих убийств»[2]. М.В. Красовский заканчивал свою речь выводом, что первой формулой отношения октябристов к политическому положению России является вопрос осуждения политических убийств: «Союз 17-го октября должен громко сказать, что он считает всякое убийство недопустимым ни в каком случае»[3].

Ю.Н. Милютин предложил собранию принять редакцию резолюции ЦК партии октябристов по этому вопросу, выражающее «глубокое негодование по поводу постоянно повторяющихся на почве политической борьбы ужасных злодеяний…»; вместе с тем высказывалась «уверенность, что правительство будет вести энергичную борьбу с увеличивающейся преступностью предоставленными ему законными средствами, а Государственная дума не замедлит высказать свое веское слово в осуждение террористических актов, указав, что с водворением … конституционных начал открыто широкое поприще для идейной борьбы и никакие проявления насилия не должны быть ни терпимы, ни оправдываемы»[4].

В ходе прений на II съезде партии депутат и лидер фракции октябристов во II Государственной Думе М.Я. Капустин сделал доклад о деятельности парламентской фракции, где остановился и на вопросах, связанных с осуждением террора. По его словам, «фракция единогласно стала на сторону осуждения всякого насилия, как справа, так и слева; при этом фракция подчеркнула, что нельзя допускать такого смешения понятий, какое допускается крайними левыми партиями, которые приравнивают политические убийства к наказаниям смертною казнью, устанавливаемым

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 93.
[2] Там же. Л. 93об.
[3] Там же. Л. 94.
[4] Там же. Л. 94об.

правительственной властью для преступников; вообще фракция решительно протестует против всех насилий как революции, так и контрреволюции»[1]. По вопросу амнистии, фракция октябристов «решила разобраться основательно, для чего пригласила юристов»[2].

После выступления М.Я. Капустина на съезде развернулась дискуссия по вопросу принятия резолюции о «порицании политических убийств». Ряд ораторов (Владимиров, Красильников, Кормягин, Нецветаев, Корвин-Круковский и др.) выступили с требованием усилить текст резолюции, предлагающий II Государственной Думе осудить политический террор. Некоторые делегаты предлагали исключить обращение к Государственной Думе, поскольку она «доказала, что хочет уклониться от выражения порицания». Делегат Владимиров от Костромской губернии говорил: «нельзя выжимать из нее такого решения, которое должно быть принято без принуждения сама собой»[3]. Ю.Н. Милютин и Шидловский полагали, что обращение к Государственной Думе следует оставить в резолюции, поскольку «фракцию Союза в Думе уважают, в тоже время известно, что среди к.-д. идут споры по поводу резолюции октябристов»[4].

После бурных обсуждений текст исправленной резолюции, который предложил П.С. Чистяков, был принят 71 голосами «за» и 45 «против». В нем было отмечено, что «съезд не может не высказать своего глубоко сожаления, что то высокое государственное учреждение, на которое русский народ возлагал столько надежд – Государственная Дума, до сих пор не выразила порицания политическим зверствам»[5]. Таким образом, первым шагом съезда «Союза 17 октября» стало вынесение порицания политическим убийствам и грабежам, но осуждение терактов было однобоким – деятельность правительства по подавлению революции словесно всячески одобрялась.

Октябристская печать активно боролась против одобрения терроризма левой и либеральной печатью, прежде всего кадетской: «Отнимите у политических убийств сочувствие общества, и они, несомненно, уменьшатся

---

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.
[2] Там же. Л. 95об.
[3] Там же. Л. 95.
[4] Там же. Л. 95об.
[5] Там же. Л. 96.

в числе и потеряют храбрость. Без поддержи в широких слоях общества не может успешно действовать никакая подпольная организация… Всякий из нас, молчаливо сочувствующий политическим убийствам и громко их не осуждающий, – соучастник террора и враг отечества. На каждом из нас – ответственность за преступления, совершаемые ежедневно. Сознание нашей ответственности – лучшее лекарство от заразной болезни, называемой террором»[1].

Таким образом, «Союз 17 октября» в период Первой российской революции был политической партией, не только осуждающей террор, но и пытающейся создать общественное мнение, враждебное к терроризму. Октябристы опубликовали множество статей о терроризме, в которых давался целостный анализ данного феномена, оценивался вред, наносимый им государству и обществу, а также предлагалась программа борьбы с ним.

§ 2. Октябристы и проблема террора в период третьеиюньской монархии

Третьеиюньский государственный переворот не привел к существенным изменениям тактики «Союз 17 октября». По утверждению В.В. Шелохаева, при оценке акта 3 июня 1907 г. октябристы представляли ситуацию таким образом, что главным виновником потрясения «молодого правового строя» стало не правительство Столыпина, а революционеры, продолжавшие и после 17 октября 1905 г. вести «бессмысленную братоубийственную войну». Исходя из своей модели государственного устройства России, они считали, что монарх, сохранивший и после 17 октября «свободную волю» и «исключительные прерогативы», был вправе «в интересах государства и нации» пойти на изменение избирательного закона[2].

Газетный отчет о расширенном заседании ЦК октябристов в Москве 8 июня 1907 г. сообщал, что в своем отчетном докладе М.Я. Капустин «отметил двуличную политику партии Народной Свободы, которой не

[1] Безобразов П. Размышления // Голос Москвы. 1907. 3 января.
[2] Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991. С. 43-44.

хотелось порвать с крайними левыми, и желание польского коло поторговаться… Отказ этих фракций осудить террор и решил вопрос отрицательно, а это и подорвало у правительства доверие к Думе»[1]. Третьеиюньский переворот, по утверждению октябристов, был благом для России, так как открывал путь правительственным реформам Столыпина. «Акт 3-го июня, - заявлял Гучков, - был спасением для Г. Думы»[2].

В оценке октябристов именно кадеты погубили II Думу, отказавшись осудить революционный террор, но ее разгон также означал крах надежд социалистов на революцию, а кадетов на посредничество. Как позже говорил А.И. Гучков, партия кадетов «ловко подсела на запятки русской революции, приняв ее за ту триумфальную колесницу, которая довезет их до вершин власти, и не заметив, что это просто дрянная, скрипучая, домашней работы телега, которая в конце концов завязла в грязи, увы, в кровавой грязи»[3]. Аналогичная позиция транслировалась в листовках «Союза 17 октября» на выборах в III Думу: «Разные лжепророки распространили убеждение, что общее благо достигается не путем согласной и дружной деятельности, не путем взаимного благожелательства, уступок и соглашений, а путем борьбы и насилий, путем революции»[4].

Новый избирательный закон предоставил «Союзу 17 октября» возможность занять руководящее положение в III Думе и решать важные вопросы российской действительности. В III Думе октябристам удалось сформировать фракцию из 154 депутатов, которая была на 111 человек больше, чем во II Думе[5].

При реализации думской программы октябристов они главную ставку делали на правительство П.А. Столыпина, с которым, по свидетельству Гучкова, был заключен своего рода «договор» о «взаимной лояльности». Этот «договор» предусматривал взаимное обязательство провести через

---

[1] Голос Москвы. 1907. №133. 9 июня.
[2] Отчет Центрального Комитета «Союза 17 октября» о его деятельности. С 1 сентября 1911 г. по октябрь 1912 г. М., 1912. С. 110.
[3] Гучков А.И. В Третьей Государственной Думе (1907-1912 гг.): сборник речей. СПб., 1912. С. 31.
[4] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 50. Л. 158.
[5] Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // Политические партии России: история и современность. С. 119.

Думу широкую программу либеральных реформ, направленных на дальнейшее развитие «начал конституционного строя». До тех пор, пока Столыпин сохранял видимость соблюдения этого «договора», «Союз 17 октября» выступал в качестве правительственной партии[1].

III Государственная Дума застала еще последние, но сильные всплески политических убийств, которые уносили с собой много тысяч жертв. Политический терроризм, будучи сам продуктом нездоровых условий русской жизни, являлся в то же время одним из серьезных препятствий к проведению политики либеральных реформ. Борьба с этим «злом», по мысли октябристов, не могла ограничиваться одними полицейскими мерами. Для этого было необходимо провести в Думе серию положительных реформ, а также вызвать в общественном сознании крутой перелом в его отношении к политическому терроризму.

Взаимные обвинения депутатов в потворстве террору стали общим местом в работе III Думы. Октябрист А.Д. Голицын, обращаясь к П.Н. Милюкову, говорил, что «кровь … красного террора ляжет несмываемым пятном на вашу же голову…. Вы замарали кровью свои руки в союзе с разбойниками и грабителями». П.Н. Милюков, отвечая на этот выпад, отмечал: «Когда я услышал эту фразу…, подумал, то речь идет об убийцах Герценштейна и Иоллоса….подробности об этом известны не мне, а другим присутствующим здесь членам Думы»[2].

По мнению В.В. Леонтовича, октябристы «осуждали красный террор так же, как злоупотребления властью государственных органов при борьбе против революционных эксцессов»[3]. С другой стороны, внимая правительственным призывам, октябристы выразили полную готовность помочь власти в ее «успокоительных мероприятиях»[4]. По инициативе правых и октябристов 8 февраля 1908 г. было внесено законодательное предложение 177 членов Государственной Думы «о вспомоществовании из средств

---

[1] Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 248.

[2] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть I. Спб, 1908. Стб. 804, 856.

[3] Леонтович В.В. История либерализма в России: 1762-1914. М., 1995. С. 484.

[4] Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. С. 51.

государственного казначейства пострадавшим от разбойнических действий революционных партий и лиц». Этим законопроектом имелись в виду как помощь тем должностным лицам, которые пострадали при различных политических покушениях, так и обеспечение семейств, оставшихся без средств после убийства их кормильцев. По вопросу о направлении этого законодательного предположения возгорелись прения, которые вышли далеко за пределы обсуждения самого законопроекта. Был поставлен общий вопрос об отношении к политическому террору. Со стороны левых партий возражали трудовики, социал-демократы и кадеты[1].

В ходе обсуждения данного предложения консерваторов лидер октябристов Гучков заявил: «Истинными героями являются не революционеры, а городовые, солдаты, генералы, губернаторы и министры, которые в течение многих лет мужественно выступают на своем посту, сиюминутно подвергая себя и своих близких тяжелой опасности»[2]. По его мнению, террор выродился в «какую-то дикую, бессмысленную злобу», а также лишился «ореола героизма, который ему был фальшиво придан раньше»[3]. Так же он обратил внимание на изменившееся отношение к терроризму в обществе: «…если раньше террор был окружен в известных общественных кругах… атмосферой сочувствия,… даже соучастия», сейчас он лишен героизма, не нужен и бесполезен, он выродился в «дикую, бессмысленную злобу». Законопроект, по мнению октябриста А.И. Гучкова, должен был носить внепартийный характер и способствовать консолидации общества и Думы, став «общественным актом», ведущим к оздоровлению «нравственного сознания»[4].

В итоге октябристы проголосовали за формулу перехода к очередным делам в Государственной Думе, предложенную консерваторами, в которой содержалось осуждение только «революционного террора» и по существу оправдывался правительственный террор в отношении революционно-

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 31. Л. 48об.
[2] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, 1907-1908. Сессия I. Часть I. Стб. 1843.
[3] Гучков А.И. В Третьей Государственной Думе (1907-1912 гг.): сборник речей. С. 16.
[4] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, 1907-1908. Сессия I. Часть I. Стб. 1846.

демократического движения. В выступлениях с думской трибуны октябристы заявляли о том, что власть вправе вводить не только чрезвычайное, но и в «исключительных случаях» военное положение, а при подавлении «чрезвычайных явлений» и «открытого мятежа» ими признавалась необходимость и даже неизбежность «нарушения прав отдельных лиц»[1]. Октябристы поддерживали в III Думе правительственные мероприятия по «успокоению страны» и «наведению порядка».

9 июня 1908 г. председатель комиссии о неприкосновенности личности Я.Г. Гололобов внес в Думу разработанный проект закона «о вспомоществовании из средств государственного казначейства пострадавшим от разбойнических действий революционных партий и лиц». Обсуждение законопроекта проходило на двух заседаниях Думы: 10 декабря 1908 г. и 22 января 1909 г. Трудовики и социал-демократы были резко против принятия законопроекта[2].

От кадетской фракции выступил В.А. Маклаков. Он увидел в законопроекте две стороны: демонстративную – осуждение терроризма, и деловую – помощь жертвам террора. В.А. Маклаков полагал, что депутаты III Думы уже исправили ошибки I и II Государственных Дум, осудив террор в формуле перехода к очередным делам в прошлом году. Это, с точки зрения кадета, исчерпало первую цель выдвинутого законопроекта. А с целью создания хорошего закона комиссия, по его мнению, не справилась, поскольку закон, подготовленный ею, непригоден, так как несправедлив[3].

22 января 1909 г. началось уже постатейное голосование по законопроекту. Кадеты использовали данную возможность, чтобы резко раскритиковать правительство, улучшение текста закона их интересовало мало. Так, Ф.И. Родичев при обсуждении ст. 3 произнес речь, которая свелась к обличению власти, на которую он возложил всю вину за терроризм в

---

[1] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, 1907-1908. Сессия I. Часть II. Спб, 1908. Стб. 2671-2672.
[2] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть I. Спб, 1908. Стб. 2454–2460, 2492–2500.
[3] Там же. Стб. 2475–2485.

России[1]. Председатель Думы пытался вернуть кадетского депутата к обсуждению статьи законопроекта, однако это ему не удалось. Речь Ф.И. Родичева вызвала замечания правых и ответный протест кадетов и левых.

Несмотря на позицию кадетов и левых фракций законопроект был принят Думой в третьем чтении[2]. Дума проголосовала и за выделение особого кредита в распоряжение Министра внутренних дел для выдачи пособий обществам, оказывающим помощь пострадавшим от преступных деяний, совершенных с политической целью, и их семействам, отметив данное положение в отдельном законопроекте[3].

Кадеты и левые фракции считали данный законопроект как свое поражение, поэтому 28 января 1909 г. на 41 заседании Думы 103 ее члена поставили в повестку дня обсуждение законодательного предложения об отмене смертной казни. Причем кадеты настаивали, чтобы его не сдавали в комиссию, а решили вопрос на пленарном заседании, так как вопрос простой, а комиссия может затянуть дело[4]. Это предложение кадетов было связано с проблемой терроризма. Его обсуждение привело к бурным дебатам с взаимными оскорблениями депутатов и повтором их аргументации в отношении терроризма. За передачу в комиссию проголосовало 179 депутатов, против – 133[5].

Стоит отметить, что октябристы критиковали и консервативные партии, представленные в III Государственной Думе. Например, в декларации ЦК «Союза 17 октября» от 16 апреля 1909 г. отмечалось, что «крайние правые политические организации, мечтающие о возвращении к старому строю, который самим государем признан отжившим, являются принципиальными противниками деятельности настоящей Думы — деятельности, направленной к обновлению страны на началах, предначертанных высочайшей волей»[6].

---

[1] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть I. Стб. 162-170.
[2] Там же. Стб. 440.
[3] Там же. Стб. 403.
[4] Там же. Стб. 436.
[5] Там же. Стб. 439.
[6] Голос Москвы. 1909. №88. 18 апреля.

Октябристы, хотя и довольно робко, высказывали пожелания приступить, наконец, к реформам. Они считали необходимым осуществить реформирование наиболее архаичных «звеньев» и «механизмов» отдельных министерств и ведомств, удалить из них «безответственных лиц», произвести «чистку» центрального и местного административного и полицейского аппарата от наиболее одиозных бюрократов, занимавших должности по протекции «темных» сил, а также от лиц, которые оказались замешанными в коррупции, провокациях и замечены в прямых связях с черносотенными погромщиками[1]. Однако явного и последовательного осуждения черносотенного террора со стороны октябристов в источниках не обнаруживается. Исходя из этого наблюдения, можно заключить, что они его косвенно поддерживали, поскольку отказ от критики в условиях того времени означал одобрение насилия со стороны монархических организаций. Только ослабление революционной и террористической угрозы со стороны левых партий привело к косвенной критике черносотенцев и их методов борьбы.

На предвыборных собраниях в сентябре 1909 г. в Москве октябристы обвиняли кадетов в поддержке революционных убийств. Так, А.В. Бобрищев-Пушкин в доказательство обвинения приводил следующие факты: «в 1906 г. убито должностных лиц 768, ранено 820; в 1907 г. убито 1231, ранено 1312; в 1908 г. убито 299, ранено 530… Как же отнеслись кадеты к этим потокам крови? Они отказались осудить террор… В “катехизисе” Кизеветтера по вопросу об осуждении террора сказано: “Партия не может осудить гонимых людей, совершающих преступления против врагов народа, не имея возможности привлечь к ответственности привилегированных лиц, которые являются врагами всего народа”. В третьей Думе при обсуждении законопроекта о пособиях жертвам террора Родичев произнес речь, явно восхваляющую политические убийства»[2].

Со второй половины 1909 г. заметен отказ октябристов от полной поддержки правительства в борьбе с революционерами, поскольку теракты

---

[1] Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. С. 52.

[2] Голос Москвы. 1909. №218. 24 сентября.

практически сошли на нет, но власть не спешила переходить к обещанным реформам. Например, на III съезде октябристов (октябрь 1909 г.) был представлен доклад барона А.Ф. Мейендорфа «О неприкосновенности личности и об исключительных положениях». Он исходил из идеи борьбы «Союза 17 октября» за «разоружения и правительства, и враждующих с ним политических партий». По утверждению А.Ф. Мейендорфа, «обоюдная острота государственных репрессий слишком очевидна – те меры, которые рассматриваются властью как самоохрана, в глазах преследуемых приобретают характер насилия и вызывают террор против террора»[1]. С точки зрения октябристов, обе стороны – террористы и правительство – «преклоняются перед разрешением всевозможных конфликтов путем ‘‘силы”, а не ‘‘права’’»[2]. Путь выхода из кризиса виделся им в «‘‘заражении” правительства … теми великими началами справедливости и культурной борьбы, которыми уже достаточно ‘‘заражено” общество»[3].

Основными тактическими приемами, которыми пользовались октябристы, осуждая в Думе революционный терроризм, были полемика с политическими противниками, в основном с кадетами, попытки провести свои резолюции с осуждением террора революционных партий в Думе, выступления с думской трибуны, поддержка действий правительства в прениях и при голосовании.

Начиная с 1910 г. думская фракция «Союза 17 октября» усилила критику «незакономерных» действий правительства и местных властей. Так, выступая 22 февраля 1910 г. при обсуждении сметы МВД, Гучков заявил: «При наступивших современных условиях я и мои друзья уже не видим прежних препятствий, которые оправдали бы замедление в осуществлении гражданских свобод, тех свобод, которые манифестом 17 октября, как вы помните, поставлены рядом с политической свободой. Мы не видим препятствий к более быстрому водворению у нас прочного правопорядка на

[1] Материалы III всероссийского съезда «Союза 17 октября» // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907-1915 гг. М., 2000. С. 90.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 91.

всех ступенях нашей государственной и общественной жизни». Свою речь Гучков закончил знаменательной фразой: «Мы, господа, ждем»[1].

Однако никаких действий со стороны правительства не последовало. В марте 1911 г. в знак протеста против «антиконституционных действий» П.А. Столыпина, связанных с принятием закона о земствах в западных губерниях по ст. 87 Основных законов, А.И. Гучков был вынужден уйти с поста председателя III Думы. Одновременно с этим руководство октябристов начало искать варианты соглашения с прогрессистами и кадетами[2]. Отрицательным последствием этого шага для лидеров «Союз 17 октября» явилось обострение противоречий внутри их думской фракции, которая ко времени окончания работы III Думы оказалась на грани раскола. Надежды октябристов на либеральные реформы после «успокоения страны» не оправдались, несмотря на оказываемую поддержку правительству в борьбе с революцией и осуждение терроризма радикалов.

Тем не менее убийство Столыпина в сентябре 1911 г. вызвало шок в октябристской среде. Их надежда на возможность проведения через Думу либеральных реформ, опираясь на «договор» с властью, совсем исчезла. Обсуждая убийство П.А. Столыпина, октябристы провозглашали свой «Союз 17 октября» «непримиримым противником революционных насилий»[3]. После получения известия о смерти П.А. Столыпина ЦК партии октябристов выпустил воззвание, которое резко осуждало подобный террористический акт: «Презренные убийцы отняли у России одного из лучших сынов ее, Петра Аркадьевича Столыпина… Левые партии, вдохновляемые ненавистью врагов России, усердно раздували вражду к П.А. Столыпину и не остановились перед ролью палача, чтобы нанести смертельный удар человеку, в том и неустанною честною работою на счастье родины. Но даже и такие яркие качества его не спасли от смертельного удара революционных безумцев…»[4].

---

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Часть II. Спб. 1910. Стб. 1970-1974.
[2] Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // Политические партии России: история и современность. С. 120.
[3] Голос Москвы. 1911. №203. 3 сентября.
[4] Голос Москвы. 1911. №206. 7 сентября.

После убийства Столыпина октябристы возложили часть вины и на себя в вопросе отказа общественного мнения полностью поддержать политику правительства: «Мучительно признаться, но часть вины за киевский выстрел лежит на мягкотелости русского общества, в котором не нашлось достаточно сил и энергии для отпора предательских поползновений слева»[1].

15 октября 1911 г. октябристы внесли запрос Председателю Совета министров и министру внутренних дел по поводу убийства П.А. Столыпина, в котором отмечалось, что «революционные партии и враги России, объединившись, исполнили свою давнишнюю угрозу отомстить тому, что когда-то подавил революцию, и устранить грозного для них противника…»[2]. Гучков, защищая проект запроса говорил: «террор когда-то затормозил и тормозит в тех пор поступательный ход реформ; террор давал оружие в руки реакции; террор своим кровавым туманом окутал зарю русской свободы»[3]. Он, выступая в Думе по поводу убийства Столыпина, едва ли не впервые сформулировал мысль о том, что революционные теракты не только не приводили к общественному прогрессу, но выполняли, вопреки замыслам самих террористов, роль катализатора контрреволюционных тенденций.

В ходе избирательной кампании в IV Государственную Думу октябристы указывали на созидательную силу работы III Думы и своей роли в ней. На выборах в IV Думу им удалось получить всего 98 депутатских мандатов. Учитывая неудавшийся опыт сотрудничества со Столыпиным в III Думе, октябристское руководство внесло некоторые изменения в политическую линию своей думской фракции. Все еще продолжая надеяться на «здравый смысл» и «нравственный авторитет» власти и ее реформистские потенции, октябристы стали более настойчиво требовать осуществления «начал» Манифеста 17 октября, чтобы предотвратить очередную вспышку революционных насилий[4]. Но правительство В.Н. Коковцова не желало идти на уступки октябристам.

---

[1] Голос Москвы. 1911. №207. 8 сентября.
[2] Гучков А.И. В Третьей Государственной Думе (1907-1912 гг.): сборник речей. С. 159.
[3] Там же. С. 160.
[4] Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия I. Часть I. Спб., 1913. Стб. 327-340.

Особую тревогу лидеров «Союза» вызвало нарастание кризисных явлений в политической жизни страны. Так, ЦК «Союза 17 октября» 5 октября 1913 г. в своем «Обращении ко всем членам партии» фиксировал, что «красный призрак революции уже ясно поднимается над Россией, и может быть недалеко то время, когда повторятся события 1905 года»[1].

На ноябрьской конференции 1913 г. А.И. Гучков вынужден был заявить о разрыве «договора» с правительством, политика которого уже представляла «прямую угрозу конституционному принципу». Трагизм сложившейся политической ситуации Гучков видел в том, что основная опасность состоит «не в антидинастической проповеди, не в антирелигиозных учениях, не в пропаганде идей социализма и антимилитаризма, не в агитации анархистов против государственной власти», а в том, что правительство своими реакционными действиями подрывает государственные основы, «революционизирует общество и народ», приближая тем самым страну к новой революции. «Историческая драма, которую мы переживаем, – подчеркивал Гучков, – заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против тех, кто является естественными защитниками монархического начала, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти против носителей этой власти»[2].

Октябристы уже с самого начала работы IV Думы стали более настойчиво требовать осуществления манифеста 17 октября, чаще голосовать вместе с прогрессистами и кадетами. Так, они голосовали за прогрессистскую формулу перехода к очередным делам, в которой содержалось требование к правительству «твердо и открыто» вступить на путь «водворения строгой законности», на путь осуществления начал манифеста 17 октября[3].

---

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 14. Л. 179.

[2] Из речи А.И. Гучкова «Общее политическое положение и «Союз 17 октября»», произнесенной на совещании 8 ноября 1913 г. // Российские либералы: октябристы и кадеты. Документы, воспоминания, публицистика / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 162-174.

[3] Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия I. Часть I. Спб., 1913. Стб. 897.

Таким образом, А.И. Гучков характеризовал правительственный курс как ведущий «к неизбежной, тяжелой катастрофе»[1]. Попытка октябристов примирить «две вечно враждовавшие между собою силы — власть и общество», по выражению лидера «Союза 17 октября», «потерпела неудачу»[2]. Октябристы теряли веру в способность и желание правительства провести обещанные реформы и вывести страну из кризиса. Неслучайно, на ноябрьском совещании 1913 г. «Союз 17 октября» по вопросу о политическом моменте было принято постановление, в котором говорилось, что «политика правительства и непомерный произвол властей … способствуют революционизированию народных масс и могут вызвать потрясения, последствия которых неисчислимы»[3]. Правительство, по мысли октябристов, могло привести только к очередному всплеску террора в отношении царских бюрократов. В Департамент полиции в 1916 г. даже поступали сообщения, что А.И. Гучков настроен весьма решительно и в отличие от 1905 г. теперь готов участвовать в революции[4].

Несмотря на прозвучавший на ноябрьской конференции призыв к сплочению, уже в декабре 1913 г. думская фракция октябристов раскололась на три части: земцев-октябристов (65 человек), собственно «Союз 17 октября» (22) и группу из 15 бывших членов фракции, объявивших себя беспартийными, а на деле вошедших в блок с думским консервативным крылом[5]. ЦК партии октябристов в апреле 1914 г. указывало, что существует «возможность скорого повторения в жизни государства недавних потрясений, тем более, что глубокое недовольство выражается во всех слоях общества»[6].

После начала Первой мировой войны октябристы поддержали вступление России в войну, призвав «всех своих единомышленников трудиться отложными делами данной минуты, прилагая все силы к

---

[1] Голос Москвы. 1913. №259. 9 ноября.
[2] Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908-1917. Пт., 1917. С. 106.
[3] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 43. Л. 30.
[4] ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 246. 1916 г. Д. 59. Ч. 46. Лит. Б. Л. 35об.
[5] Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // Политические партии России: история и современность. С. 121.
[6] Голос Москвы. 1914. №86. 15 апреля.

сохранению великого духовного единства, властвующего ныне над Россией, ибо оно — залог победы на поле битвы и мощного развития под сенью мира»[1]. Даже еще в марте 1915 г. на заседании ЦК в Москве депутат IV Государственной Думы М.И. Симонов выразил поддержку от октябристов правительству в «доведении войны до конца»[2].

Раскол фракции и партии поставил октябристов на грань полной катастрофы. Местные отделы партии, по существу, прекратили всякую деятельность. Первая мировая война способствовала окончательной дезорганизации «Союза 17 октября». Как партия он прекратил существование, хотя некоторые крупные партийные деятели (А.И. Гучков, М.В. Родзянко, И.В. Годнев) продолжали играть заметную роль в политической жизни страны вплоть до лета 1917 г.[3] Вопрос о терроре уже с 1912 г. постепенно перестал обсуждаться октябристами по мере прекращения политического терроризма (1908–1911 гг.).

Таким образом, можно заключить, что октябристы были изначально противниками политического терроризма в отношении правительственных чиновников, видя в насилии угрозу стабильности развития общества. «Союз 17 октября» осуждал в первую очередь террор революционеров, тем самым пытаясь оказать поддержку правительству с целью добиться от него проведение либеральных реформ. После отказа власти от реформаторского курса октябристы перешли к конфронтации с ней, полагая, что такой шаг правительства вызовет всплеск нового революционного насилия.

Консервативный либерализм остро ощущал опасность революции, он откровенно боялся ее – но опасался не тех преобразований, ради которых совершаются революции, а революционных методов как таковых, боялся связанного с революцией разрушения жизни. Консервативный либерализм признавал необходимость выполнения требований революции и не мог согласиться с тем, что в борьбе с революцией все средства хороши. Как утверждает историк Н.И. Дедков, в сущности, «единственным методом борьбы с революцией может служить только постепенное выполнение ее

[1] Голос Москвы. 1914. №171. 26 июля.
[2] Голос Москвы. 1915. №52. 4 марта.
[3] Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // Политические партии России: история и современность. С. 121.

требований»[1]. Чрезвычайные меры, реакция, контрреволюция представляют собой то же самое разрушение жизни, которое консервативный либерализм не приемлет в революции. Как отмечал А.И. Гучков в марте 1917 г., старая власть не в состоянии была вывести Россию из тяжелого положения: «Мы не были революционной организацией, … но мы сделались таковыми: это вы нас такими сделали»[2]. Именно поэтому при отказе власти от проведения либеральных реформ происходила радикализация тактики октябристов.

§ 3. Терроризм и партии российских промышленников и предпринимателей в период революции 1905-1907 гг.

В России в период революционных событий 1905-1907 гг. ощущалась необходимость в создании партий, способных консолидировать деловые круги, а также определить линию в отношении к расширявшемуся террористическому движению. Поскольку крупные предприниматели и банкиры Петербурга находились в тесных контактах с верхами столичной бюрократии, то центр оппозиционной активности российских промышленников находился в Москве, где были сосредоточены крупнейшие предприятия легкой и пищевой промышленности, по которым особенно болезненно ударили последствия экономического кризиса 1900-1903 гг. Промышленные круги в своей среде имели серьезные расхождения по отношению к вопросу о целесообразности, характере и масштабе реформ в России.

Прогрессивно-экономическая партия (ПЭП), созданная в октябре 1905 г. в Петербурге по инициативе руководства Санкт-Петербургского Общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности (С.С. Хрулев, К.Я. Паль, Э.Л. Нобель и др.), в своей политической программе декларировала приверженность конституционной монархии, а также принципу гражданского равноправия[3].

---

[1] Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005. С. 185.

[2] Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908-1917. С. 114.

[3] Россия едина и неделима (политическая программа Прогрессивно-экономической партии) // Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных

В своей программе, по утверждению В.Ю. Каршинина, ПЭП «декларировала приверженность конституционной монархии, а также принципы гражданского равноправия, свободы печати и слова, вероисповедания, передвижения»[1].

Декларативно тактика ПЭП носила сугубо мирный и парламентский характер, поскольку уже 21 октября 1905 г. в своем Воззвании к предстоящим выборам в Государственную Думу указала, что «мы желаем, чтобы первые заботы Думы были посвящены освобождению страны от гнета бесправия и от безответственного произвола власти»[2]. Революционные насилия не поддерживались, так как главная цель должна сводиться «не у к упоению свободой, не к радостям и торжеству успеха, а к неустанной, созидательной, рабочей деятельности во имя прогресса и мощного развития страны»[3]. Косвенная критика радикальных партий и их методов политической борьбы была выражена в призыве не допустить, чтобы «вопросы разрешались людьми, чуждыми практическому делу», и «употребить все усилия, чтобы провести в Думу надежных людей, понимающих истинный смысл хозяйственных отношений, в противном случае ошибочными решениями Думы страна будет вовлечена в опасные опыты и будет обречена на долгое томительное экономическое бессилие, при котором невозможно рассчитывать на восстановление былой силы и желанного могущества России»[4].

Политический терроризм крайних радикалов прямо осуждался ПЭП в «Воззвании к людям труда»: «истину «В единении сила!» крепко усвоили себе люди смуты и мятежа»[5]. В этом воззвании отмечалось, что «домогаясь, под видом целей общегосударственных, торжества своих частных, узких целей, они горячим словом и смелой настойчивостью увлекли за собой

сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах. СПб., 1906. С. 69.

[1] Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей // Политические партии России: история и современность. С. 99.

[2] Воззвание от Прогрессивно-экономической партии к предстоящим выборам в Государственную думу // Российские партии, союзы и лиги… С. 68.

[3] Там же. С. 68.

[4] Воззвание от Прогрессивно-экономической партии к предстоящим выборам в Государственную думу // Там же. С. 70.

[5] Воззвание к людям труда // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. М., 2004. С. 32.

многих доверчивых и пылких людей, слепо по недомыслию ринувшихся за ними в кровавую борьбу с государственным порядком и мирными жителями, в чаянии себе заманчивых, но неосуществимых благ жизни»[1]. Фиксируя временную силу экстремистов, несмотря на их малочисленность, утверждалось, что большинство населения осуждает и не поддерживает подобную деятельность, направленную против власти: «миллионы честного, трудящегося люда, взирая с негодованием и тревогой на происходящее вокруг них, ждут бездеятельно окончания смуты и бедствий»[2].

Таким образом, не разделяя взгляды крайних социалистических партий и видя в них прямую угрозу для стабильности государства, ПЭП призывала население поддерживать Государственную Думу для осуществления, с ее точки зрения, необходимых стране политических и социально-экономических реформ.

Манифест 17 октября 1905 г. привел к созданию Всероссийского торгово-промышленного союза (ВТПС), который предпочел дистанцироваться как от крайне левых, так и от правых, причислив «себя к конституционно-монархическим партиям»[3]. На собрании ВТПС в Петербурге 19-22 февраля 1906 г. докладчик А.П. Виссендорф определил главным принципом политической программы партии немедленное начало созидательной работы Государственной Думы, без одобрения которой «ни один закон не должен воспринять силы»[4].

Еще одной партией промышленников и предпринимателей, основанной в Петербурге, стала Партия правового порядка (ППП), выпустившая свое первое воззвание еще до опубликования Манифеста 17 октября, в котором провозгласила, что «полное уважение к чужим мнениям, недопущение в борьбе ни клеветы, ни насилия должны быть руководящею основою в деятельности всякой честной партии, стремящейся лишь к благу общему и не дающей под своим знаменем места вожделения личного характера»[5].

---

[1] Воззвание к людям труда // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 32.
[2] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 103. Л. 18.
[3] Новое время. 1906. 23 февраля.
[4] Там же.
[5] Воззвание Партии правового порядка // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 76.

Программа партии утверждала приверженность конституционным принципам и устанавливала требование необходимости сильной государственной власти, поскольку «без нее никакой правовой порядок немыслим»[1].

Партия правового порядка располагала большим количеством местных организаций. Однако контакты последних с петербургским имперским советом ППП (так именовался высший орган партии), по замечанию В.Ю. Карнишина, «были нерегулярными и носили своеобразный характер»[2]. Председателем имперского совета партии был избран князь Н.Б. Щербатов – крупный полтавский землевладелец, а товарищами (заместителями) председателя – Е.П. Ковалевский и Б.М. Якунчиков[3].

ППП исходила из того, что страна нуждается в политической стабильности, поэтому насилие и произвол с чьей бы то ни было стороны должен, с ее точки зрения, осуждаться. В разъяснениях положений программы партии фиксировалось, что для упрочения «нравственного авторитета государственной власти» необходимо провести «амнистию по политическим и религиозным делам»[4].

В ходе предвыборной борьбы в I Государственную Думу ППП открыто критиковала социалистические партии[5]. Например, одесское отделение в одном их февральских воззвании 1906 г. призвало не верить социалистам, «потому, что они все против царя», «набрались обрывков разных теорий разрушения государственных основ»[6].

Уже 26 февраля 1906 г. на предвыборном собрании членов ППП Василеостровской части Петербурга было определенно стремиться «действовать заодно со всеми умеренными партиями в интересах

---

[1] Воззвание Партии правового порядка // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 76-77.

[2] Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей // Политические партии России: история и современность. С. 102.

[3] Там же.

[4] Воззвание Партии правового порядка // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 79.

[5] См.: Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей в России в 1905-1907 гг. // Политические партии в российских революциях в начале XX века. / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2005. С. 131-146.

[6] Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 92.

созидательной работы в Государственной Думе и в деле борьбы с крайними партиями»[1]. На собрании членов ППП в Петербурге 18 апреля 1906 г., где обсуждались результаты выборов и причины поражение на них собственной партии, П.П. фон Винклер подверг критике кадетов, заявив: «ошибочно думать, что в среде этой партии были только умеренные конституционалисты – на самом деле более 2/3 ее составляют крайние элементы»[2]. С.В. Лавров пошел еще дальше, утверждая, что «Партия народной свободы» - «лже-либералы», так как «они требуют свободы для всех народов, исключая русского», а также поддерживали террористов[3].

Тактика ППП строилась на отрицании нелегальных методов политической борьбы. Так, Киевский ЦК партии утверждал, что «главной руководящей нитью членов партии должно быть твердое убеждение, что немедленное проведение в жизнь конституционно-правовых начал для блага народов России необходимо и что великое дело обновления отечества возможно только путем мирной законодательной работы народных представителей, а не путем насилия, что идеи правопорядка трудно провести в жизнь, когда на улице раздается призыв к оружию, льется кровь и стелется дым пожаров»[4]. Далее следовал призыв: «Спокойствие необходимо! Не надо нам кровавой революции, и да здравствует мировая эволюция!»[5].

Анализируя политическую ситуацию, киевское отделение ППП выделило три группы партий: реакционные, прогрессивные, социалистические. Себя относили к группе прогрессивных партий и даже ставили свою партию на первое место в этой группе. «Союз 17 октября», Прогрессивно-экономическую и Конституционно-прогрессивную партии деятели ППП считали своими единомышленниками. Кадетов они обвиняли в угрозах «правительству развитием революции» для проведения своих требований[6]. Социалистические партии ППП представлялись угрозой для России, поскольку, как указывалось, они «хотят переустроить мир кровью и

---

[1] Новое время. 1906. 27 февраля.
[2] Петербургский листок. 1905. 19 апреля.
[3] Там же.
[4] Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 109.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 110.

железом… отрицают собственность и проповедуют насилие под названием революция»[1].

В политическом терроризме социалистических партий ППП видело огромную угрозу обеспечению стабильности государства и проведению реформистского курса. Несмотря на проведение широкой амнистии по политическим и религиозным делам, крайние левые партии требовали освободить из заключения абсолютно всех заключенных, осужденных по политическим мотивам, что не устраивало консервативных либералов из ППП, которые утверждали, что лозунг – «Политические преступники наказанию не подлежат!» - «великое недоразумение», вкоренившееся в умы граждан[2]. Особо отмечалась характерная черта социального состава радикалов: «особенное сочувствие социалистические теории о грабеже частной собственности … находят в среде острожных обитателей и всех воров и разбойников»[3].

Хотя в программе ППП и было заявлено требование проведения политической амнистии, но она ограничивалась в отношении убийц и грабителей лозунгом: «Нет амнистии преступникам, пролившим человеческую кровь и собирающимся ее проливать! Их место в тюрьме и каторге, как и всех уголовных преступников, а не среди мирного населения! Этого требует общественная безопасность и здравая логика! Это необходимо!»[4]. ППП считала, что «политические преступники могут быть амнистированы как таковые, но обязаны нести уголовную ответственность по роду своих преступлений»[5].

Таким образом, можно заключить, что, по логике руководства ППП (Н.Б. Щербатов, Е.П. Ковалевский, Б.М. Якунчиков и т.д.), за политические убийства, террористическую деятельность и экстремистские действия должна обязательно наступать уголовная ответственность, но государство должно гарантировать свободу слова, мысли и мнения.

---

[1] Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 110-111.
[2] Право и порядок. 1905. №4. С. 5.
[3] Там же. С. 7.
[4] Там же. С. 9.
[5] Там же.

Другой одной из крупнейших партией делового мира России являлась Торгово-промышленная партия (ТПП), основанная московскими предпринимателями (братья В.П. и П.П. Рябушинские, Г.А. Крестовников, В.С. Баршев), которые проявили наибольшую активность в течение 1905 г. Программные установки ТПП, изложенные в ее воззвании, а также в дополнениях к программе, концентрировали основные положения по совершенствованию внутренней политики и поддержки правительства в проведении в жизнь начал Манифеста 17 октября. Особо акцентировалось внимание на необходимости укрепления правопорядка, гарантами которого являлись правительство и «созидательная деятельность Государственной думы»[1]. Программа партии «избегала всего, что могло быть сочтено за отсутствие реализма»[2].

Симптоматично, что в условиях политизации общества, роста оппозиционных настроений, хаоса и конфронтации в программе партии отсутствовали популистские обещания, а жесткий прагматизм, доказательность нереалистичности призывов радикальной оппозиции, нацеленные на массовую поддержку в торгово-промышленной среде, не нашли должного понимания. Апелляция ТПП к осознанию сложности задач, которые стояли перед Россией, и невозможности ее решения, используя лозунги радикальных левых партий, была заглушена митингами и насилием со стороны радикалов, участвовавших в событиях Первой российской революции. Подтверждением справедливости подобной оценки может быть следующее суждение: «Сплоченными являются только крайняя социалистическая и революционная партии… Страна в панике, жизнь страны остановилась, страна гибнет от смуты»[3].

В объяснительной записке к программе ТПП высказывалось мнение о необходимости скорейшего объединения «лиц правового порядка… протестующих против смуты… не допускающих насилий, разгромов, убийств» с целью «противопоставить мнения, взгляды, желания массы

---

[1] От Торгово-промышленной партии // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 135.

[2] Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей // Политические партии России: история и современность. С. 103.

[3] От Торгово-промышленной партии // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 134.

населения тем кучкам лиц крайних воззрений, которые будучи сплочены, выступают на собраниях, съездах, митингах, в газетах, агитируют, кричат и выдают свои мнения и желания за требования все страны»[1]. Отмечая полное бездействие и парализацию власти на местах в отношении акций крайних партий («мы видим насилия, разгромы, убийства, при которых полиция и войска только присутствуют в качестве зрителей, а судебные власти даже не решаются возбудить следствие для привлечения к ответственности виновных. Словом, полное отсутствие власти, полная анархия»[2]), деятели ТПП призывали поддержать действующее правительство, поскольку «власти действительно не знают, что делать» из-за непрекращающейся критики любых ее действий[3]. Деятельность радикальных партий резко осуждалась, поскольку в их сплоченности и деятельности виделась основная причина того, что «жизнь остановилась, страна гибнет от смуты» [4].

Таким образом, становится ясно, что ТПП выступала в поддержку реализации курса на успокоение страны и с критикой революционеров, утверждая: «насилие с одной стороны вызовет всегда насилие с другой, а правом и добрым желанием можно всего достигнуть»[5].

Определенный интерес для освещения заявленной темы представляет история Умеренно-прогрессивной партии, поскольку она программно была более близка к кадетам, чем к консервативным либералам. В создании УПП активное участие приняли братья В.П. и П.П. Рябушинские, а также владелец крупного виноторгового предприятия В.И. Корнунг. Как отмечает В.Ю. Карнишин, «пытаясь заручиться широкой поддержкой населения, авторы программы подчеркивали сходство собственных установок с курсом конституционно-демократической партии»[6]. Стоит отметить, что образованная партия в ноябре 1905 г., уже в марте 1906 г. объединилась с Партией демократических реформ.

---

[1] От Торгово-промышленной партии. Дополнение №2 // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 145.
[2] Там же. С. 146.
[3] Там же.
[4] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 50. Л. 159об.
[5] Воззвание от Торгово-промышленной партии // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 204.
[6] Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей // Политические партии России: история и современность. С. 105.

Программа УПП в сфере государственно-правовых вопросов провозглашала необходимость соблюдения принципов правового государства и устанавливала требование об ответственности министров перед народным представительством, наделенным законодательной властью[1]. Главной задачей партии виделось «всеми законными мерами содействовать установлению на Руси незыблемого правового порядка и обеспечению мирного и беспрепятственного развития ее производительных сил для блага и счастья всего российского населения»[2].

УПП полагала, что «непрекращающиеся народные волнения, партийная и национальная распри грозят неисчислимыми бедствиями нашему Отечеству», а «главные причины настоящей смуты заключаются в неправильном понимании Манифеста 17-го октября и предстоящих реформ, с одной стороны, и в неумеренных требованиях крайних радикальных партий — с другой»[3]. В своих обращениях УПП поддерживала власть, считая необходимым бороться с крайними революционными организациями и забастовками как методом политической борьбы, так как основным принципом должно было быть, с их точки зрения, всеобщее стремление «к удовлетворению в России законности и порядка»[4]. Однако, лозунги партии не нашли достаточного количества своих сторонников.

Испытанием на убедительность лозунгов и прочность либеральных партий промышленников и предпринимателей стала борьба за голоса избирателей на выборах в I Государственную Думу. Уже 25 ноября 1905 г. был создан Соединенный комитет умеренных партий, в который вошли представители «Союза 17 октября», Прогрессивно-экономической партии, Всероссийского торгово-промышленного союза, Партии правового порядка, Демократического союза конституционалистов, Лиги свободы и порядка, Союза мирной борьбы за обновление, Саратовского союза монархистов-конституционалистов, Тульской партии за царя и порядок и пр.[5]

---

[1] Программа Умеренно-прогрессивной партии // Российские партии, союзы и лиги… С. 27-28.
[2] Воззвание Умеренно-прогрессивной партии // Там же. С. 25.
[3] Там же. С. 26.
[4] Граждане Первопрестольной столицы! // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 215.
[5] Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей // Политические партии

Соединенный комитет обращал внимание на две угрозы существующим государственным устоям – революционные силы, сумевшие завоевать симпатии населения, и принципиальные противники преобразований. В сложной ситуации декабря 1905 г. ТПП, УПП и московский отдел ППП безоговорочно поддержали меры царского правительства по подавлению московского вооруженного восстания. Уже 15 декабря по Москве было распространено воззвание этих партий, «осуждавшее всеобщую политическую стачку и вооруженное восстание»[1]. Умеренно-консервативных либералов объединяло желание прекратить любые революционные насилия, в том числе и политический терроризм радикальных партий.

Политизация общественно-политической жизни России достаточно отразилась на содержании процесса самоидентификации деловых кругов, оказавшихся во многом заложниками растущей радикализации различных слоев населения. Роковую роль сыграла проблема неуступчивости и монологизма во взаимоотношениях между группировками отечественного капитала. Наконец, реальность российской модернизации «порождала новые социальные коллизии, рецепты лечения которых в упрощенной (популистской) форме были предложены радикальными политическими партиями, способными перехватить инициативу у своих оппонентов»[2].

В период предвыборной кампании в I Думу Соединенный комитет был вынужден проявлять определенную осторожность из-за критики в адрес умеренных либералов как справа, так и слева. Ораторам от партий промышленников и предпринимателей не удалось склонить симпатии избирателей выборщиков на свою сторону. Так, среди 16 депутатов, представлявших Соединенный комитет в I Думе, преобладали октябристы. От партий промышленников и предпринимателей прошел лишь один из лидеров ТПП – В.С. Баршев[3].

России: история и современность. С. 105.

[1] Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей // Политические партии России: история и современность. С. 106.

[2] Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей в 1905 – 1907 гг. // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. I. Кострома, 2010. С. 159.

[3] Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей // Политические партии России: история и современность. С. 107.

Данное поражение для этих партий привело к прекращению существования Соединенного комитета и сворачиванию деятельности немногочисленных местных отделов. Авторитетные деятели предпочитали переходить в более крупные политические организации (преимущественно в «Союз 17 октября»)[1].

Импульсом к активизации структур ППП, ПЭП, ТПП, уцелевших к лету 1906 г., стало решение о роспуске I Думы. Многие умеренные партии промышленников и предпринимателей предпочли блокироваться не с кадетами, а октябристами, с которыми были близки по вопросу осуждения террористической деятельности радикальных партий. Так, деятели ПЭП пошли на выборы по списку октябристов, а ТПП, также вступившая в блок с «Союзом 17 октября», продолжала терять своих сторонников, переходивших к октябристам[2]. Как отмечает историк М.Н. Барышников, оппозиционное движение (будь то либеральное или социалистическое) «не оказало сколько-нибудь значительного влияния на процесс политической консолидации предпринимателей, поскольку последний в большей мере зависел от расстановки сил, степени влияния и интересов отдельных группировок внутри самого делового мира Петербурга»[3].

Таким образом, либеральные партии промышленников и предпринимателей не смогли утвердиться в качестве влиятельной силы в российских политических реалиях. Даже осуждение насилия, террористических актов революционеров не приводило к усилению позиций либеральных партий промышленников и предпринимателей, поскольку большая часть электоральной поддержки переходило «Союзу 17 октября» или другим умеренным либералам (партиям мирного обновления или демократических реформ), у которых отсутствовала жестко определенная ориентация на представительство немногочисленных социально-экономических групп.

---

[1] Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия. С. 386.
[2] Карнишин В.Ю. Введение // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. С. 22.
[3] Барышников М.Н. Предприниматели в общественно-политической жизни Петербурга накануне выборов в I Государственную Думу // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2. С. 127.

§ 4. Политический терроризм начала XX в. и партии демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов

Отсутствие своевременной адекватной реакции верховной власти на события в России, запаздывание в проведении назревших реформ, нежелание самодержавия расставаться с неограниченной властью вели к эскалации социальной напряженности, радикализации массового сознания и нарастанию отчуждения между обществом и государственными структурами. Процесс поляризации затронул и либеральную среду, ускорившись с конца XIX в.

Категорически неприемлемой для умеренных либералов была тактика левых («профессиональных разрушителей»), характерной чертой которой являлась ставка на насилие в стремлении к осуществлению своих идеалов. Главной задачей они считали мобилизацию сил страны на созидательную работу государственного строительства[1].

Идеологи прогрессизма считали своим долгом напоминать либералам, независимо от партийной принадлежности, о необходимости выдерживать в «чистоте» принцип безусловного осуждения террора, в какой бы «цвет» он ни был окрашен. Необходимо видеть «грозную опасность» в лице «внутреннего врага» - крайних партий, - призывал кн. Е.Н. Трубецкой в 1904 г. «Поймите, князь, что в России нет внутреннего врага, кроме самодержавия», - отвечал ему П.Б. Струве[2]. Эта полемика отразила характерные черты дискуссии между умеренно-консервативными и «демократическими» либералами и в последующие годы.

Первой заметной политической организацией умеренных либералов стала Партия демократических реформ, созданная по инициативе А.С. Посникова и К.К. Арсеньева в январе 1906 г.[3] Принципиальную позицию лидеры демреформистов занимали по вопросу тактики –

---

[1] Хайлова Н.Б. В поисках «почвенной» модели либеральной партии накануне и в годы Первой русской революции // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 292.

[2] Освобождение. 1904. №58. С. 136.

[3] Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ // Политические партии России: история и современность. С. 123.

неизменная приверженность мирному пути обновления России, т.е. ориентация исключительно на легальную форму деятельности и осуждение любых форм насилия. Тактика была ориентирована исключительно на легальную деятельность. «Вся наша сила в убеждении и слове… Парламентская трибуна – кафедра, которой нет равной», - подчеркивал Ковалевский[1]. Именно политические вопросы, а также неизменная приверженность принципу ненасилия в политической деятельности способствовали объединению умеренных сил, прежде всего, в Государственной думе[2].

Заметим, что именно медлительность кадетов в «отграничении» себя от союзников «слева» послужила стимулом к образованию партий умеренных либералов. Граф Гейден покинул партию Народной свободы «не из-за польской автономии, - разъяснял член Партии демократических реформ и политический обозреватель «Вестника Европы» В.Д. Кузьмин-Караваев. – Он бывший революционером и искренне принявший Манифест 17 октября… Он разорвал с ними потому, что они медлили сказать прямо – кто они»[3]. Именно по этой причине сначала появился «Союз 17 октября», а затем Партия демократических реформ и Партия мирного обновления, а также ряд других малых партий либерального толка.

Ответственность за революционный кризис, который переживала страна, умеренные либералы возлагали прежде всего на правящие круги, постоянно опаздывающие с проведением назревших реформ[4]. Они хотели протянуть руку власти, чтобы вывести страну из революционного кризиса, поэтому ряд общественных деятелей (Д.Н. Шипов, А.И. Гучков, Н.Н. Львов, М.А. Стахович) готовы были войти в правительство в качестве министров[5]. Но переговоры закончились безрезультатно.

Умеренные либералы видели свою задачу в сохранении основы программы и тактики российского либерализма, усилении

---

[1] Страна. 1906. №73. 16 мая.

[2] Хайлова Н.Б. Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 300.

[3] Вестник Европы. 1907. №8. С. 737.

[4] Российские либералы: сб. статей / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. С. 474.

[5] Там же. С. 481.

консолидирующего потенциала либерального движения. Линия, предложенная идеологами умеренно-прогрессивного течения, была ориентирована на поиски консенсуса, на согласование интересов различных слоев общества, создание широкого блока реформистских сил, на основе укрепления российской государственности. Например, в «Воззвании Партии демократических реформ к русскому обществу» 18 января 1906 г. было указано, что «не для разъединения сил, стремящихся мирным путем к обновлению России, образуется новая партия. Наоборот, она имеет в виду их сосредоточение»[1]. Далее разъяснялось, что «резко отделяясь от крайних левых партий отрицанием возможности внезапного переворота в общественном строе, от правых партий – решительным разрывом с остатками бюрократического режима и признанием необходимости коренных преобразований не только политических, но и социальных, наша партия имеет много точек соприкосновения с другими, образующими как бы левый центр политической армии. Отсюда вытекает сама собою возможность и даже необходимость совместного … действия…»[2]. Более того, Партия демократических реформ выступала в защиту социалистов, настаивая на необходимости «признать их существование, отказаться от полицейского и судебного преследования, ввести их в сферу общего права»[3].

По мнению Н.Б. Хайловой, члены партий умеренно-либеральной ориентации – это «люди особого психологического склада, которые были высоконравственными, чуждыми демагогии и политиканства»[4]. В своей деятельности они пытались соединить мораль и политику. Именно поэтому вопрос об отсрочке исполнения смертных приговоров до обсуждения данного вопроса в Государственной Думе так сильно волновал умеренно настроенных либералов, что основатель и лидер Партии демократических реформ М.М. Ковалевский уже в начале заседаний I Государственной Думы написал обращение Николаю II: «Ваше Императорское Величество,

---

[1] Сборник программ политических партий в России / Под. ред В.В. Водовозова. Вып. IV. Спб., 1906. С. 3.
[2] Там же. С. 4-5.
[3] Вестник Европы. 1907. №3. С. 332.
[4] Хайлова Н.Б. Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 16-17.

обращаемся к вам с ходатайством о сохранении жизни осужденных к смертной казни, в виду предстоящего изменения действующего законодательства по этому предмету. Озабоченные умиротворением страны, мы просим вас воспользоваться вашим Верховным правом помилования и отсрочить исполнение приговоров до того момента, когда Государственной Думой положено будет начало приближению нашей системы наказаний к требованиям народной совести и к мнениям русской юридической науки»[1].

Газета «Страна» 28 мая 1906 г. опубликовала это воззвание с просьбой подписать «обращение к Монарху, написанное М.М. Ковалевским», поскольку «Государственная Дума неготовностью министров вынуждена отложить на месяц рассмотрение закона об отмене смертной казни». Статья сопровождалась призывом: «Сколько смертных приговоров будет поставлено за этот месяц! Их готовятся вынести в Севастополе, Риге и многих других городах. Граждане, спасите осужденных!»[2]. Более того, в ходе избирательной борьбы во II Государственную Думу 14 октября 1906 г. М.М. Ковалевский в предвыборном воззвании «Под общим знаменем» призвал «развернуть над знаменем отдельных партий одно великое знамя русской свободы и законности»[3]. Консолидация предполагалась на основе либеральных лозунгов: «Долой полевые суды и ссылки в административном порядке в Нарымский край! Долой намордник, наложенный на печать и собрания; долой давление администрации на правосудие!»[4]. Призыв М.М. Ковалевского поддержал член Партии демократических реформ И.Н. Ефремов, считающий необходимым «объединиться около людей, которые внушали бы безусловное доверие к своему испытанному конституционализму, и идти на защиту России – от всякого деспотизма под общим флагом полного обновления ее на началах свободы и законности»[5].

Стоит отметить, что примерно в тоже время в недрах I Государственной Думы возникло течение мирного обновления. 8 июня 1906 г. состоялось

---

[1] Обращение М.М. Ковалевского Николаю II в мае 1906 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. С. 56.
[2] Страна. 1906. №84. 28 мая.
[3] Страна. 1906. №186. 14 октября.
[4] Там же.
[5] Страна. 1906. №189. 18 октября.

заседание группы, на котором было избрано специальное бюро и определено ее название: Партия «мирного обновления» (окончательное наименование – Прогрессивная партия мирного обновления)[1].

Партия мирного обновления в своей программе зафиксировала: «Стремясь к мирному обновлению России, мы находим необходимым при решении важнейших вопросов настоящего времени строго ограничиться как от крайних левых партий, считающих возможным изменить общественный строй путем насильственного осуществления отвлеченных теорий, так и от тех правых элементов, которые удовлетворяются лишь частичными улучшениями»[2]. Также в программе декларировалась необходимость отмены смертной казни, поэтому подобное требование включалось в воззвания «К избирателям от Партии мирного обновления»: «Смертная казнь отменяется навсегда»[3].

Мирнообновленцы выступали «за политическую амнистию», подчеркивая свое отрицательное отношение к насилию, откуда бы оно ни исходило[4]. Они осуждали царское правительство за его грубые расправы и репрессии. Впрочем, еще большую критику вызывал у них терроризм революционных партий. Так, в обращении к населению «от Партии мирного обновления» 27 июля 1906 г. было зафиксировано: «…думская группа приняла название «обновление», желая указать на то, что она враждебна насилию и произволу, откуда и от кого бы они ни исходили. Обновление нашей родины возможно лишь путем преобразований, а не действиями насилия, убийством и грабежом»[5].

Партия мирного обновления заявляла, что «борьба за право против самовластья как правительства, так крайних партий должна быть облечена в правовые формы»[6]. Более того, говорилось, что политическая борьба должна

---

[1] Шевырин В.М. Партия мирного обновления // Политические партии России: история и современность. С. 128.
[2] Программа Партии мирного обновления // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. С. 63.
[3] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 103. Л. 22.
[4] Партия мирного обновления. Постановления группы прогрессистов и программа партии. Спб., 1906. С. 14.
[5] Товарищ. 1906. №25. 3 августа.
[6] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 103. Л. 20.

быть «безусловно чужда тех террористических средств, которые подрывают нравственные основы права, создавая в России атмосферу всеобщего одичания, озлобления и ненависти». Исходя из признания безусловной ценности человеческой личности, Партия мирного обновления высказывала свое решительное отвращение к политическим убийствам и к политическим казням, - «ко всякому кровавому террору – революционному и правительственному». Превыше всего она дорожила «чистотою нравственного облика освободительного движения»[1].

Один из лидеров мирнообновленцев князь Е.Н. Трубецкой, критикуя кадетов, в ноябре 1905 г. писал: «Перед русским обществом в настоящее время ставится такая альтернатива: или идти тем насильственным путем, коего неизбежный логический конец – анархия, т.е. всеобщее уничтожение, или же попытаться мирным путем пересоздать, улучшить и тем самым укрепить нынешнее слабое, непоследовательное и потому, разумеется, плохое правительство. Среднего пути быть не может. Сесть между двумя стульями в настоящее время всего опаснее, ибо как раз между двумя стульями находится тот провал, который грозит поглотить сначала русский либерализм, а затем всю русскую интеллигенцию и культуру...»[2].

Е.Н. Трубецкой являлся противником террора «в принципе» и вышел даже из партии кадетов из-за отказа той осудить революционный террор. Он писал: «Да и самое ограничение террора тут не более как непоследовательность: если можно убивать членов правительства, то почему нельзя убивать тех людей, которые служат опорой правительству? Почему имущество должно считаться священнее жизни? Если для целей революции дозволено убивать, то почему же для этих же целей недозволительно грабить?»[3]. А. Тыркова-Вильямс объясняла выход Е.Н. Трубецкого из кадетской партии его христианской верой, указывая на то, что «руководящая верхушка русской интеллигенции отошла от Церкви, от Христа»[4]. На все свои моральные и правовые доводы он неизменно получал один ответ:

---

[1] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 103. Л. 20.
[2] Русские ведомости. 1905. 16 ноября.
[3] Московский еженедельник. 1906. №22. 19 августа. С. 7.
[4] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 412.

«Пусть правительство сначала прекратит свой террор, а там посмотрим»[1]. Именно моральные соображения в выборе тактических средств привели князя Трубецкого в Партию мирного обновления.

Еще один лидер мирнообновленцев П.А. Гейден пытался внушить депутатам I Государственной Думы, что «мы ведь пришли сюда бороться с произволом, и, понятно, не произволом должны бороться, а законом и внушением уважения к нему». Новый порядок, по его убеждению, нужно было «заводить новыми приемами: глубоким уважением к закону и даже личности своего врага»[2]. Поэтому Гейден и его единомышленники из Партии мирного обновления предложили Думе высказать свое решительное осуждение к террору, считая его оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства. При обсуждении ответного адреса Гейден говорил: «…я всегда был противником смертной казни, основываясь на том простом соображении, что крайне нежелательно заставлять других осуществлять то, чего мы не желаем осуществлять сами. Я сам не желаю осуществлять смертную казнь и не заставляю никого ее применять, поэтому я всегда был противником смертной казни». Что касается амнистии, то мирнообновленец был убежден, что она «необходима для внесения успокоения в страну», но вместе с другими депутатами они внесли поправку, что если Дума обращается «с ходатайством об амнистии вверх к Монарху», то с такой же просьбой об амнистии следует обратиться и вниз, прося революционеров «не применять смертной казни, которая точно такой же позор для страны, как и смертная казнь сверху»[3].

Другой лидер мирнообновленцев М.А. Стахович также в I Думе активно протестовал против принятия требования амнистии в той форме, как оно было предъявлено кадетским большинством Думы, настаивая на том, чтобы одновременно с требованием амнистии Дума обратилась с обращением и к населению страны с призывом прекратить террор. На историческом заседании 4 мая 1906 г. он предложил Думе, наряду с призывом к амнистии,

---

[1] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 412.
[2] Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Стб. 899, 1483.
[3] Там же. Стб. 137.

добавить в ответный адрес Государю решительное осуждение политических убийств[1]. Когда же его предложение не было принято, он, вместе с другими шестью депутатами, покинул зал заседаний до голосования по проекту ответного адреса Думы на тронную речь императора[2].

Партия мирного обновления в своем обращении к избирателям, опубликованном 12 июля 1906 г. признала законным роспуск I Государственной Думы и призвала «спокойно подчиниться закономерной воле Царя и продолжать мирную и упорную работу отстаиванья нужд, прав и свободы русского народа»[3]. В обращении графа П.А. Гейдена, Н.Н. Львова и М.А. Стаховича подчеркивалось, что «всякие насилия, беспорядки и нарушения законов представляются не только преступными, но среди переживаемой смуты прямо безумными», поскольку «они не только вызовут крутые меры правительства, вынужденного охранять силой … целостность государства и безопасность граждан, … повлекут множества жертв и бесплодных потерь, прольют кровь…, но они повлекут обессиленную и истощенную Россию … к окончательному разорению, к распадению, к гибели»[4].

Партия мирного обновления признавала безусловную ценность личности и осуждала террор как правительственный, так и революционный. Таким образом, мирнообновленцы занимали по вопросу об отношении к терроризму промежуточную позицию между октябристами, выступавшими против революционного террора, и кадетами, осудившими только военно-полевые суды.

Мирнообновленцы стремились сформировать политический центр, который мог бы нейтрализовать и силы реакции, и силы революции, выступая за мирное, эволюционное развитие страны[5]. Центральный комитет Партии мирного обновления уже 21 октября 1906 г. выпустил обращение к

---

[1] Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из история русской политической мысли XIX-XX вв. М., 2009. С. 112.

[2] Егоров А.Н. Образ М.А. Стаховича в воспоминаниях современников // Орловский мудрец, опередивший время: сборник научных статей. Орел, 2011. С. 88.

[3] Новое время. 1906. 12 июля. С. 2.

[4] Там же.

[5] Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия. С. 424.

населению, в котором было зафиксировано, что мирнообновленцы считают «не только допустимым, но и желательным предвыборный союз с другими конституционными партиями»[1]. В этой же листовке партия также высказывала «свое решительное отвращение к политическим убийствам и к политическим казням, - ко всякому кровавому террору – революционному и правительственному», но «борьба за право против самовластия как правительства, так и крайних партий должна быть облечена в правомерные формы»[2]. В этот же день было опубликовано извещение «от Партии демократических реформ» и «основные положения программы партии демократических реформ», сформулированные к началу избирательной кампании во II Государственную Думу, где повторялись положения мирнообновленцев, характеризующие положение в России с точки зрения умеренных либералов: «Никогда не было произносимо и приводимо в исполнение столько смертных приговоров. И, вместе с тем, никогда не повторялись так часто и в таких ужасающих формах террористические акты»[3]. Таким образом, в основу установок Партии мирного обновления, как пишет В.Н. Селецкий, легло осуждение «насилия и произвола от кого бы они не исходили», а также стремление к «преобразованию государственного строя мирными средствами»[4].

Определенный интерес представляет письмо в редакцию газеты «Страна» И.Н. Ефремова, опубликованное 11 ноября 1906 г. Оно отражает представления умеренно настроенных либералов о происходящих событиях в стране: «в истории русского освободительного движения наступил мрачный период, когда в борьбе права с насилием последнее имеет видимый успех: им широко пользуется как правительство, так и крайние революционные партии, и лишь в глубине народного сознания назревает осуждение всякого насилия»[5]. И.Н. Ефремов считал, что партиям мирного обновления и демократических реформ необходимо на выборах действовать совместно.

---

[1] Обращение к населению «от Партии мирного обновления» 21 октября 1906 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. С. 82.
[2] Там же. С. 81-82.
[3] Страна. 1906. №192. 21 октября.
[4] Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме: монография. М., 1996. С. 21.
[5] Страна. 1906. №210. 11 ноября.

Воззвание «к избирателям от Партии мирного обновления», составленное 18 ноября 1906 г., высказало «безусловное осуждение всяким актам произвола как снизу, так и сверху», но одновременно с этим Центральный комитет мирнообновленцев постановил: «П.М.О. не вступает ни в какие союзы с другими партиями или союзами партий… В отдельных местностях предвыборные соглашения с другими партиями, исключительно с целью проведения совместными усилиями определенных кандидатов, предоставляются усмотрению местных комитетов…»[1].

После явного отказа Партии мирного обновления от тесного сотрудничества на выборах с близкой по взглядам, программе и тактике Партией демократических реформ последовала дискуссия в газете «Страна» (23-28 ноября 1906 г.) между М.М. Ковалевским, Е.Н. Трубецким, П.А. Гейденом.

М.М. Ковалевский в своей статье «Мирные обновленцы» подверг критике тактику мирнообновленцев, которые «раскрыли свои объятия министерству Столыпина-Гурко», и некоторые программные установки, включая отсутствие прямой критики «кровавой полевой расправы»[2]. Также по его мнению, «Партия 17 октября сделала самую грубую политическую ошибку, выразив свое сочувственное тому нарушению основных начал наших судебных уставов, каким являются полевые суды»[3]. В ответ члены Партии мирного обновления Е.Н. Трубецкой и П.А. Гейден категорически отвергли все замечания М.М. Ковалевского, поскольку их партия заявляла «себя непримиримо-оппозиционной по отношению ко всякому антиконституционному правительству»[4].

Таким образом, единение между Партиями мирного обновления и демократических реформ накануне выборов во II Государственную Думу не состоялось, поскольку лидеры партий не смогли достичь компромисса.

Партия мирного обновления осуждала даже мирные, антиконституционные способы борьбы против правительства. Например, про

---

[1] Московский еженедельник. 1906. №37. 2 декабря. С. 63.
[2] Страна. 1906. №220. 23 ноября.
[3] Там же.
[4] Страна. 1906. №224. 28 ноября.

Выборгское воззвание ими утверждалось, что «как бы ни относились к самой идеи «пассивного сопротивления», во всяком случае не подлежит сомнению, что неуплата податей 1906 года, установленных без нарушения законного порядка, не может быть оправдана с точки зрения конституционных начал»[1]. Умеренные либералы резко осудили создание правительством военно-полевых судов. В первую декаду сентября 1906 г. состоялась газетная дуэль между А.И. Гучковым и Е.Н. Трубецким по вопросу об отношении к военно-полевым судам. В ней стороны обменивались взаимными упреками и критиковали друг друга.

Для многих стало неожиданностью известие о выходе Д.Н. Шипова из ЦК «Союза 17 октября». Он был не согласен с тактической линией А.И. Гучкова по поддержке октябристами правительства. Он считал, что военно-полевые суды не могут «обновить нравственный облик земли русской. Мера эта может содействовать лишь еще большему развитию процесса деморализации и одичания в обществе»[2]. Д.Н. Шипов верил в моральное единство общества и стремился к нравственному возрождению России. Неудивительно поэтому, что он яростно выступал против всех форм насилия — и революционного и контрреволюционного, глубоко сожалел обо всех формах разъединяющей вражды и писал о всеобщем примирении. По этой причине он не мог ни вступить в кадетскую партию, ни поддерживать репрессивное правительство Столыпина, ни оставаться в составе октябристов[3]. Его политические взгляды, конечно, были полны наивного идеализма, но содержали также значительное и очень реалистическое понимание «разрушительной логики политического конфликта в ситуации, когда обе стороны не могут или не желают достичь искренне приемлемого компромиссного решения»[4].

Е.Н. Трубецкой в своей публичной лекции, прочитанной на «политическом турнире», организованной партией мирного обновления в Петербурге 21 декабря 1906 г., осветил позицию либеральных партий в I Государственной Думе по вопросам осуждения политических убийств и

---

[1] Московский еженедельник. 1906. №33. С. 8.
[2] Речь. 1906. 13 (26) сентября; Русские ведомости. 1906. 11 сентября.
[3] Шипов Д. И. Воспоминания и думы о пережитом. С. 393.
[4] Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 70.

амнистии. Так, по его мнению, «Союз 17 октября осуждает политические убийства, но допускает свободу мнений по вопросу о смертной казни. Многие из них с нею мирятся и даже одобряют военно-полевые суды»[1]. Также в указанной лекции была объективно вскрыта тактика кадетов: «Конституционно-демократическая партия никогда не выражала одобрения политическим убийствам, но она никогда не выражала им осуждения. Слово осуждения раздавалось иногда со стороны отдельных ее представителей, но партия безмолвствовала. И оттого-то прекрасные слова против смертной казни в ее устах теряли силу и аргументы в пользу амнистии недостаточно убеждали»[2].

Но уже по результатам работы II Государственной Думы князь Е.Н. Трубецкой изменил свое отношение к «Союзу 17 октября», поскольку «в Думе второго созыва нельзя было отметить уклонений этой партии от строго-конституционной линии», так как парламентская фракция октябристов высказывалась «против военно-полевых судов»[3].

Также определенный интерес представляется оценка И.Н. Ефремовым итогов выборов во II Государственную Думу, данная им 14 февраля 1907 г. в «Московском еженедельнике». С его точки зрения, «выборы эти дали не только решительное преобладание оппозиции, но и окрасили ее в значительно более яркий цвет»[4]. В этой же статье были опять повторены положения с осуждением как правительственного, так революционного террора с призывом «отказаться от правительственного насилия и беззакония и очистить место праву и свободе»[5]. Выходом из сложившейся революции представлялся «не путь крови и насилия, а путь упорной конституционной борьбы», поскольку «только в такой борьбе народ воспитает в себе ту любовь к свободе, то чувство законности и уважении чужих прав, наконец, ту веру в свои права и в свою силу, без которых никакой конституционный строй не прочен»[6].

---

[1] Трубецкой Е.Н. Идейные основы Партии мирного обновления // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. С. 115.
[2] Там же. С. 116.
[3] Слово. 1907. №183. 26 июня.
[4] Московский еженедельник. 1907. №8. С. 10.
[5] Там же. С. 11.
[6] Там же. С. 14.

Таким образом, Партии демократических реформ и мирного обновления в ходе Первой российской революции не отказывались от жесткой критики правительственного террора, потому что, с их точки зрения, «насилие со стороны государства препятствовало установлению уважения к праву и добровольному подчинению закону». Но, с другой стороны, «осуждались и всякие террористические акты революционеров: экспроприации, убийства, вооруженные восстания и т.д., поскольку такая революционная деятельность - вредное и преступное проявления насилия, торжество которого может привести лишь к поклонению грубой силе и создать почву для новых насилий». Только путь конституционной борьбы представлялся им перспективным в борьбе за установление в стране законности и порядка.

Умеренно-либеральные партии полагали, что политические убийства подрывают принцип законности и порядка и дестабилизируют государство, поэтому они считали необходимым осудить любой террор для восстановления стабильности в обществе. Также они выступали за мирное обновление России путем демократических реформ с учетом исторического опыта стран Запада и России, а в основу своей тактики стремились положить принципы постепенности преобразований и абсолютного неприятие насилия как метода политической борьбы.

Лидерам умеренно-либеральных партий было чуждо противостояние власти как самоцель. Их никогда не оставляла надежды на сотрудничество власти и общества на почве «положительных идеалов». Вместе с тем по мере реализации правительственной программы нарастало критическое отношение «демреформаторов» и их единомышленников из рядов «левого центра» к деятельности столыпинской команды («кабинета обещаний»). Ситуацию в России после роспуска I Думы демреформисты характеризовали как «фактическое возрождение режима В.К. Плеве». Идеологи демреформистов видели суть столыпинского курса в том, чтобы «подавить, заодно с анархией, и общественную самодеятельность, а в то же время осчастливить народ, помимо его воли и без его содействия», превратить Думу в «декоративное дополнение» правительственной политики[1]. По

[1] Цит. по: Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ о преобразованиях П.А. Столыпина // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность

мнению лидеров Партии демократических реформ, политика П.А. Столыпина не отличалась оригинальностью, а представляла собой типичную реакцию бюрократии на проявления смуты в обществе и настоятельную необходимость преобразований. Как пример «бюрократического способа мышления» идеологи демреформистов характеризовали, в частности, лозунг столыпинской политики «сначала порядок, потом реформы». Настаивая на обреченности попыток правительства «победить народ и править Россией как завоеванной страной», члены Партии демократических реформ были убеждены в том, что «единственный здравый метод политики: реформы как источник успокоения, а не наоборот»[1].

По мнению сторонников Партии демократических реформ, усиление правительственных репрессий не учитывало «психологический переворот», совершившийся в общественном сознании: «Свобода собраний и право союзов стали для русского человека жизненной потребностью… Между тем, права и свободы даются только черносотенным элементам, а мирная оппозиция, составляющая действительное большинство населения, продолжает жить в условиях самодержавного строя»[2]. Они также выступали за повсеместную отмену режима чрезвычайной охраны, «налагающей тяжелые оковы на все проявления общественной жизни», а также критиковали установленный в России порядок легализации политических партий[3].

Одновременно с этим шел процесс консолидации всех либеральных партий для оказания воздействия на власть с целью проведения реформ. Так, например, князь Е.Н. Трубецкой в «Открытом письме А.И. Гучкову», помещенному в газете «Слово» 21 июня 1907 г., призвал к объединению на выборах в III Государственную Думу октябристов и кадетов для образования в ней «сильного работоспособного центра»[4]. Представляется неверным утверждение Е.Н. Трубецкого, что «во второй Думе кадеты и октябристы большей частью шли рука об руку, вместе вели борьбу налево»[5]. Призыв

П.А. Столыпина. Материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции (Самара, 21 апреля 2011 г.). С. 350.

[1] Там же. С. 350.

[2] Там же. С. 350-351.

[3] Там же. С. 351.

[4] Слово. 1907. №179. 21 июня.

[5] Там же.

«откинуть партийные раздоры и перешагнуть через многие разногласия»[1] вряд ли мог быть осуществим из-за различий в тактике названных партий.

В «Открытом письме П.Н. Милюкову», опубликованному в газете «Слово» 29 июня 1907 г., тот же Е.Н. Трубецкой полагает, что взаимная поддержка в ходе избирательной борьбы приведет к отмежеванию «Союза 17 октября» «от правых партий» и демократизации консерватизма[2]. Явно намечалась тенденция по усилению оппозиционности умеренных либералов, хотя и сохранялась ориентация на осуждение всех форм насилия как метода политической борьбы. Поэтому Центральный комитет Партии мирного обновления в июле 1907 г. свел свою тактику к призыву «подать свой голос в пользу дела объединения всех истинных конституционалистов в предстоящей избирательной борьбе»[3]. Выполняя установку ЦК, провинциальные организации мирнообновленцев пытались организовать коалиционные группы «из конституционных элементов различных партий»[4].

И.Н. Ефремов в «Открытом письме в редакцию газеты Слово» 20 ноября 1907 г. считал, что кадеты «давно отказались от революционных приемов и ближе к октябристам, чем к крайним левым»[5]. Следуя принципу мирного обновления, он полагал, что «наше время не время героических выступлений, но время тихой, упорной созидательной работы, требующей объединения и напряжения всех народных сил»[6].

В III Государственной Думе, по оценке И.Н. Ефремова, руководители «Союза 17 октября… из страха перед мнимыми революционизмом и коварством кадет… упорно вели рыхлую, несамоопределившуюся октябристскую массу, действовавшую не по обдуманному плану, а под влиянием чувства симпатии и антипатии, к соглашению и даже подчинению правым»[7], что вызывало недовольство у левых октябристов, мирнообновленцев и кадетов.

---

[1] Слово. 1907. №179. 21 июня.
[2] Там же.
[3] Слово. 1907. №308. 18 ноября.
[4] Там же.
[5] Слово. 1907. №309. 20 ноября.
[6] Там же.
[7] Московский еженедельник. 1908. №3. С. 12.

Достаточно жесткую позицию по отношению к «Союзу 17 октября» занял Е.Н. Трубецкой в июне 1910 г. на страницах «Московского еженедельника». Он считал, что одним «из крупнейших событий минувшей сессии [III Думы] есть без сомнения гибель октябризма». Официально партия не была упразднена и продолжала действовать, но, по мнению Е.Н. Трубецкова, «не все ли равно, существует или не существует партия, утратившая смысл своего существования и отпетая собственными сторонниками?»[1]. Еще в 1908 г. мирнообновленцы считали, что одной из главных причин потери части общественной поддержки либеральных партий является то, что «друзья слева» скомпрометировали освободительное движение и «вызвали реакцию не только власти, но и известной части общества»[2].

На фоне организационного кризиса партии кадетов и особенно «Союз 17 октября», проходившего в 1908–1911 гг., четко наблюдается процесс организационного объединения прогрессистки настроенных элементов политически активной части либеральной интеллигенции. На выборах в 1912 г. прогрессисты получили 32 места в IV Думе и вместе с примыкающими депутатами к их фракции начитывали 48 человек. 11–13 ноября 1912 г. в Петербурге состоялся учредительный съезд, на котором были приняты думская программа, тактика, а также избраны руководящие органы[3]. Одним из основных требований программы была отмена положения об усиленной и чрезвычайной охранах и устранение административного произвола, в котором видели способ борьбы правительства с либеральной оппозицией.

В ходе работы IV Государственной Думы с января 1914 г. происходило объединение умеренной оппозиции по инициативе А.И. Коновалова в составе прогрессистов, левых октябристов, кадетов и др. Как писала газета «Утро России» 29 января 1914 г., уже на втором совещании представителей умеренной оппозиции, состоявшееся 28 января 1914 г. в Петербурге,

---

[1] Московский еженедельник. 1910. №25.
[2] Московский еженедельник. 1908. №33. С. 4.
[3] Шелохаев В.В. Прогрессисты // Политические партии России: история и современность. С. 143.

«обсуждался вопрос о создании междуфракционного бюро»[1]. В принципе образование бюро было признано желательным, но осуществить принятое решение практически оказалось довольно трудно.

Постепенно мнение прогрессиста А.И. Коновалова радикализовывалось и в ходе конспиративных совещаний в Москве 1-4 марта 1914 г. на квартире П.П. Рябушинского им было заявлено, что «Петербургские совещания не привели ни к какому результату»[2]. Агентурная записка Московского охранного отделения от 30 марта 1914 г. свидетельствует, что А.И. Коновалов «глубоко разочаровался в самой идее объединения оппозиционных думских групп»[3]. Также в ней сообщалось, что объединенная внедумская оппозиция в составе кадетов, левых октябристов, прогрессистов, социал-демократов и эсеров (народных социалистов) решила «дать дружный и энергичный отпор правительству», стремиться вызвать революционные выступления, «которые запугали бы правительство и заставили бы его пойти на уступки!»[4]. Таким образом, в центре внимания участников данных совещаний стояла проблема координации усилий либеральных и революционных партий для подготовки антиправительственных выступлений вне Думы. Как отмечает польский историк Э. Вишневски, прогрессисты вступили в контакт с революционерами, «чтобы, используя массовые выступления рабочих, оказывать давление на царское правительство»[5].

Однако все эти «левые жесты» П.П. Рябушинского и А.И. Коновалова не были поддержаны думской фракцией прогрессистов. Поэтому вскоре информационный комитет прекратил свое существование[6].

Неспособность правительства с началом Первой мировой войны справиться с возникшими трудностями привели к радикализации настроений и тактики прогрессистов. С их точки зрения, политика борьбы должна была

---

[1] Утро России. 1914. №23. 29 января.
[2] ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 244. 1914 г. Д. 73. Лит. «Б». Л. 1.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 2.
[5] Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994. С. 189.
[6] Шелохаев В.В. Прогрессисты // Политические партии России: история и современность. С. 147.

заменить политику соглашений, так как необходимо было коренное изменение политической системы, а не перемена лиц в правительстве. По этой причине при значительном участии прогрессистов в Думе в августе 1915 г. был образован «Прогрессивный блок», в который вошли умеренно-правые депутаты вместе с представителями либеральных фракций.

Официально ЦК Партии прогрессистов в конце сентября 1915 г. признал, что нужно не сходить «с пути парламентской борьбы», поэтому было принято решение о необходимости продолжения в Государственной Думе резко критиковать деятельность правительства, которое «не может вывести страну из настоящего положения и успешно завершить войну»[1]. В тоже время проходили частные совещания представителей Прогрессивного блока и крайних левых партий. По сообщениям Департамента полиции ясно, что «поводом для созыва этих совещаний послужило стремление аннулировать тот разрыв, который при образовании прогрессивного блока произошел между крайней оппозицией и оппозицией умеренной»[2]. Несмотря на то, что не было выработано компромисса и произошел отказ от принятия «каких бы то ни было резолюций», а также учитывая неосведомленность некоторых представителей Прогрессивного блока о совещаниях, стоит признать, что происходил процесс демократизации умеренной либеральной оппозиции и их консолидация с революционными партиями из-за «бездарности и бездеятельности правительства»[3].

21 июня 1916 г. газета «Утро России» опубликовала отчет о заседаниях фракции прогрессистов, посвященных обсуждению деятельности и тактики Прогрессивного блока. Некоторые депутаты указывали, что «следовало бы выйти из его состава и вести самостоятельную работу в Думе» из-за крайне медленного выполнения своей программы, но большинство постановило «пока не выходить из состава блока»[4].

Прогрессисты активно отстаивали идею создания ответственного министерства перед Думой. Например, 4 октября 1916 г. на заседании фракции прогрессистов IV Государственной Думы было подтверждено решение

---

[1] ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 245. 1915 г. Д. 307. Лит. «А». Л. 157.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 163.
[4] Утро России. 1916. №172. 21 июня.

«настаивать на ответственном министерстве»[1]. 13 декабря 1916 г. на заседании Государственной Думы лидер прогрессистов И.Н. Ефремов заявил: «Страна объединилась вся в осуждении правительственной деятельности, объединилась вся в требовании, чтобы правительство было сменено, чтобы было создано ответственное перед народным представительством правительство…»[2].

Выступая 16 декабря 1916 г. с трибуны Государственной Думы, А.И. Коновалов раскритиковал действия власти: «Вся Россия осознала, что с существующим режимом, с существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом». Далее он призвал Государственную Думу «неуклонно, настойчиво вести борьбу с действующим режимом»[3]. Однако все решительные словесные угрозы лидеров прогрессистов в адрес «верхов» достаточно слабо подкреплялись реальными действиями, именно по этой причине в результате все их попытки убедить власть добровольно заключить компромиссное решение с умеренными либерально настроенными общественно-политическими силами потерпели неудачу.

Даже в условиях надвигающейся Февральской революции прогрессисты не оставляли надежду на уступку со стороны власти умеренной оппозиции и попытки достичь компромисса. Так, И.Н. Ефремов на заседании Государственной Думы 14 февраля 1917 г. произнес речь, в которой указывал, что «необходима не смена лиц на министерских постах, а изменение всей системы государственного управления, что личный режим, что пережитки самодержавия парализуют живые силы народа и что спасение в действительной ответственности правительства перед народным представительством»[4], а также констатировал кризисные явления и наличие недовольства в государстве, которое «близорукая, упорная власть, как будто нарочно наталкивает на страшный вывод о невозможности парламентскими средствами борьбы достигнуть создания ответственного перед Государственной Думой правительства, от которого страна ждет спасение»[5].

---

[1] Утро России. 1916. №275. 5 октября.
[2] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Пг., 1917. Стб. 1113-1114.
[3] Там же. Стб. 1197-1199.
[4] Там же. Стб. 1311-1312.
[5] Там же. Стб. 1316.

Февральская революция ликвидировала абсолютную монархию в России и привела к серьезнейшим изменениям в расстановке общественно-политических сил в стране. Стихийная волна революции сняла большинство программных и тактических различий и разногласий между либеральными партиями. Из-за этого на первый план выдвинулись кадеты, вокруг которых и развернулся процесс объединения всех либеральных сил. Партия прогрессистов раскололась и фактически перестала существовать.

Таким образом, Партии демократических реформ и мирного обновления осуждали правительственный террор и практику военно-полевых судов, но подвергался критики и революционный терроризм. Они призывали власть к проведению назревших в стране реформ.

Со второй половины 1907 г. обнаруживается охлаждение умеренных либералов к революционерам вообще и к политическому терроризму в особенности. В условиях политической нестабильности 1910-х гг. проблема террора как метода воздействия на царское правительство поднимается снова. Прогрессисты, призывая к проведению реформ с целью реализации обещаний, содержавшихся в Манифесте 17 октября 1905 г., начинают постепенное сближение с радикальными партиями, которое усиливается с наступлением поражений на фронтах в период Первой мировой войны. Изначально выступая против тактической «всеядности» кадетов, лидеры прогрессистов достаточно быстро приходят к использованию аналогичных методов в борьбе за власть.

§ 5. Христианские либералы и терроризм в начале XX в.

В 1905-1908 гг. происходило становление и развитие концепции революции, террора и насилия видных представителей христианского либерализма — З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. По мнению самарского историка А.А. Воеводиной, одним из важных факторов, повлиявших на общественно-политические взгляды христианских либералов, «стало их общение с И.И. Фондаминским и Б.В. Савинковым в период пребывания в

Париже (1906-1908 гг.)»[1]. Как замечает В.Б. Петухов, к началу первой русской революции террор стал социокультурным явлением, сочетавшим в себе «не только насильственные устрашающие акты, но и нравственное самооправдание, мессианское подвижничество, эстетизацию личной жертвенности и героизма во имя великих общественных целей»[2].

Особое место в поисках осмысления террора христианскими либералами принадлежит Д.С. Мережковскому и З.Н. Гиппиус. События 1905 г. пробудили у них интерес к проблеме революционного насилия. К этому времени в их мировоззрении уже сформировались стойкие антимонархические принципы. В своей работе «Царь и революция» они попытались теоретически разрушить саму идею самодержавия[3]. Именно в монархии, которая причислялась к деяниям антихриста, они видели источник всех бед и проблем России. «Совершенно естественно, — писала З.Н. Гиппиус, — что темой наших разговоров сделался вопрос "о насилии"»[4]. Естественно, что З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский не могли оставить в стороне проблему насилия и террора, их морального оправдания, разрабатывая вопросы революции и борьбы с самодержавием. В современной историографии Е.И. Гончарова проводит мысль о том, что идеи христианских либералов были чужды любому революционному учению и принципиально не могли быть восприняты эсерами: так как террор «по сути своей был безрелигиозен», то «соединение религии с атеистическим мировоззрением эсеров, предлагаемое Мережковскими, было не только невозможно, но и противоестественно»[5]. Другая точка зрения представлена авторами статьи «Религиозное сознание и революция», отметившими, что «трудно найти более яркое свидетельство о качестве радикальной проповеди

---

[1] Воеводина А.А. Революция и насилие в творчестве христианских либералов (З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского) // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2009. №3 (69). С. 55.

[2] Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм: монография. Ульяновск, 2006. С. 5.

[3] Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М., 1999.

[4] Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. Тбилиси, 1991. С. 261.

[5] «Религиозная общественность» и террор. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908-1909) / Публ. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2003. № 4. С. 147-148.

Мережковских, нежели их человеческие, творческие и идейные связи с писателем и террористом Б.В. Савинковым»[1].

Известно, что, проявляя определенный интерес к политическим вопросам, идеологи христианского либерализма не принадлежали к какому-либо политическому движению или партии. Но они в разное время поддерживали связи с разными политическими деятелями (в основном, кадетами и эсерами). Ясно, что христианские либералы не искали возможности оказаться в роли политических лидеров, а считали себя идеологами изменений в разных сферах общества.

Революционный хаос в России начала XX в. трактовался Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус в том семиотическом пространстве, в котором акцентировалось внимание на катастрофическом акте спасения человечества через массовое насилие. Литературовед Е.И. Гончарова отметила, что «в реальной революции Мережковским видится возможность осуществления собственных религиозных исканий: революция должна сойти с социально-политической плоскости в глубину религиозную. Религиозно-общественное сознание должно пробудиться там, где есть общественность и пока еще бессознательная религиозность – в русской интеллигенции»[2].

Однако это были лишь абстрактные и теоретические рассуждения. Для их подтверждения были необходимы реальные революционеры. Таких людей они нашли в среде эсеров-террористов, с которыми познакомились в Париже зимой 1907-1908 гг. Д.С. Мережковский писал об этом периоде так: «В Париже я сблизился с русскими эмигрантами-революционерами. Мне казалось, и теперь кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю мою жизнь»[3]. Как отмечает В.Б. Петухов, Д. Мережковский и З. Гиппиус видели свою задачу в привнесении «осознанной религиозности» в «мировоззрение революционеров-террористов и совершении с их помощью религиозной революции»[4].

---

[1] Колеров М.А., Морозов К.Н. Религиозное сознание и революция: Мережковские и Савинков в 1911 году: предисловие к публикации // Вопросы философии. М., 1994. № 10. С. 138.

[2] Гончарова Е.И. Религиозная общественность и террор. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908-1909) // Русская литература. 2003. №4. С. 142.

[3] Там же.

[4] Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм: монография. С. 52.

Взаимодействие Б.В. Савинкова с Д.С Мережковским, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философовым, безусловно, сказывалось на идеализации христианскими либералами эсеровского террора. Они были убеждены, что революция в России должна произойти под руководством Христа, и сделают революцию именно социалисты-революционеры. Д.С. Мережковский пытался канонизировать террористов, убеждая в святости и благородстве их поступков. «Если присмотреться не к тому, что эти последние говорят, - писал он, - а к тому, что они делают, то неизбежно станет видно, что эти атеисты воистину святые. Со времен первых христианских мучеников не было людей, так погибавших»[1]. Мережковский и Гиппиус раскрывали Савинкову свое понимание террора, как «религиозного жертвенного действия», убеждая его, что «террор близок к христианству»[2]. По их мнению, государственная власть не должна ограничивать свободу личности, а также развитие общественных институтов. Этот принцип является одним из ключевых в классическом либерализме, основанном на атеистической традиции. Как отмечает А.А. Воеводина, христианские либералы связывали «справедливое общественное устройство с гарантией реализации прав и свобод человека в рамках правового государства»[3].

Размышление о святости революционной жертвы очень четко прозвучало в статье З. Гиппиус «Революция и насилие». В ней она развивала идеи, уже озвученные Д. Мережковским. Революционеры в ее статье сравнивались с первыми христианам в катакомбах, их жизнь провозглашалась жизнью аскетов, отказавшихся от всего ради дела революции. Она полагала, что террористами руководило неосознанное религиозное чувство, желание пострадать за правду: «…их естество. Глубинная и немая часть их души не только в Боге, но и во Христе, в его существе, даже если они этого не знают и рассудок их противится этому»[4]. Самоубийственная жертвенность террора заслоняла в разуме З. Гиппиус

[1] Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. С. 60.
[2] Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм: монография. С. 69.
[3] Воеводина А.А. Власть и общество в христианско-либеральной концепции З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации: теоретический и научно-методический журнал. Самара, 2012. № 5 (12). С. 46.
[4] Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. С. 116-117.

любые моральные преграды, даже гибель случайных людей. Она утверждала святость терактов и оправдывала убийства, совершаемые во имя будущего и справедливости. Позиция Гиппиус исходит из возможности оправдать убийство соображениями высшей целесообразности.

Споры с Б.В. Савинковым и необходимость определить собственную позицию к революционному терроризму предельно акцентировали внимание на теме насилия христианских либералов, сделав ее краеугольной в их творчестве. В своих воспоминаниях З.Н. Гиппиус писала об этом так: «Уклониться от вопроса о насилии мы не могли, — ведь мы же были за революцию? Против самодержавия? Легко сказать насилию абсолютное «нет». В идеях Д.С. [Мережковского] не могло не быть такого отрицания. Не толстовского, конечно, ведь Толстой не сгонял мух, облеплявших его лицо во время работы (пример русской безмерности). Но тут дело шло не о принципах, не об абсолютах: перед нами был живой человек и живая, еще очень далекая всем абсолютам — жизнь»[1].

Христианские либералы находили возможным моральное оправдание террора, подходя к проблеме следующим образом: «С абсолютной точки зрения, божеской и человеческой, — писала З.Н. Гиппиус, — убийство невозможно», «простить» его «нельзя», однако этой нравственной максиме противостояли «жизненные» условия: «на деле исторически невозможность убийства не может вдруг воплотиться; она проявляется постепенно, по мере того как относительное приближается к абсолютному», и в то время, когда человек и общество еще несет на себе отпечаток несовершенства, «в час смены старого новым», по мнению З.Н. Гиппиус, оправдание убийства, совершенного «во имя будущего», не только возможно, но и нужно: «Да, да, насилие не право, но оправдано! Не надо проливать кровь, это невозможно. Но чтобы эта невозможность стала реальной, это необходимо!»[2].

Аналогичные идеи Д.С. Мережковским сформулирован в своей статье «Конь бледный». Он полагал, что позиция «нельзя и надо» - «это не

---

[1] Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Т. 2. С. 261.

[2] Гиппиус З.Н. Революция и насилие // Мережковский Д.С. Царь и революция. М., 1999. С. 108, 118, 128.

противоположность добра и зла, закона и преступления, кощунства и святости, а противоречие в самом добре, в самом законе, в самой святыне»[1]. Выход из этого нравственного тупика по Мережковскому возможен только вне пределов сложившегося государственного порядка, основу которого составляет принцип насилия. В то же время внутри этого порядка человеческое сознание «считает своим собственным верховным законом» законы государства, которые являются звеном в «цепи причинности, необходимости»[2]. Таким образом, Д.С. Мережковский возвращается к «абсолютизированному» пониманию проблемы терроризма и насилия.

Работа Д.С. Мережковского «Конь бледный» являлась откликом на повесть Б.В. Савинкова «Конь бледный», опубликованную под псевдонимом В. Ропшин[3]. Повесть Б.В. Савинкова создавалась при определенном идейном взаимовлиянии и участии З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. З.Н. Гиппиус прямо свидетельствовала, что «идея всего романа — взята из тезисов Д.С. [Мережковского] к его лекции "о насилии"»[4]. А Д.С. Мережковский сформулировал свое первое впечатление от прочтения «Коня бледного» Б.В. Савинкова следующим образом: «Относительно "идеи", что сказать. Вы ведь знаете, она мне родная. Это наша общая мука»[5].

Дополнительным доказательством того, что идеи, высказанные в «Коне бледном», были плодом коллективных размышлений Б.В. Савинкова и христианских либералов, свидетельствует своеобразная «раздвоенность» автора как писателя. Так, М. Могильнер показала, что Б.В. Савинков — автор «Воспоминаний террориста», которые подвергались предварительной партийной цензуре, «оставался типичным писателем подполья», в то время как автор «Коня бледного» В. Ропшин «выпадал из сферы влияния под-

---

[1] Мережковский, Д.С. Конь бледный // Мережковский Д.С. «Больная Россия». Л., 1991. С. 132.
[2] Мережковский, Д.С. Конь бледный // Мережковский Д.С. «Больная Россия». С. 133.
[3] Савинков, Б.В. Конь бледный // Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М., 2004. С. 357-440.
[4] Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Т. 2. С. 273.
[5] «Религиозная общественность» и террор. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908-1909) / Публ. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2003. № 4. С. 154.

польной России», разрушал радикальную мифологию[1]. Также она отметила, что «Конь бледный» сыграл «решающую роль в развенчании героики Подпольной России»[2].

Таким образом, можно утверждать, что широкий общественный резонанс литературных опытов, ставших результатом идейных и творческих взаимоотношений христианских либералов и эсера Б.В. Савинкова, свидетельствовал о продуктивности этих связей. Взгляды христианских либералов по проблеме морального оправдания террора во многом совпадали с позицией радикалов и представителей «демократического» направления либерального лагеря. Представляется абсолютно верным тезис М. Могильнер, что «политика периода Подпольной России была окончательно осознана как систематическое силовое воздействие на государство. Интеллигенция, чьи гуманистические ценности в принципе противоречили насилию, да еще системному, вынуждена была трудиться над самооправданием, и именно поэтому Подпольная Россия не исчерпывается лишь профессиональными революционными группами и партиями, но обязательно включает тексты, описывающие эти организации и их членов, навязывающие их образ как самим радикалам, так и Легальной России»[3].

Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус признавали необходимость существования института государства, но только на определенном этапе развития общества. При этом, как и теоретики атеистического либерализма, они активно отстаивали идею правового государства и выступали против любых форм проявления государственного насилия. «Не человек для государства, а государство для человека», - отмечал Д.С. Мережковский[4]. Новая жизнь, писала З.Н. Гиппиус, «осуществима только в условиях правового и демократического государственного устройства»[5]. Тем не менее, в рассуждениях христианских либералов отсутствовало требование объединения власти и общества. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус считали,

---

[1] Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 105-107.
[2] Там же. С. 102.
[3] Там же. С. 9-10.
[4] Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 99.
[5] Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар (1920-1925) / сост. А.Н. Николюкина. СПб., 2002. С. 495.

что существующие в России государственные формы несовместимы со свободой личности.

Таким образом, если для представителей «демократического» либерализма (например, многих кадетов) и христианских либералов отношение к терроризму было тактическим вопросом, то для остальных умеренных и консервативных либералов любой террор не мог быть оправдан с нравственно-этической точки зрения, хотя это и приводило к косвенной критике правительства, которое вело борьбу с экстремистами.

«Союз 17 октября» был противником политических убийств. Для борьбы с терроризмом октябристы были готовы «оправдать» военно-полевые суды и поддерживали правительство П.А. Столыпина. Либеральные партии промышленников и предпринимателей начала XX в. видели в политическом терроризме крайне негативное явление и пытались бороться с ним. Партии демократических реформ и мирного обновления осуждали террор как правительственный, так и революционный, а также призывали к отмене смертной казни и проведению широкой амнистии всех, кто был осужден за политические преступления. Для христианских либералов, представляющих позицию творческой интеллигенции, революционные насилия были исторически оправданным ответом на действия власти.

Многие представители умеренно-консервативного течения либерализма считали, что именно нежелание государства в проведении реформ и демократизации власти было источником, порождающим террористические методы политической борьбы, а путь выхода из сложившегося положения виделся в созидательной деятельности Государственной Думы, ориентации на поиски консенсуса, на согласование интересов различных слоев общества, создание широкого блока реформистских сил, проведение необходимых, с их точки зрения, преобразований, установление твердого и стабильного конституционного строя и т.д. По мере отказа власти от проведения реформ происходила радикализация умеренно-консервативных либералов, сближение их позиций с кадетами и более левыми партиями, что лишало правительство политической поддержки и опоры в обществе.

Заключение

Роль и значение террора в российской истории достаточно трудно оценить однозначно. Проблема отношения к терроризму и его различным проявлениям, по сути, расколола либералов на его сторонников и противников.

Одной из причин роста терроризма в России в начале XX в. можно считать одновременное сосуществование в стране социально-экономического развития и отсутствие избирательных прав у политически активных представителей общества. Это вызывало серьезные противоречия как между существовавшими социальными группами, так и внутри них. Они не могли найти себе места в традиционной социальной структуре, поэтому входили в различные революционные организаций, которые боролись с существующим режимом экстремистскими методами. Но, конечно же, не все враги самодержавной власти были готовы отдать свою жизнь профессиональной революционной или террористической деятельности, поэтому в начале XX в. был достигнут компромисс в понимании и даже сотрудничестве между большой части российской образованной либеральной общественности и экстремистами. Подобное отношение способствовало увеличению революционных убийств, поскольку террористы получили пусть и небольшую практическую, но зато широкую моральную поддержку значительной части интеллигенции.

Вполне естественно, что такое настроение общества не могло способствовать успеху правительственных мер против политического терроризма, а терпимость, понимание и даже оправдание революционной тактики большей частью либералов в начале XX в., которые к тому же с осуждением относились к ответным шагам властей, еще более усложняли и без того тяжелое положение правительства.

В соответствии с поставленными целью и задачами можно сделать следующие выводы:

1) Выявлено, что к основным факторам, способствующие распространению политического терроризма в конце XIX — начале XX вв.

можно отнести отсутствие у общества эффективных механизмов воздействия на власть, постоянное нарастание отчужденности между властью и обществом. Жертвами террора, согласно оценке А. Гейфман, стало свыше 17 тысяч человек - чиновники, общественные деятели, полицейские служащие и даже простые граждане. Конечно, в официальных сообщениях и исследовательской литературе содержатся крайне противоречивые сведения о количестве этих жертв, но в любом случае они поражают своими масштабами.

В работе установлено, что с помощью политических убийств, насилия и нагнетания страха революционные силы стремились запугать правительство, дестабилизировать внутриполитическую жизнь и революционизировать оппозицию, чтобы добиться радикальных уступок для осуществления своих целей. Основным доводом и объяснением террористической борьбы оппозиции являлась репрессивность политического режима. Аргумент самозащиты при использовании террора применяли не только все революционные партии, но и кадеты. В свою очередь, правительство также объясняло введение государственных репрессий по отношению к революционерам их экстремизмом.

2) Можно отметить, что терроризм в России в начале XX в. прошел в своем развитии четыре основных этапа. Первый этап приходится на 1901-1904 гг. На этом начальном этапе был совершен ряд убийств правительственный чиновников, началась террористическая деятельность в провинции и национальных окраинах. Появилось разработанное эсерами обоснование террористической тактики. Второй этап приходится на период первой российской революции – 1905-1907 гг. Террористическая борьба достигла своего пика. Третий этап охватывает период с 1908 по 1911 гг., когда террор стал уступать свои позиции, крупные партии начали от него отходить. Он дискредитировал себя беспорядочным насилием, бесчеловечностью ряда покушений, связями с криминалом и скандальными провокациями. Четвертый этап можно выделить с 1912 по 1917 гг. После гибели П.А. Столыпина терроризм как явление практически исчез, хотя отдельные теракты можно проследить и до 1917 г. Но все же террор

продолжал существовать как идея: некоторые партии разрабатывали планы покушений, сторонники политических убийств предлагали возобновить их, когда наступит удобный момент. С наступлением революционных насилий 1917 г. выделить терроризм как отдельное явление стало невозможным, к тому же он приобрел совершенно иной характер.

3) Выяснено, что либеральная общественность (например, деятели «Союза освобождения») до революции 1905-1907 г. сформировала в российском обществе терпимое отношение к революционному терроризму. Она упорствовала в своем традиционно примирительном отношении к радикалам-террористам. Многие либералы признавали политическую целесообразность убийств государственных деятелей. Огромную роль в «героизации» террористов сыграл либеральный журнал «Освобождение».

Также стоит отметить, что накануне Первой российской революции под влиянием пропаганды «освобожденцев» значительная часть либеральных земских деятелей также присоединилась к «оправдательной» позиции революционного терроризма «Союза освобождения». Сами теракты, скорее всего, не имели бы такого резонанса в обществе, если бы не его поддержка общественная поддержка, источником которой становились многие либералы.

4) Констатировано, что в 1905 г. многие либералы были готовы использовать революционные выступления масс для нажима на самодержавие и вынудить пойти его на реформы. Несмотря на негативные последствия революционного террора, тенденция оправдывать экстремистов продолжала существовать в либеральных кругах. Немалое число либералов признали моральную обязанность помогать радикалам-террористам. В 1905 г. произошел разрыв в либеральном мировоззрении. «Демократическое» направление либерального движения сблизилось с революционным лагерем. Кадеты и христианские либералы были готовы проявлять сочувственное отношение к терроризму как методу политической борьбы.

5) Доказано, что восприятие кадетами террора было для них тактическим вопросом. В I Государственной Думе они выступали с довольно жесткой критикой политики царского правительства, а также требовали

обязательную и полную политическую амнистию и приостановку, а затем и отмену смертной казни. Отношение кадетов к террору не менялось весь период работы I и II Думы: они отказывались осудить терроризм, защищали всеми силами героический образ русского террориста и выступали против военно-полевых судов.

6) Проблема терроризма в тактике партийных организаций «демократических» либералов была тесным образом связана с общей политической ситуацией в стране. В период революции 1905-1907 гг., когда количество политических убийств было наибольшим, тогда кадетское руководство занимает позицию одобрения и поддержки терроризма революционных партий, одновременно критикуя насильственные действия государства (военно-полевые суды, ссылки, смертные приговоры), предпринимаемые в качестве мер борьбы. По мере, как террористические акты выходят из практики борьбы за власть, партия народной свободы перестает их поддерживать, перейдя к парламентской критике царской власти. После убийства П.А. Столыпина кадеты сосредоточились на мирных попытках влияния на правительство, с целью добиться проведения реформ, направленных на демократизацию политического режима, но и тогда они не отказывались от сотрудничества с революционными партиями.

7) Зафиксировано, что введение в августе 1906 г. системы военно-полевых судов вызвало протесты «демократической» части либеральной общественности. Умеренные и консервативные либералы в Думе также признавали военно-полевые суды далеко не идеальной системой юриспруденции, но выступали против политических убийств, откуда бы они ни исходили. Стоит отметить, что «Союз 17 октября» первоначально одобрил военно-полевые суды как меру борьбы с террористами, что вызвало выход из нее некоторых ее членов.

8) В диссертации установлено, что либеральные партии российских промышленников и предпринимателей в период Первой российской революции, не разделяя взгляды крайних социалистических партий и видя в их терроре прямую угрозу для стабильности государства, как правило, призывали население поддерживать Государственную Думу для

осуществления, с ее точки зрения, необходимых стране политических и социально-экономических реформ.

9) Констатировано, что христианские либералы (Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус) находили возможным моральное оправдание террора. Для них, представляющих позицию творческой либеральной интеллигенции, революционные насилия были исторически оправданным ответом на действия власти. Можно отметить близость позиций христианских либералов с установками кадетов.

10) В работе обосновано, что практически все либералы были едины в призыве провести политическую амнистию и отменить смертную казнь. Умеренно-консервативные либералы (октябристы, партии демократических реформ, мирного обновления и пр.) призывали одновременно с проведением амнистии и отменой смертной казни прекратить революционные партии политический террор.

Умеренные и консервативные либералы выступали в дискуссиях о терроре на заседаниях Думы с позиций морали, а не политической целесообразности. Нравственная сторона была одним из главных аргументом, который они использовали против любых политических убийств. Они оценивали события 1905-1907 гг. как смуту, приносящую вред государству и порожденную непоследовательностью правительства в проведении необходимых стране, с их точки зрения, либеральных реформ. И если октябристы одобряли методы борьбы правительства с революционным терроризмом, то члены партий демократических реформ и мирного обновления выступали категорически против таких «репрессий».

11) Зафиксировано, что с 1907 г. явственно обнаружилось охлаждение всего либерального лагеря к революционерам вообще и к терроризму в особенности. Постепенно путь террора становится непривлекательным и для общества, поскольку вакханалия убийств и ограблений способствовала «дегероизации» террористов. К 1911 г. партийный и массовый политический терроризм практически исчезает из политической борьбы, так как проведенные властью реформы позволили общественному недовольству найти легальные пути для своего выражения и возможности самореализации,

а террористы потеряли общественную поддержку. Стоит отметить, что к концу 1907 г. правительству удалось лишь частично восстановить спокойствие и порядок. Волна политического терроризма, хотя и существенно ослабленная, продолжалась до 1911 г.

Общество постепенно осознавало бесперспективность и неэффективность пути террора в борьбе с государством за выполнение своих требований. Власть пошла на некоторые уступки и предоставила политические права и свободы населению. В условиях окончания революции 1905-1907 гг. Николай II всего лишь изменил порядок выборов в Государственную Думу, тем самым превратив ее в работающий механизм.

12) Отказ от дальнейшего реформирования политической системы после убийства в сентябре 1911 г. П.А. Столыпина привело к определенному сближению либералов в годы Первой мировой войны, в том числе и умеренных (октябристов, прогрессистов), с социалистическими партиями. Произойдет постепенная «радикализация» либералов с помощью новых тактических приемов – «изоляции правительства», оживления внедумской деятельности и пр.

Несмотря на драматизм, ситуация угрозы революции нарастала. Но либералы накануне Первой мировой войны все же считали, что Россию можно удержать на мирном, эволюционном пути, но при одном непременном условии – реформах. Поэтому они полагали, что главное в их деятельности – это убедить правящие круги провести реформы, обещанные Манифестом 17 октября 1905 г., добиваться их словом и делом.

Таким образом, условно можно выделить три этапа в изменения отношения либеральной общественности по вопросу политического террора:

I этап – период начала XX в. (до начала Первой российской революции), который характеризуется практически единодушной поддержкой либерального общества терактов против государственных деятелей. Многие либералы надеялись, что политические убийства заставят власть пойти им на уступки и провести либеральные реформы;

II этап – Первая российская революция, когда «демократическое» направление либералов всячески оправдывало применение террора как

метода политической борьбы, а умеренные и консервативные либералы призывали отказаться от его использования;

III этап – третьеиюньская политическая система, характеризующаяся отказом либералов от радикальных позиций и их постепенное сближение.

По мере реализации правительственного курса в период «думской монархии» начинается процесс постепенного перехода уже умеренно-консервативных либералов на позиции противников власти. По мнению либеральных деятелей, власть отказалась от проведения либеральных реформ и реализации положений Манифеста 17 октября. Логика политической борьбы привела к дальнейшему сближению большей части октябристов и прогрессистов с кадетами.

Политические противоречия в верхах накапливались и доходили до конфликтов, но либералы не смогли убедить «высшие сферы» продолжить реформы. В годы Первой мировой войны революционный подъем еще не был заметен, чтобы заставить правительство отступить. По «доброй» же воле власть не собиралась сдавать своих позиций. Все это приводило к усилению оппозиционного движения. В таких условиях либеральная и реформистская альтернатива революции не могла стать реальной. И не стала, поскольку Россия была ввергнута в революцию 1917 г.

Список источников и литературы

I. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел) особый отдел

Оп. 233а. 1905 г. Д. 2554.

Оп. 242. 1912 г. Д. 346.

Оп. 244. 1914 г. Д. 73. Лит. «Б».

Оп. 245. 1915 г. Д. 307. Лит. «А».

Оп. 246. 1916 г. Д. 59. Ч. 46. Лит. Б.

Оп. 260. Д. 26.

Ф. 115 (Союз 17 октября)

Оп. 1. Д. 1, 14, 31, 45, 103, 113, 120, 127, 130, 138, 144.

Оп. 2. Д. 22, 43.

Ф. 523 (Партия народной свободы)

Оп. 1. Д. 1, 4, 27, 28, 30, 31, 32, 33в, 63, 245, 260, 261, 272, 423.

Оп. 2. Д. 2.

Оп. 3. Д. 15, 50.

Ф. 579 (Милюков П.Н.)

Оп. 1. Д. 393, 953, 1076, 1079.

II. Законодательные акты

1. Августа 19. Об учреждении военно-полевых судов // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 26. 1906. СПб., 1908. 1157 с.

2. Марта 4. О временных правилах об Обществах и Союзах // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т.25. 1905. СПб., 1908. С. 201-207. 1109 с.

3. Октября 17. Манифест. Об усовершенствовании Государственного порядка // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т.25. 1905. СПб., 1908. С. 754-755.

4. Февраля 18. Манифест. О призыве властей и населения к содействию Самодержавной Власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т.25. 1905. СПб., 1908. С. 132-133.

III. Стенографические отчеты Государственной Думы

1. Военно-полевые суды. Отчет Государственной Думы. СПб., 1907. 112 с.
2. Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. Т.1. СПб., 1906. 866 стб.
3. Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. Т.2. СПб., 1906. 1147 стб.
4. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.1. СПб., 1907. 2344 стб.
5. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т.2. СПб., 1907. 1610 стб.
6. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, 1907-1908. Сессия I. Часть I. Спб, 1908. 2140 стб.
7. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты, 1907-1908. Сессия I. Часть II. Спб, 1908. 2962 стб.
8. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть I. Спб, 1908. 3152 стб.
9. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть II. Спб, 1909. 3244 стб.
10. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть III. Спб, 1909. 2956 стб.
11. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть IV. Спб, 1909. 3477 стб.
12. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия III. Часть I. Спб, 1910. 3796 стб.
13. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия III. Часть II. Спб, 1910. 3164 стб.
14. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия III. Часть III. Спб, 1910. 3244 стб.
15. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия III. Часть IV. Спб, 1910. 3780 стб.
16. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия IV. Часть I. Спб, 1910. 3368 стб.

17. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия IV. Часть II. Спб, 1911. 3722 стб.
18. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия IV. Часть III. Спб, 1911. 4828 стб.
19. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия V. Часть I. Спб, 1911. 3830 стб.
20. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия V. Часть II. Спб, 1911. 3822 стб.
21. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия V. Часть III. Спб, 1912. 3726 стб.
22. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия V. Часть IV. Спб, 1912. 4336 стб.
23. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия I. Часть I. Спб., 1913. 2438 стб.
24. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия I. Часть II. Спб., 1913. 2251 стб.
25. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия I. Часть III. Спб., 1913. 2698 стб.
26. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть I. Спб., 1914. 2094 стб.
27. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть II. Спб., 1914. 1992 стб.
28. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть III. Спб., 1914. 2046 стб.
29. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть IV. Спб., 1914. 1928 стб.
30. Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия II. Часть V. Спб., 1914. 1396 стб.
31. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Пг., 1915. 381 стб.
32. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. Часть I. Пг., 1915. 1399 стб.

33. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. Часть II. Пг., 1916. 2298 стб.
34. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. Часть III. Пг., 1916. 2311 стб.
35. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Пг., 1916. 1757 стб.
36. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1907. 316 с.
37. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. СПб., 1907. 332 с.
38. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия первая. 1907-1908 гг. СПб., 1908. 672 с.
39. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия вторая. 1908-1909 гг. СПб., 1909. 560 с.
40. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия третья. 1909-1910 гг. СПб., 1910. 595 с.
41. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910-1911 гг. СПб., 1911. 551 с.
42. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия пятая. 1911-1912 гг. СПб., 1912. 686 с.
43. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912-1913 гг. СПб., 1913. 621 с.
44. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1913-1914 гг. Пг., 1914. 735 с.
45. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия третья и четвертая. 1915-1916 гг. Пг., 1916. 546 с.
46. Гучков А.И. В Третьей Государственной Думе (1907-1912 гг.): сборник речей. СПб.: Новое время, 1912. 248 с.
47. Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908-1917. Пт.: Новое время, 1917. 130 с.
48. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. / предисл.

К.Ф. Шацилло; сост., коммент. Ю.Г. Фельштинский. М.: Молодая гвардия, 1991. 416 с.

49. Третья Государственная Дума. Материалы для оценки ее деятельности. Спб.: Труд, 1912. 425 с.

IV. Документальные материалы политических партий

1. Либеральное движение в России, 1902-1905 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 648 с.
2. Отчет Центрального Комитета «Союза 17 октября» о его деятельности. С 1 сентября 1911 г. по октябрь 1912 г. М., 1912. 183 с.
3. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
4. Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы. 1905 – 1906 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 248 с.
5. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905-1915 гг. В 2 т. М.: РОССПЭН, 1996-1997.
6. Партия мирного обновления. Постановления группы прогрессистов и программа партии. Спб., 1906. 28 с.
7. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. М.: РОССПЭН, 1994-1998.
8. Речи, произнесенные 5-го ноября 1906 г., на общем собрании членов С.-Петербургского отделения «Союза 17 октября». СПб., 1907.
9. Российские либералы: октябристы и кадеты. Документы, воспоминания, публицистика / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
10. Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах. СПб., 1906. 252 с.
11. Сборник программ политических партий в России / Под. ред В.В. Водовозова. Вып. IV. Спб., 1906. 72 с.
12. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3 т. М., 1997-2000.

V. Периодическая печать

1. Вестник Европы. 1906-1907 гг.
2. Голос Москвы. 1907-1915 гг.
3. Московские ведомости. 1904, 1907 гг.
4. Московский еженедельник. 1906-1910 гг.
5. Новое время. 1906-1907 г.
6. Освобождение. 1902-1905 гг.
7. Петербургский листок. 1905 г.
8. Право и порядок. 1905 г.
9. Речь. 1906-1907, 1911 гг.
10. Русская мысль. 1902-1911 гг.
11. Русские ведомости. 1904-1906, 1909 гг.
12. Русское слово. 1907-1908 гг.
13. Слово. 1906-1907 гг.
14. Страна. 1906 г.
15. Товарищ. 1906 г.
16. Утро России. 1914-1916 гг.

VI. Мемуары, дневники и эпистолярная литература

1. Биценко А. В Мальцевской женской каторжной тюрьме // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 640 с.
2. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.: Л.: Издательство Л.Д. Френкель, 1924. 572 с.
3. Вагнер-Дзвонкевич. Покушение на начальника киевской охранки полковника Спиридовича // Каторга и ссылка. 1924. №12.
4. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1960.
5. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. // Мемуары русской профессуры / Сост. Л.И. Толстая. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 334 с.
6. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. Воспоминания современников. Материалы и документы. М., 2008. 860 с.
7. Гапон Г.А. История моей жизни (The Story of My Life). Нью-Йорк, 1906. 302 с.

8. Герасимов А.В. На лезвии с террористами: воспоминания. Париж: YMCA-PRESS, 1985. 208 с.

9. Гессен И.В. В двух веках. Жизненный очерк // Архив русской революции. В 22 т. Т. 22. М.: Терра, 1993. 424 с.

10. Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. В 2 т. Тбилиси, 1991.

11. Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар (1920-1925) / сост. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2002. 560 с.

12. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 746 с.

13. Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает: Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. 143 с.

14. Дневники императора Николая II (1894-1918). Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 1101 с.

15. Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 414 с.

16. Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989. 191 с.

17. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. В 2 т. Париж, 1933.

18. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания. Париж: Журн. «Ил. Россия», 1936. 617 с.

19. Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. М.: Центрполиграф, 2006. 336 с.

20. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Московская школа политических исследований, 2011. 384 с.

21. Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля - 8 июля 1906 г. М.: Центрполиграф, 2006. 335 с.

22. Милюков П.Н. Воспоминания: 1859-1917. В 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

23. Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.

24. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М.: Анкор, 1993. 286 с.

25. Письма С.П. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901-1905) // Путь: международный философский журнал. 1992. №1.

26. Савинков Б. Воспоминания террориста. М.: Мысль, 1991. 365 с.

27. Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. 263 с.

28. Столыпин П.А. Программа реформ: документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2002. 764 с.

29. «Религиозная общественность» и террор. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908-1909) / Публ. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2003. № 4.

30. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. 729 с.

31. Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: Слово, 1998. 560 с.

32. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 392 с.

33. Фигнер В.Н. Из книги «Запечатленный труд» // Блестящая плеяда. М.: Молодая гвардия, 1989. 623 с.

34. Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. №1. 1924.

35. Христианский социализм (С.Н. Булгаков). Новосибирск: Наука, 1991.

36. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. 592 с.

VII. Материалы органов политического сыска

1. Агентурная работа политической полиции Российской империи. 1880-1917 / Сост. Е.И. Щербакова. М.: АИРО-XXI, СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 384 с.

2. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Сост. О.В. Будницкий. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 576 с.

3. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сб. док. М.: АИРО-XX, 2001. 520 с.

4. Справка Департамента полиции на П.Н. Милюкова (апрель 1913 г.) // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 2000. 560 с.

5. Террор и агентура в Российской империи. 1861-1917. Сборник документов, материалов, воспоминаний / Авт.-сост. Н.Д. Литвинов. Воронеж, 2007. 484 с.

VIII. Публицистика

1. Богданов А. Что такое либералы? СПб.: Вперед, 1907. 28 с.
2. Богучарский В.Я. Из прошлого русского общества: избранные главы. С приложением «Кровавый синодик: смертная казнь по политическим делам в России». М.: Либроком, 2011. 360 с.
3. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. Т. 2. М., 1961. 454 с.
4. Бурцев В. За сто лет: 1800-1896. Сборник по истории политических и общественных движений в России. Т.1. Лондон, 1897. 432 с.
5. Васильев Н.П. Правда о кадетах. СПб., 1912. 95 с.
6. Герье В. Первые шаги бывшей Государственной Думы. М., 1907. 124 с.
7. Герье В.И. Вторая Государственная дума. М., 1907. 379 с.
8. Кистяковский Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи: интеллигенция в России: сб. ст. М.: Молодая гвардия, 1991. 462 с.
9. Кр-ль М.А. Как прошли выборы в Государственную Думу. СПб., 1906. 67 с.
10. Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения. Ч. 2. СПб., 1907. 426 с.
11. Л.Н. (Зеленский Е.О.) О либерализме вообще и дебютах г. Струве в частности. Женева, 1903. 39 с.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 4, 6, 23, 26, 48.
13. Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. 491 с.
14. Меч. В. Борьба общественных сил в русской революции. Вып. 1. Силы реакции. М.: Движение, 1907. 100 с.
15. Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. СПб., 1908. 302 с.
16. Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907. 550 с.
17. Милюков П.Н. Третья Государственная Дума и деятельность в ней фракции Народной свободы. Спб., 1909.
18. Милюков П.Н. Три попытки. Париж, б.д. 87 с.
19. Обнинский В.П. Полгода русской революции: сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 - апрель 1906). Вып. 1. М., 1906. 180 с.

20. Плеханов Г.В. Сочинения. В 24 т. Т. 13. М.; Л., 1926. 380 с.

21. Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (статьи и очерки 1911 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2005. 413 с.

22. Розанов В.В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. 720 с.

23. Романов Н.В. Октябристы и кадеты. СПб.: Зерно, 1906. 15 с.

24. Ромашков Д. Истинный и ложный консерватизм и либерализм. М., 1905. 11 с.

25. Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ю Государственную Думу. Спб., 1907. 249 с.

26. Стахович А.А. Как и кого выбирать в Государственную Думу. Что такое партийные выборы? Краткий обзор русских политических партий. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1907. 31 с.

27. Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. Сб. ст. за 5 лет 1905 - 1910 гг. М.: Республика, 1997. 528 с.

28. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи: интеллигенция в России: сб. ст. М.: Молодая гвардия, 1991. 462 с.

29. Струве П.Б. Смерть В.К. фон-Плеве, впечатления и отклики // Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. 4. М.: Мир, 1925. 200 с.

30. Толстой Л.Н. Не могу молчать! // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 37. М., 1956. 496 с.

31. Штейн В.И. (Морской А.) Исход российской революции. 1905 года и правительства Носаря. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1911. 128 с.

32. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится»: об антисемитизме в России. СПб.: Хорс, 1992. 286 с.

IX. Художественная литература

1. Короленко В.Г. Земли! Земли! М.: Советский писатель, 1991. 224 с.

2. Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М.: ОГИ, 1999. 224 с.

3. Мережковский, Д.С. Конь бледный // Мережковский Д.С. «Больная Россия». Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. 272 с.

4. Савинков Б.В. Конь бледный // Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М.: Терра, 2004. 192 с.

X. Литература

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.

2. Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М.: Наука, 1968. 520 с.

3. Акашкин И.А. Политико-правовая доктрина российского либерализма (вторая половина XIX - начало XX веков): монография. М.: Изд-во СГУ, 2009. 195 с.

4. Алафаев А.А. Власть, народ и либеральное общество в период революционного террора в России на рубеже 70-80 гг. XIX в.: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2008. 361 с.

5. Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906 - 1917 гг.). М.: Юрист, 2005. 415 с.

6. Афанасьев Л.С. Российская трагедия. Высокие жертвы российского террора: заметки для молодежи. Орел: Картуш, 2012. 167 с.

7. Багдасарян В.Э., Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли: монография. М.: ВНИИ, 2004. 161 с.

8. Байрамов Ш.Б., Пиджаков А.Ю. Зарождение и развитие терроризма в Российской империи: монография. СПб.: СПбГУГА, 2006. 237 с.

9. Балтовский Л.В. П.Н. Милюков: ученый в политике. СПб.: СПбГАСУ, 2008. 175 с.

10. Барышников М.Н. Предприниматели в общественно-политической жизни Петербурга накануне выборов в I Государственную Думу // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2.

11. Белоконский И.П. Земское движение. М., 1910. 400 с.

12. Белоконский И.П. Земство и конституция. М., 1910. 184 с.

13. Бовыкин В.И. Революция 1905-1907 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 95 с.

14. Будницкий О.В. Кровь по совести. Терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1994. №6.

15. Будницкий О.В. Отзыв на сочинение А.А. Бакаева «Историография российского революционного терроризма конца XIX - начала XX века», защищенное в качестве докторской диссертации. URL: http://socialist.memo.ru/recens/y05/budnic.htm

16. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.

17. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 567 с.

18. Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 288 с.

19. Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М.: Россия молодая, 1994. 191 с.

20. Власкин А.Г. Русские либералы (социальная философия либерального направления первой половины XX века). СПб.: СПбГУЭФ, 2007. 162 с.

21. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Под ред. В.В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.

22. Воеводина А.А. Власть и общество в христианско-либеральной концепции З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации: теоретический и научно-методический журнал. 2012. № 5 (12).

23. Воеводина А.А. Революция и насилие в творчестве христианских либералов (З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. №3 (69).

24. Воробьева Ю.С. Николай Гучков - московский городской глава. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2009. 232 с.

25. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.) М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

26. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. Спб.: Наука. С.-Петербургское отд-ние, 1991. 221 с.

27. Гейфман А. В сетях террора: Дело Азефа и Русская революция. М.: АИРО-XX, 2002. 256 с.

28. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
29. Гончарова Е.И. Религиозная общественность и террор. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908-1909) // Русская литература. 2003. №4.
30. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров 1901—1911 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 239 с.
31. Горяйнов С.Г. Эволюция политических взглядов А.В. Тырковой-Вильямс // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.
32. Граве Б.Б. Кадеты в 1905-1907 гг. М.; Л., 1931.
33. Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб., 1912. 35 с.
34. Грякалов Н.А. Фигуры террора. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 169 с.
35. Гурко В.И. Царь и Царица. Париж: Возрождение, 1927. 123 с.
36. Гусев К.В. Рыцари террора. М.: Луч, 1992. 143 с.
37. Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М.: АИРО-XX, 2005. 223 с.
38. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. 486 с.
39. Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. 286 с.
40. Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993. 238 с.
41. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967. 374 с.
42. Егоров А.Н. Образ М.А. Стаховича в воспоминаниях современников // Орловский мудрец, опередивший время: сборник научных статей. Орел: ИД Орлик, 2011. 196 с.
43. Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии. Монография. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2007. 259 с.
44. Зевелев А.И., Свириденко Ю.П. Историография истории политических партий России. М., 1992.

45. Ибатуллин Р.У. Интеллигенция и терроризм в России в начале XX века // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. М., 2012. 224 с.

46. Иконников-Галицкий А. Самоубийство империи. Терроризм и бюрократия. 1866-1916. СПб.: ЛИМБУС-ПРЕСС, 2013. 340 с.

47. Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. М.: Изд-во «Мемориал», 1996. 182 с.

48. Исаева Т.Б. История политического терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX века). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996. 17 с.

49. Исаева Т.Б. Террористическая идеология в политических и правовых учениях российской оппозиции (XIX – начало XX вв.): монография. Смоленск: Универсум, 2010. 244 с.

50. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1: Генеральная репетиция Великого Октября: первая буржуазная демократическая революция в России. М.: Политиздат, 1985. 575 с.

51. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1938. 351 с.

52. История политических партий России. М.: Высшая школа, 1994. 447 с.

53. Казанина Л.Ю. Российский либерализм и реформы П.А. Столыпина (1906-1911): монография. Новомосковск: НФ УРАО, 2009. 213 с.

54. Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из история русской политической мысли XIX-XX вв. М.: Московская школа политических исследований, 2009. 248 с.

55. Карнишин В.Ю. Введение // Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905-1906 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 248 с.

56. Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.

57. Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей в 1905 – 1907 гг. // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. I. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 197 с.

58. Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей в России в 1905-1907 гг. // Политические партии в российских революциях в начале XX века. / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М.: Наука, 2005. 532 с.

59. Кашников Б.Н. Природа террористического действия. Примеры и проблемы // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: сборник научных докладов. В 2 ч. Ч. 1. Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2008. 303 с.

60. Квасов О.Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2010. №2.

61. Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901-1911 гг.). Воронеж: ВГУ, 2005. 224 с.

62. Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция // Вопросы философии. 1990. №10.

63. Ключник Р.Т. Вторая террористическая война в России 1901-1906 гг. Позорный период российской интеллигенции и верховной элиты. СПб., 2008. 304 с.

64. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

65. Колеров М.А., Морозов К.Н. Религиозное сознание и революция: Мережковские и Савинков в 1911 году: предисловие к публикации // Вопросы философии. М., 1994. № 10.

66. Корнев В.Н. Либеральные концепции государства и права в России начала XX века (1905-1917 годы). Монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. 160 с.

67. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. СПб., 1912. 218 с.

68. Кошель П.А. История наказаний в России. История российского терроризма. М.: Голос, 1995. 376 с.

69. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. 664 с.

70. Кротова М.В. Н.В. Устрялов: между либерализмом и сталинизмом // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859-1943). Материалы Международного научного коллоквиума. М., 2010.

71. Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905-1943 гг.). М.: Унив. гуманитар. лицей, 1997. 151 с.

72. Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской. Путь русского либерала. М.: Молодая гвардия, 2008. 368 с.

73. Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. М.: Мысль, 1967. 286 с.

74. Лебедев В.Д. Политический террор в России между двумя революциями начала XX века // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. М., 2012. 224 с.

75. Леонов М.И. «Заговор против императора» и II Государственная Дума // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2009. №7 (73).

76. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

77. Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х гг. XIX века - 1907 г. // Политические партии в российских революциях в начале XX в. М.: Наука, 2005. 532 с.

78. Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. Материалы конференции. М.: Изд-во «Мемориал», 1996. 182 с.

79. Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. №5/3 (55).

80. Леонов М.И. Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара: СГУ, 1992. 191 с.

81. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М.: Русский путь, 1995. 444 с.

82. Либерализм в России / Отв. ред.: В.Ф. Пустарнаков, И.Ф. Худушина. М., 1996. 451 с.

83. Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.

84. Лонге. Ж., Зильбер. Г. Террористы и охранка. М.: Советская Россия, 1991. 208 с.

85. Львов-Рогачевский В.Л. Наши политические партии. Ч. 1: Либералы. М.: Русская Печатня, 1917. 46 с.

86. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 1/2. Томск, 1908. 537 с.

87. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956. 442 с.

88. Матюхин А.В. Теория государственного управления в истории русского либерализма (XIX – начало XX вв.) М.: МГОУ, 2008. 148 с.

89. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.

90. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 623 с.

91. Начало первой русской революции, январь-март 1905 года / Под ред. Н.С. Трусовой. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 960 с.

92. Непролетарские партии России. Урок истории. М.: Мысль, 1984. 566 с.

93. Николаевский. Б.И. История одного предателя. Террористическая и политическая полиция. Нью-Йорк: Россика, 1980. 374 с.

94. Обнинский В.П. Новый строй. Ч. 1: Манифесты 17 октября 1905 г. - 8 июля 1906 г. М.: Образование, 1911. 159 с.

95. Обнинский В.П. Новый строй. Ч. 2: Реакция. М.: Образование, 1911. 328 с.

96. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 53 000 слов. М.: ОНИКС: Мир и Образование, 2005. 894 с.

97. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М.: Феникс, 1992. 256 с.

98. П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 2000. 560 с.

99. Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905-1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. М.: Наука, 1989. 248 с.

100. Павлов Д.Б. Предисловие // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. 408 с.

101. Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М.: Изд-во Всесоюз. заоч. политехн. ин-та, 1989. 239 с.

102. Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.

103. Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1900-1907. М.: Академический Проект, 2008. 654 с.

104. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004. 494 с.

105. Пайпс Р. Русская революция В 3 т. М.: РОССПЭН, 1994.

106. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.

107. Пайпс Р. Струве: левый либерал, 1870-1905. Т. 1. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 552 с.

108. Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905-1944. Т. 2. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 680 с.

109. Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 2. Париж, 1914. 193 с.

110. Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.

111. Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм. Ульяновск: УлГТУ, 2006. 128 с.

112. Петухов В.Б. Терроризм как социокультурное явление: учебное пособие к спецкурсу. Ульяновск: УлГТУ, 2006. 110 с.

113. Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX-XX вв. М.: Главполитпросвет, Красная Новь, 1924. 232 с.

114. Политическая история России в партиях и лицах. М.: Терра, 1993. 364 с.

115. Политические партии в российских революциях в начале XX века. / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М.: Наука, 2005. 532 с.

116. Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.

117. Попов И.В. Борьба с терроризмом в Российской империи (на примере Московского охранного отделения). 1905-1914 гг. Краснодар, 2004. 152 с.

118. Портнягина Н.А. I Государственная дума в борьбе за власть: оценка революционного террора // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. №3. Т. 4.

119. Портнягина Н.А. Нельзя совместить конституцию с насилием…»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905 - 1907 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. №2. Т. 4.

120. Портнягина Н.А. Обсуждение проблемы террора в III Государственной думе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. №1. Т. 4.

121. Портнягина Н.А. Партия никогда не позволяла себе ругаться над террористами»: политический террор в оценке кадетской партии в период революции 1905 – 1907 гг. // Вестник славянских культур. 2014. №1 (31).

122. Портнягина Н.А. Политический терроризм в восприятии русской либеральной журналистики в начале XX века (на материалах журнала «Русская мысль») // Вестник славянских культур: научный и литературно-художественный альманах. №5-6. М., 2002.

123. Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. Материалы конференции. М.: Изд-во «Мемориал», 1996. 182 с.

124. Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. 336 с.

125. Российские либералы: сб. статей / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.

126. Россия в начале XX века / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 744 с.

127. Русакова О.Ф. Якобинский и либеральный радикализм в России // История и террор: тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Вып. II. Пермь: Пермский ун-т, 1996. 76 с.

128. Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 1999. 567 с.

129. Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 432 с.

130. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX -начало XX в.). М.: Памятники исторической мысли, 1995. 286 с.

131. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.): монография. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2006. 227 с.

132. Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме: монография. М., 1996. 363 с.

133. Семенов В.Л. Метафизика террора // История и террор: материалы межвузовской научной конференции. Вып. III. Пермь, 1998.

134. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий, 1996. 268 с.

135. Сеф С.Е. Буржуазия в 1905 году: по неизданным архивным материалам. М.; Л.: Госиздат, 1926. 128 с.

136. Сибиряков И.В. Новый российский либерализм: опыт реконструкции социоморальной среды. Челябинск: ЮУрГУ, 1998. 178 с.

137. Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. 383 с.

138. Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX века // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. М., 2012. 224 с.

139. Сидоровнин Г.П. Петр Аркадьевич Столыпин: жизнь за Отечество: жизнеописание (1862-1911). М.: Поколение, 2007. 713 с.

140. Слепков А.Н. Классовые противоречия в первой Государственной думе. Пг., 1923. 148 с.

141. Соловьев К.А. Кружок Беседа. В поисках новой политической реальности. 1899-1905. М.: РОССПЭН, 2009. 288 с.

142. Соломатина Е.Д. Российский либерализм в начале XX века. Монография. Воронеж: Научная книга, 2007. 131 с.

143. Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков: Пролетарий, 1928. 278 с.

144. Спиридович А.И. Революционное движение в России. Выпуск II: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. 579 с.

145. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. 366 с.

146. Стальный В. Кадеты (конституционно-демократическая партия народной свободы). Харьков: Пролетарий, 1929. 57 с.

147. Степанов С.А. Черносотенный террор 1905-1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX в. Материалы конференции. М.: Изд-во «Мемориал», 1996. 182 с.

148. Суворов А.И. В противоборстве с террористами (из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом): Монография. М.: ЮНИТИ-Дана, 1999. 240 с.

149. Суворов А.И. Политический терроризм в России в XIX – начале XX века и российское общество. М.: Юрид. ин-т МВД РФ, 1999. 38 с.

150. Сухова О.А. Революционный терроризм в России конца XIX – начало XX века: историография, методология, факты // Исторический вестник. Т. 2 (149): Терроризм в России в начале XX в. М., 2012. 224 с.

151. Таганцев Н.С. Смертная казнь: сб. ст. СПб., 1913. 184 с.

152. Томсинский С.Г. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. Краснодар: Красная новь, 1924. 175 с.

153. Уэст Дж. Л. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара: Изд-во Самарский университет, 2000. 332 с.

154. Хайлова Н.Б. В поисках «почвенной» модели либеральной партии накануне и в годы Первой русской революции // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 2000. 560 с.

155. Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский // Ковалевский М.М. Избранный труды. В 2 ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2010. 576 с.

156. Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.

157. Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ о преобразованиях П.А. Столыпина // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина. Материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции (Самара, 21 апреля 2011 г.). Самара: Изд-во Самарский университет, 2011. 400 с.

158. Хайлова Н.Б. Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.

159. Хлысталов Э.А. Острецов В.М. Босиком среди гадюк. О союзе русского народа. Библиотечка КЛИО. М.: Отечество, 1992. 64 с.

160. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг. М.: Соцэкгиз, 1939. 376 с.

161. Шацилло К.Ф. 1905-й год. М.: Наука, 1980. 192 с.

162. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. М.: Наука, 1985. 347 с.

163. Шевырин В.М. Партия мирного обновления // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.

164. Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М.: Премьер пресс, 2007. 257 с.

165. Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. №5.

166. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914. М.: Наука, 1991. 231 с.

167. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1983. 328 с.

168. Шелохаев В.В. Кадеты // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.

169. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М.: Наука, 1987. 159 с.

170. Шелохаев В.В. Прогрессисты // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.

171. The Cambridge history of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 777 p.

172. The Cambridge history of Russia. Vol. III: The Twentieth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 858 p.

173. Stockdale M.K. Paul Milioukov and the quest for a liberal Russia: 1880-1918. Cornell University, 1996. 379 p.

174. Piha Th. A Russian European: Paul Miliukov in Russian politics. London: University of Notre Dame Press, 1969. 373 p.

175. Laqueur W. Terrorism. Boston-Toronto: Little, Brown & Co., 1977. 277 p.

176. Fischer G. Russian liberalism: from Gentry to intelligentsia. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 240 p.

XI. Диссертационные исследования

1. Бакаев А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX - начала XX века. Диссертация … доктора исторических наук. М., 2005.

2. Баранов А.С. Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX – начала XX века. Диссертация … кандидата культурологических наук. М., 2006.

3. Горбачева И.М. Индивидуальный политический террор леворадикальных партий и борьба с ним Московского охранного отделения: конец XIX в. - 1917 год. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2006.

4. Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Диссертация ... доктора исторических наук. Пермь, 2009.

5. Куканов А.В. Государственная власть и политический терроризм партии социалистов-революционеров (1900-1905). Диссертация … кандидата исторических наук. СПб., 1997.

6. Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии общества. Диссертация … кандидата исторических наук. М., 2011.

7. Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905 - 1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний. Диссертация ... кандидата исторических наук. Кострома, 2007.